

Анатолий Беляев

**ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРАКТИКИ**

рассказы

Нестор-История
Санкт-Петербург
2011

УДК 82–3:55–44
ББК 84(2Рос=Рус)

*Автор выражает глубокую благодарность
генеральному директору фирмы «Сидосе»
Юхалину Павлу Владимировичу за издание сборника*

Б 44 **Беляев А.**

Геологические практики: Рассказы. —
СПб. : Изд-во «Нестор-История», 2011. — 138 с.

ISBN

В книге рассказывается о геологических практиках студентов Ленинградского государственного университета в Карелии и Болгарии, на которых автор был преподавателем.

УДК 82–3:55–44
ББК 84(2Рос=Рус)
Б 44

© А. Беляев, 2011
© Сидосе, 2011
© Издательство «Нестор-История», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

За время учебы в Ленинградском государственном университете студенты геологи проходили три учебных практики: в поселке Саблино Ленобласти, в горном Крыму и после третьего курса специализированные практики в Северном Приладожье в Питкьярантском горнорудном районе. В советские времена этот район ежегодно посещали группы студентов из университетов социалистических стран по безвалютному обмену. В свою очередь, наши студенты по этому обмену проходили геологические практики на территории Германии, Чехословакии, Польши, Венгрии, Югославии и Болгарии.

В начале XXI века в Карелии стали проходить учебную практику студенты первой в России кафедры экологической геологии.

Геологические практики — самое счастливое и незабываемое время в жизни студентов. Позади зима, напряженный учебный год и весенняя сессия, а впереди лето, работа на природе и веселая беззаботная компания. На встречах выпускников геологического факультета, даже через пятьдесят лет после окончания, все в первую очередь вспоминали геологические практики.

Мне как преподавателю тоже было приятно общаться со студентами на этих практиках, ходить в маршруты, сидеть у костра, петь песни и видеть их счастливые молодые лица.

БАНЯ ПО-КАРЕЛЬСКИ

На всей территории огромной страны, занимающей одну шестую часть суши, геологические экспедиции вели поиски месторождений урана. Покрыть такую территорию пешеходными маршрутами с радиометрами было невозможно, поэтому с самолетов, оборудованных чувствительными гамма-датчиками, производилась аэрогаммасъемка. Обнаруженные аномалии гамма-поля надо было заверить, и в эти районы обычно направляли группы, состоящие из геолога и радиометриста. Они на месте делали глазомерную топографическую съемку, составляли схему геологического строения участка и устанавливали причину аномального гамма-поля. Именно для такого характера работ в урановых экспедициях и готовили студентов-радиоактивщиков в ЛГУ на учебной геологической практике в Карелии.

В конце мая, когда с Ладоги порывами налетал холодный западный ветер, пригонявший к берегу остатки серых не растаявших льдин, на берегу озера недалеко от поселка Юляристи студенты и преподаватели разбивали палаточный лагерь. Живописная лесная поляна с изумрудной весенней травкой идеально подходила для лагеря. Не верилось, что в девятнадцатом веке здесь был рудный двор, стоял грохот тележек, подвизивших железную руду, кокс и флюс, и высокая домна извергала в небо клубы черного дыма. А когда созревала плавка чугуна, то из огнедышащей лётки, как из жерла вулкана, прямо в ладожскую воду изливался расплавленный шлак и застывал, превращаясь в разноцветные сине-зеленые стекла.

На этой учебной практике все должно было имитировать суровые условия геологического десанта — глазомерная топографическая съемка сильно пересеченной местности, составление схемы геологического строения участка и при этом жизнь в палатках, тяжелые маршруты, кухня на костре, умывание в ледяной ладожской воде.

В один год имитация тяжелых бытовых условий особенно удалась. На вокзале в Питкяранте нас ждал автобус, заранее арендованный в этот день в местном автотранспортном предприятии всего на два часа. Когда мы прибыли на поляну, где обычно устанавливали лагерь, хлынул проливной холодный дождь. Сидеть в машине и ждать окончания ливня не было возможности, так как автобусу надо было срочно уезжать обслуживать городской маршрут. Водитель предложил вернуться в зал ожидания на железнодорожный вокзал и обещал снова подвезти нас на поляну, когда дождь закончится. Но если такой ливень продолжится еще час, то палатки в лужи не поставишь.

Студенты третьего курса уже настоящие геологи, прошедшие две полевые геологические практики, и никто из них не занял по поводу дождя. А я, как куратор этой группы, обязан был показывать ребятам пример.

Замотавшись в полиэтиленовую накидку, я сбегал в лес и вырубил длинный центральный кол для шатровой десятиместной палатки. Прямо в автобусе на кол надели верх палатки. Пришлось еще раз выскочить на дождь и на месте установки палатки кувалдой забить в землю четыре кольшка. Пятеро студентов с палаткой наперевес и с криком «на бордаж!» выскочили на дождь. Мы со студентом Алексеем Морозовым залезли внутрь палатки и вдвоем подняли ее крышу, установив кол в вертикальном положении. Остальные четверо ребят одновременно натянули растяжки по углам и привязали их к вбитым в землю кольшкам. Палатка расправила крылья, и плацдарм был захвачен. Дождь бессильно барабанил по натянутому брезенту. Быстро перетасили в палатку рюкзаки и снаряжение. Автобус сгонял в поселок и привез еще несколько палаток, колья и стойки для их установки, которые мы хранили в сарае местного жителя Матти Торонена.

Под дождем поставили все остальные палатки. Студенты были очень довольны такой победой и радовались приключению.

«Вот она какая, баня по-карельски», — смеялись они, не подозревая, что настоящие испытания еще впереди.

Наконец, дождь прекратился. На кирпичных развалинах домны студенты водрузили экспедиционный флаг. В центре лагеря собрали длинный обеденный стол из деревянных

щитов. И наконец, преподаватель Александр Сергеевич Воинов прочитал студентам вводную лекцию о геологическом строении Северного Приладожья.

Александр Сергеевич был кандидатом геолого-минералогических наук и моим учителем. Несколько лет назад в этом же районе, будучи студентом третьего курса, я проходил под его руководством учебную геологическую практику, а на пятом курсе он был научным руководителем моей дипломной работы.

На одну восьмую Воинов был вепс и очень гордился своей кровной принадлежностью к этому маленькому, но чрезвычайно гордому народу. Бравируя реликтовым угрофинским акцентом, он иногда даже позволял себе нарочитую несогласованность в устной речи, типа: «какая сильная сегодня ветер».

Александр Сергеевич блестяще читал лекции — убедительно, логично и понятно. Я слушал его много раз и всегда удивлялся и завидовал таланту Учителя. Однажды, проходя по коридору кафедры геологии и поисков месторождений радиоактивных элементов, где мы работали, я услышал за дверью аудитории громкий голос преподавателя.

«Кому это Воинов так упоительно читает лекцию?» — спросил я нашего сотрудника Алексея Мазалова.

«Третьему курсу. Только в аудитории всего один студент Хаецкий».

Этот студент, как, впрочем, и я сам, имел обыкновение засыпать на лекции через пять минут после начала. Такая у некоторых людей тормозная система.

«А если Хаецкий уже спит? — вдруг сообразил я. — Тогда, выходит, Воинов сам себе лекцию читает?»

После лекции Хаецкий признался мне, что Воинов все-таки обиделся и предупредил: «Если в следующий раз вас будет еще меньше, то я лекцию читать не буду».

В конце вводной лекции Александр Сергеевич рассказал студентам о том, что им предстоит геологическая съемка сложнодислоцированных (измятых в складки и смещенных разломами) метаморфических толщ. Разбившись на бригады, студенты должны составить схему геологического строения небольшой гранитогнейсовой куполовидной структуры, которая располагается на мысе Ристиниеми.

— «Ристи» в переводе с финского крест, а «ниями» — окончание названий для всех мысов, — уточнил Александр Сергеевич.

— Вы рассказали про три точки зрения на происхождение куполовидных гранитогнейсовых структур, — с ехидцей спросил преподавателя студент, которого все ребята называли Сатанюк, — а как же они образовались в действительности?

— На этот вопрос вы попытаетесь ответить сами, когда закончите съемку и построите схему геологического строения Ристиниемской куполовидной структуры.

— Значит, Вы не знаете, какая из трех гипотез верна?

— Да, не знаю.

— Ну, тогда преподаватели должны сначала сами выяснить истину, а потом и спрашивать студентов, — торжествуя заключил Сатанюк.

За столом повисла неодобрительная тишина. Студентам явно не понравилась выходка их товарища.

Но Воинов нисколько не смутился.

— На прошлогодней практике во время сдачи зачета на вопрос: «Как образуются куполовидные гранитогнейсовые структуры?» — студент Антонов мне ответил:

«Я знал, но забыл!»

«А вы точно знали, как они образовались?»

«Да, точно знал, но забыл!»

«Жаль, — говорю я, — один человек в мире точно знал, как образовались куполовидные гранитогнейсовые структуры, и тот забыл!»

Так что если вы хотите знать точно, как они образовались, поинтересуйтесь у Антонова, может, он уже вспомнил?

— Как же можно успешно искать полезные ископаемые, если у геологов нет единой точки зрения даже на историю геологического строения района? — с ноткой разочарования в голосе спросила Алена Макарьева.

— Геологические знания, как, впрочем, и все другие, относительны. Два века тому назад в поисковой геологии господствовала парадигма о рудных жилах. Проще говоря, считалось, что руды залегают в форме жил и надо искать, куда идут эти жилы. При всей примитивности такой концепции, древние рудокопы успешно искали и раз-

рабатывали в Саксонии месторождения свинца, цинка и олова.

Примостившись на краешке стола, лекцию внимательно слушала Лена Руденко — лаборантка нашей кафедры. Она тоже была студенткой, но находилась в академическом отпуске и поэтому на практику приехала поварихой. Лена привезла собаку — восточносибирскую лайку по имени Урнай, которого все почему-то называли Юш. Пес много раз бывал в экспедициях с отцом Лены — известным на Северо-Западе геологом. Пока Воинов читал лекцию, Урнай, забравшись под обеденный стол, с наслаждением вылизывал банку из-под тушенки. Это был самый очеловеченный пес, которого я встречал. Он понимал абсолютно все, что ему говорили. Покончив с банкой, Юш пробрался между ног студентов, вылез из-под стола и вразвалочку направился в лес.

— Ты куда? — негромко спросила собаку хозяйка.

За столом вдруг образовалась тишина, и взоры ребят обратились на Урная.

Юш почувствовал всеобщее внимание, остановился и, не поворачивая головы, развернул уши назад, с целью определить, к нему ли относится этот вопрос. Пес шевельнул хвостом, крутой баранкой закрученным на левую сторону, спрашивая: «Это вы мне?»

— Кто за тобой убирать будет? Возьми банку и отнеси в мусорную яму. — Лена даже не повысила голос.

Юш немного постоял для солидности, затем, не глядя на хозяйку, не спеша, вернулся, взял в зубы банку и понес ее к мусорной яме. Потрясенные студенты молчали. Пес аккуратно бросил банку в яму. Все захлопали в ладоши. Юш обернулся и с гордым видом посмотрел на студентов, словно хвастаясь: «Я еще и не то могу», затем нашел взглядом хозяйку и, прижав уши, извинился: «Я и сам хотел убрать, но только... немного погода».

— Урнай показал вам, как следует поступать с мусором, — Воинов не мог упустить случая для назидания. — Территория лагеря всегда должна быть идеально чистой. В обязанности дежурных входит надзор за мусорной ямой, которую на ночь необходимо накрывать щитом, чтобы содержимое не растащили по лесу сороки и чайки. И каждое

утро мусор должен быть упакован и готов для вывоза на городскую свалку.

Вечером все собрались у большого костра, бросающего миллиарды искр в таинственный сумрак белой ночи. В ведре дымился заваренный крепкий чай — самый вкусный чай в мире. На холодном воздухе от кружек валил пар.

Я рассказывал ребятам про свой опыт десантирования на дипломной практике, когда после прыжка с вертолета чуть не утонул в болоте, и что в настоящее время самым классным специалистом по заверке гамма-аномалий является наш выпускник, геолог аэропартии Невской экспедиции Саша Снытко.

Под аккомпанемент гитары ребята с чувством исполняли песню геофизика Сергея Лебедева «Судьба геолога»:

На далеком Севере
Ветры дуют стужие,
На далеком Юге
Расцвели сады.
По Востоку Дальнему
Носятся тайфуны,
На далеком Западе
«Всё хотят войны!»

В Центре — Казахстанская
Степь лежит широкая,
Время поглотившая
В бездну Бытия...
На земле — ни кустика,
На небе — ни облака...
Лишь Судьба Геолога
Верная моя.

Как же мне ту степь пройти,
Вдоль ли, поперек ли?
Как же мне руду найти?
Для Страны родной...
Я консервы кушаю,
Слушаю приемник:
Что творится в мире там,
В мари голубой?

На далеком Севере
Ветры дуют стужие,
На далеком Юге
Расцвели сады.
По Востоку Дальнему
Носятся тайфуны,
На далеком Западе
«Всё хотят войны!»

Девушки прогревали у костра бязевые вкладыши для спальников. Нас ожидала первая, самая холодная ночь. На первых двух учебных практиках в Саблино и в горном Крыму на базах были кровати и одеяла, а здесь многим впервые предстояло спать на замороженной сырой земле.

Печки мы не использовали, так как боялись, что студенты не уследят, и случится пожар, а палатка горит пять минут. Но обычно холода стояли не больше двух-трех дней, затем погода налаживалась, и студенты даже загорали, а некоторые купались в ледяной воде.

Разошлись за полночь.

В своей палатке я постелил на мокрую траву толстый полиэтилен и положил на него вытертый солдатский полушубок, в котором отец вернулся с войны. Укрылся фронтовой плащ-палаткой, пробитой в двух местах пулями. Эту плащ-палатку в конце войны подарил отцу боевой товарищ, который утверждал, что пули, как и снаряды, два раза в одно и то же место не попадают. Вот уже пятый полевой сезон я брал плащ-палатку с собой на практики и в экспедиции.

По брезенту снова забарабанил дождь. Для меня эти звуки, как хорошая музыка. Обычно под шум дождя я засыпаю с чувством глубокого удовлетворения, как будто закончена важная и тяжелая работа.

Утро выдалось светлое и яркое. От вчерашней непогоды не осталось и следа. На ажурной паутине, растянутой между елями, словно алмазы в дорогой диадеме, сверкали капельки росы. Высоко в небе серебрились перистые облака. Ладожское озеро застилал туман, стоял полный штиль. Чайки сидели на воде и истошно оралы на всю округу.

Вдруг раздался необычный гул, это многотысячные гусиные стаи неторопливо разворачивались над озером перед

полетом к северу. Сердце сладостно защемило от птичьего гомона, как будто дикие гуси позвали меня с собой в далекую заполярную Лапландию:

«Ну, что ты стоишь, полетели с нами!»

А в тундре еще зима, и куропачи с налитыми кровью бровями в любовном азарте гоняются по синему ноздрястому снегу за изящными куропатками. И пушистые белые песцы терпеливо следят за своей добычей, осторожно выглядывая из распадков. И повсюду стоит одуряющий запах весеннего снега. Я где-то читал, что снег не может иметь запаха. Интересно, что же тогда пахнет в снежной тундре, когда даже чахлая растительность занесена снегом больше, чем на метр. Это пахнет весна.

У самого берега громоздился огромный валун. На нем до сих пор сохранились следы масляных красок из моего этюдника. Это случилось на прошлогодней практике, когда я засиделся со студентами у костра — пели песни и травили разные байки. В три часа ночи стали расходиться, но рассвет польхал в полнеба, и спать совсем не хотелось. Пленный игрой красок над утренней Ладогой, я пристроился с маленьким этюдником у этого камня. Меня, как настоящего художника, наконец-то посетила Муза. Но пока я неумело смешивал краски на палитре, освещение и цвет неба быстро менялись. Муза вдохновляла меня, как могла, целый час, но от созерцания моей мазни терпение ее закончилось, и она незаметно исчезла. Этим воспользовался бог сновидений Морфей, который подкрался и утащил меня в страну грез. Проснувшись, я обнаружил, что во сне упал на палитру, измазав разноцветными масляными красками штормовку и камень. Больше Муза меня не посещала.

В первое утро я был дежурным преподавателем. Надо было разбудить повараху, дежурных и помочь им приготовить завтрак.

Старшим дежурным был назначен Алексей Морозов, поступивший в университет после трех лет службы в армии, а я был научным руководителем его курсовой работы. Когда Алексей сильно запоздал со сдачей курсовика, то, по существующей тогда на кафедре традиции, оценка за работу должна была быть снижена ему до трех баллов. Выслушав предупреждение, бывший сержант с достоинством ответил:

«Раз положено, то снижайте». Прочитав курсовую работу, я был приятно удивлен точностью петрографического описания гранитов и ясностью изложения материала. Честно скажу, что больше таких курсовых работ у меня не было. В коридоре я объявил Алексею, что передумал и решил, в виде исключения, повысить ему оценку до пяти баллов.

«Решили, так повышайте!» — просто ответил студент.

Вечером у костра я наказал Алексею, чтобы он на ночь привязал к руке веревку, а ее конец оставил снаружи палатки. Так что утром мне не надо тревожить всех студентов, а дернуть за веревочку и разбудить дежурного.

Урнай по-приятельски салютовал мне взмахом пушистого хвоста, как бы спрашивая:

«Дежурных пойдем будить, что ли?»

Пес чувствовал во мне начальника и по экспедиционно-му опыту знал, что с начальством лучше дружить.

Я направился будить дежурных и повариху. Около входа в палатку, в которой жил Алексей вместе с тремя ребятами, на мокрой земле лежал конец веревки. Два первых осторожных подергивания никакого эффекта не дали. Я сильнее дернул веревку, и в палатке раздался душераздирающий вопль, как будто у Алексея оторвалась рука. Испугавшись, я бросил веревку на землю, и ее конец, извиваясь, словно змея, уполз под брезент входа. В палатке послышались голоса, чуть ли не ругань. Через пару минут наружу наконец-то выполз заспанный дежурный.

— Ты чего орал на весь лагерь? — спросил я Алексея.

— Это не я, а Старшина.

— А он чего орал?

Алексей небрежно махнул рукой:

— К нему еще в армии привязался один дурацкий сон, будто его вешают. А вчера вечером, пока я залезал в спальник, то временно накинул на шею Старшине веревочную петлю, потом забыл снять и уснул. Ну и утром так совпало, когда вы потянули за веревку, ему как раз и снился этот страшный сон, вот он и заорал.

Лицо студента выражало искреннюю простоту и абсолютную невинность. Я по достоинству это оценил, так как по собственному опыту знал, что трудно сделать такое лицо. Стало ясно, что это аукнулись мои рассказы про хохмы молодости.

— Я же мог его случайно задушить.

— Ну, это вряд ли, вы же гуманный человек.

— Иди, разбуди второго дежурного, и разводите костер.

На второй день руководитель практики доцент Львов Борис Константинович, или как его за глаза сокращенно называли БК, получил из Ленинграда телеграмму и срочно собрался в заграникомандировку в Швейцарию на заседание международной комиссии по классификации магматических горных пород. Он был специалистом в области минералогии гранитов.

Перед отъездом БК показал мне, где в его экспедиционном выючном ящике находится медицинская аптечка и НЗ — плоская фляжка со спиртом.

«Использовать только в самом крайнем случае» — строго предупредил он.

Я заверил руководителя, что после практики эта фляжка вернется в университет на кафедру вместе с выючником, в целостности и сохранности.

Преподавателями на две группы студентов остались мы с Воиновым.

С Александром Сергеевичем всегда было очень легко и приятно работать. Спокойный, уравновешенный, доброжелательный к студентам, он все делал без суеты и, главное, вовремя. В суматошный день отъезда на эту практику студенты и преподаватели бегали по кафедре, собираясь в дорогу, и только Воинов никуда не торопился, так как у него все было собрано заранее. Он приставал ко всем с просьбой дать ему гвоздик. Народ отмахивался, так как найти гвоздик в такой суете было уже невозможно.

«Он тебе нужен для того, чтобы забить его в кол палатки и повесить куртку, когда установим лагерь?» — вдруг сообразил я.

«Конечно, при установке лагеря гвоздик будет найти сложно», — ответил Александр Сергеевич.

Два дня ребята делали глазомерную топографическую съемку — вычерчивали на ватмане план, на который нанесли извилистые очертания берега мыса Ристиниеми, лесные тропинки, болотца и обрывы. И так качественно они это сделали, что потом, когда мы наложили их схему на топографический план, то очертания мыса совпали полностью. Так что ребята не халтурили.

Три дня отводилось на геологическую съемку. Студенты под нашим руководством ходили маршрутами по профилям, которые сами и провешивали по компасу. На топографическую схему они наносили выходы различных горных пород, границы между ними и, в конце концов, получалась схема геологического строения участка.

Вечером, сидя на бревнах у костра, я проверял полевые дневники, в которых студенты записывали геологические маршруты, топографические привязки обнажений горных пород и их названия. Ребята двух бригад, у которых я был руководителем, с дневниками в руках сидели в очереди в ожидании проверки и дружно смеялись, когда я вслух зачитывал очередные студенческие перлы, сопровождая их своими комментариями. Надо заметить, что при такой методике ребята сразу запоминали ошибки своих товарищей и их не повторяли.

В одном дневнике я прочитал совершенно замечательное определение: «порода, очень похожая на гранит».

— Жаль, что Львов уже уехал в Швейцарию на заседание комиссии по классификации гранитов, — произнес я.

— Это почему же? — насторожился студент, у которого я проверял дневник.

— Потому что в твоём дневнике заложена основа совершенно гениальной по простоте классификации магматических горных пород, в которой выделяются всего четыре класса:

- порода, очень похожая на гранит;
- порода, похожая на гранит;
- порода, не похожая на гранит;
- порода, совершенно не похожая на гранит.

Ребята закончили геологическую съемку, и четыре дня отводилось на геологические маршруты.

Студентка Алена Макарьева и наша повариха лаборантка Лена Руденко целый вечер ныли, что давно пора съездить в городскую баню. На другой день в маршруте мы наломали в лесу березовых веников. Алексей Морозов — великий специалист по русской бане — показал студентам, как надо вставлять в середину веника ветки можжевельника. На обратном пути заскочили в лагерь, забрали Лену и оставили дежурным одного из студентов. По дороге в город я вдруг засомневался, сколько отделений в Питкярантской бане:

одно или два. Если одно, то мужчины и женщины должны мыться по очереди в разные дни. Я поделился своими опасениями со студентами.

— Ничего страшного, — не смутились ребята, — если сегодня мужской день, то нас много, и наши девочки смогут помыться за простыней. Вряд ли местные мужики станут возражать. Ну, а если женский день, то нас, конечно, не пустят.

По дороге в баню один из студентов рассказал о своей службе в Германии:

— Однажды я перегонял грузовик из одной воинской части в другую. В пути, конечно, испачкался и решил помыться в общественной бане в небольшом немецком городке. Протягиваю кассирше десять марок — билет купить, а она уставилась на меня и вдруг спрашивает:

«Фамилиен!»

В первый год службы я по-немецки почти ничего не понимал — в школе французский учили, ну и решил, что она зачем-то спрашивает мою фамилию, и сразу насторожился. Зачем, думаю, кассирше понадобилась моя фамилия? Может, это военная тайна! Не зря нас замполит бдительности учил, так я тебе и сказал свою фамилию. А может, вам еще и номер части сказать? Решил соврать и отвечаю: «Петров».

Она снова: «Фамилиен таг!»

То, что слово «таг» переводится на русский язык как «день», я уже знал, но не обратил внимания и снова говорю: «Петров».

Она в третий раз: «Фамилиен таг!»

Ну, думаю, достала бабка, в голове у нее что-то заиклилось. Захотелось мне ответить ей по-немецки что-нибудь веское, но кроме как «хенде хох», ничего вспомнить не смог. И кассирша словно поняла меня, отстала и дает мне билет и сдачу.

Только потом узнал, что она не фамилию мою спрашивала, а предупреждала, что сегодня семейный день, и немцы моются семьями.

Захожу в отделение, а там все голые — мужчины, женщины, дети. А парень я молодой и к тому времени голых женщин в натуре первый раз в жизни увидел. Прикрылся тазом — и бежать в раздевалку. А деньги мне кассирша вернула.

— Карелы, финны и вепсы тоже моются в банях семьями, — сообщил Воинов.

— Что, и в общественных банях тоже? — удивились студенты.

— До этого пока еще не дошло.

— Ну, тогда мы точно всей группой помоемся.

Подъехали к городской бане, и тут я вспомнил, что в ней все-таки два отделения. Но вешалки с сиденьями почему-то стояли перед входом на улице, и баня, без сомнения, закрыта на профилактический ремонт.

— В карельских банях раздевалка находится на улице, — с серьезным видом сообщил Александр Сергеевич.

Но студенты не поняли шутки.

— Не хило! — прокомментировали ситуацию девицы.

— Это ерунда, — бодро заявили ребята.

— И, как всегда, две новости — хорошая и плохая, какую говорить первой? — спросил я.

— Хорошую! — дружно воскликнули девицы.

— В бане два отделения — мужское и женское.

— Ура! — закричали студенты и захлопали в ладоши.

— А плохая новость? — осторожно поинтересовались девицы.

— Видите, если никто не раздевается, значит, баня закрыта на ремонт.

Девчонки сразу помрачнели, ребята тоже. Не унывал только непревзойденный парильщик Алексей Морозов.

«Пару мне, поддайте пару!» — кричал он на весь автобус и хлестал себя веником, чтобы развеселить приунывших студентов и особенно девчат.

Несолоно хлебавши, мы вернулись в лагерь. Неунывающие студенты дурачились и бегали по поляне в попытке догнать Лешку Морозова и отхлестать его бесполезными березовыми вениками. Повариха Лена с дежурным студентом бросились разводить костер, чтобы разогреть обед.

— Что-то знобит, — Воинов пощупал свое горло, — сейчас бы кружку горячего полярного чая.

— Ведро с водой закипит через полчаса, — предупредила Лена, — вы как раз успеете переодеться и умыться.

В палатке было холодно и сыро. У меня даже мелькнула мысль установить маленькую полевую печку — в брезентовой крыше палатки имелось отверстие для трубы. Я живо представил себе, как деловито загудит печка, распространяя

сухое тепло, и на потолке запляшут красные блики, словно разыгравшиеся рыжие белки. Но устанавливать себе печь — некрасиво перед студентами. Потерплю.

Погода испортилась, и задул холодный западный ветер. Редкими зарядами налетал мелкий дождь, ледяная крупа вдруг дробью барабанила по брезенту крыши. Я взял мыло, полотенце и вышел из палатки. На Ладоге разгулялась хорошая волна, и стало ясно, что с берега будет не умыться, только обувь промочишь.

Посередине залива на волне болталась резиновая лодка, и доносились какие-то нечленораздельные звуки. Наверное, рыбаки опять напились, и душа их требовала песни. Судя по неразборчивым воплям, они проходили вторую стадию опьянения и приближались к третьей. Еще вчера вечером, когда на озере стоял полный штиль, я отправился на берег умыться и почистить зубы. На камнях лежала большая резиновая лодка. У костерка сидели три рыбака и смачно пили водку. Я пристроился на плоском камне, с которого всегда умывался. Вдруг метрах в трех от меня гладь воды забурлила, и показались спинные плавники трех крупных рыб. Судя по их размерам, они весили килограммов по десять. Вот уж не думал, что в Ладоге водятся такие гиганты.

«Мужики, — крикнул я рыбакам, — здесь огромные рыбыны плещутся у самого берега».

«Это язи на икромет подошли, — небрежно ответил один из рыбаков, — они такие огромные, что в сети не попадают».

Стоять на морозящем дожде было неприятно, и я вернулся в палатку. С берега озера снова донеслись пьяные нечленораздельные выкрики.

«Рыбакам и дождь нипочем, набрались и теперь будут горланить всю ночь», — с раздражением подумал я.

Вдруг у меня тоже заболело горло. Внутренний голос сразу потребовал, чтобы я немедленно выпил стопку спирта для профилактики. По многолетнему опыту я знал, что спорить с ним бесполезно, «уж если он чего решил, то выпьет обязательно». Пришлось согласиться.

Приготовив на закуску два бутерброда из черного хлеба со шпиком и луком, я завернул их в бумажную салфетку и отправился в командирскую палатку с целью уговорить

Учителя совершить маленьких грех — выпить по рюмке спирта перед обедом. Я тихонько постучал ладонью по брезентовой крыше палатки.

— Кто стучится громко тут, видишь, нету здесь никто? — речитативом спросил Воинов.

— Это я, твой ученик, я закуску нам принес, — в ритм ответил я.

— Заходи.

Как только я вошел в палатку, Александр Сергеевич сразу сказал «да», еще до того, как я успел открыть рот и произнести заготовленную пламенную речь о необходимости беречь, как зеницу ока, здоровье преподавателей. Или это предательский внутренний голос изобразил на моем лице «низменные» желания, или все вепсы действительно проницательные колдуны, читающие мысли.

— Пём? — с едва уловимым угро-финским акцентом уточнил Воинов и достал баночку с солеными грибами, подаренную нам Матти Тороненом.

Мы извлекли из командирского выючного ящика плоскую фляжку со спиртом.

— Что ты скажешь БК в свое оправдание? — поинтересовался Воинов на всякий случай.

— Выюнник стоял в твоей палатке, — с тонким намеком пошутил я.

Воинов сразу насупился, что могло привести к срыву блестящей профилактической операции по предупреждению острых респираторных заболеваний.

— Фляжку я верну в целости и сохранности, а про спирт никаких обещаний не было, — успокоил я Учителя.

И тут, как назло, оказалось, что в палатке нет ни кружки, ни стакана.

— Схожу к костру, незаметно возьму две кружки и принесу воды, — предложил Воинов.

В приоткрытую дверь палатки я наблюдал, как Александр Сергеевич подошел к длинному обеденному столу и взял из кухонного таза для посуды две кружки. Не спеша, он направился искать ведра с водой, для конспирации напевая древнюю вепскую песню, что-то типа:

«Ёла, ёла,
плыли куси».

«Ведро под елью стоят, — с раздражением подсказал Воинову мой внутренний голос, — зачерпни воды и быстро в палатку».

Но судьба распорядилась иначе. К Александру Сергеевичу с полевым дневником в руках подошла Алена Макарьева — единственная студентка в группе радиоактивщиков. Алена была вепса, и Воинову очень импонировало, что у этого маленького народа такие умные и красивые девушки. К тому же Алена была его курсовичка, а ее старший брат, несколько лет назад закончивший нашу кафедру, писал у Воинова дипломную работу и после окончания университета успешно работал в урановой экспедиции. Воинов чувствовал, что из Алены получится настоящая геологиня, и не ошибся.

Дождь закончился, но холодный ветер гнал с Ладоги низкие серые облака.

Преподаватель и студентка перевернули бревно сухой стороной кверху и уселись на него поближе к костру. Воинов приступил к обстоятельному рассказу об истории геологического развития Карело-Кольского региона, начиная с архейской эры, начавшейся три с половиной миллиарда лет тому назад. Это все равно, что рассказывать историю древнего Рима, начиная с палеолита. Я всегда подтрунивал над Учителем и предлагал ему во время бесед с Аленой следовать старой угро-финской традиции: древние финны и карелы из уст в уста нараспев передавали руны Калевалы, взявшись за руки и глядя друг другу в глаза.

Под столом, свернувшись клубком на куске картона, прятался от дождя Урнай.

— Юш, иди ко мне, — позвала собаку Алена.

В последние дни по вечерам она наладилась греть ноги, положив их на теплую собачью шерсть.

Урнай не шевельнулся и только повернул ухо в сторону Алены.

«Сейчас, разбежался, — подумал пес, — мусор за ними убирай, да еще и ноги грей. Только пригрелся на сухом картоне и снова ложись на мокрую землю? Обойдешься. В конце концов, у меня хозяйка есть».

— Иди сюда, что-то дам, — тихо сказала Алена.

Пес поднял голову, увидел кусок сахара в руках студентки и подумал: «Так это ж совсем другое дело!» Он встал,

посмотрел налево, направо и для страховки понюхал воздух, пытаясь определить, где находится хозяйка. Лена запрашала ему брать подачки от студентов.

— Ее нет, иди сюда, — снова позвала Алена.

Юш подошел, предварительно еще раз оглянулся и аккуратно взял сахар зубами. В этот момент из-за палаток появилась хозяйка и со вздохом произнесла:

— Собака просит, какой позор!

Пес выплюнул сахар и, стыдливо прижав уши, отправился прочь.

«Чувствовал, что нарвусь на неприятность, чтоб вы провалились со своим сахаром!» — подумал он.

— Леночка, это я виновата, — извинилась Алена, — а он пришел ко мне греть ноги. Разрешите собаке взять от меня сахар, пожалуйста!

— Ладно, Юш, возьми.

Урной быстро, но без поспешности, вернулся, съел сахар и без особого удовольствия свернулся клубком у ног Алены. Студентка засунула под теплый собачий бок носки своих мокрых тапочек.

«Ну, эта песня надолго, кружек нам не видать, — заныл мой внутренний голос, — поищи в аптечке, там была какая-то рюмка».

И действительно, в экспедиционной аптечке нашлась небольшая мензурка из толстого зеленого стекла совершенно непонятного назначения. Возможно, как раз для такого случая. Получалось, что я не выпиваю тайно, а действительно лечусь. Но нечем было разбавить спирт. Идти за водой к костру, а потом с кружкой в палатку, на глазах у студентов, было неудобно.

«Выпьем здесь, — подсказал внутренний голос, — а потом выйдем к костру и очень естественно запьем спирт водой».

В рюмку поместилось ровно двадцать граммов спирта, как раз столько, чтобы студенты не заметили, что преподаватель выпил. Я слышал, на западе после такой дозы можно даже за руль садиться.

Хлебнув из рюмки, я вышел из палатки и стал искать кружку.

И тут порыв ветра донес с Ладоги истерический вопль: «Помоги...те, помоги...те...»

Я сразу понял, что крик исходил от резиновой лодки в заливе. Скорее всего, пьяные рыбаки все-таки перевернулись. Забыв выпить воды, я помчался к берегу. Студенты гурьбой за мной.

На берегу стало видно, что в середине залива на волнах качается перевернутая резиновая лодка. До нее было метров двести. Рыбак держался за днище лодки и орал дурным голосом: «Помогите!» Дальше за лодкой, метрах в двадцати в сторону открытой Ладоги, виднелись головы еще двух рыбаков, а может, на волнах болтались какие-то предметы.

Сняв «энцефалитку», я сбросил с ног кеды и разделся до плавок. Студенты тоже стали раздеваться. Я вдруг сообразил, что если спасти рыбаков поплывет такая толпа, то можно недосчитаться половины. Потом выяснилось, что один из студентов вообще не умел плавать, но разделся и зашел в воду, за компанию! Не зря говорят, что за компанию и утонуть можно. Когда его потом спросили, зачем он полез в воду, он ответил, что ему было неудобно перед ребятами.

Вода была такая холодная, что обжигала кожу. Я краем глаза заметил, как Алена зашла в воду по колени и вся покраснела, как ошпаренная.

— Ну-ка, все назад, — осадил я толпу студентов, ринущуюся в воду, — со мной только «старики» — ребята, отслужившие в армии. Мы со Старшиной плывем к лодке, а Леша Морозов и Андрей спасать тех двух рыбаков, видите, их головы дальше за лодкой.

Заходить в воду пришлось на четвереньках, перебирая руками по скользким, обросшим водорослями, окатанным валунам. Наконец я выбрался на глубину и, подстегиваемый истошными воплями тонущего рыбака, рванул к нему кролем. Делать выдох в воду оказалось совершенно невозможно. Голову ломило от ледяной воды так, что дух захватывало. Пришлось плыть саженками.

Но через несколько метров у меня перехватило дыхание — это напомнил о себе спирт, который я не успел запить водой. И тут на помощь пришла волна, которая била в лицо и помогла сделать пару глотков.

«Ну, вот и запили спирт водичкой», — ехидно хихикнул мой внутренний голос.

Мне казалось, что после многолетней тренировки в университетском бассейне я отлично плаваю, но студенты быстро меня обогнали. Старшина, по морскому обычаю, плыл в тельняшке впереди меня.

Мы подплыли к лодке и увидели, что это была всего лишь перевернутая вверх днищем одноместная резиновая «галоша» без надувного днища. Вокруг борта почему-то не было стандартного веревочного штормтрапа. Рыбак держался на воде, положив обе руки на днище и рискуя каждую секунду соскользнуть и утонуть. Кричать рыбак уже не мог, но наше появление заметил. Он был одет в ватник, который намок от воды и тянул его вниз.

Первым к рыбаку подплыл Старшина. Парень служил во флоте и был в хорошей физической форме.

— Не трогай его, — предупредил я студента, — заплыви с другой стороны и, когда я его оторву от лодки, быстро ее переверни и залезай сам. А потом затащим в лодку рыбака.

Я подплыл к рыбаку сзади и крепко схватил его двумя руками за ватник. Он хотел развернуться и вцепиться в меня, но я строго предупредил:

— Не вертись и слушайся, я сейчас оторву тебя от лодки, но не вздумай схватить меня руками, так мы сразу вместе утонем.

Рыбак кивнул головой, показывая, что понял. Но я не был уверен, что от страха он все-таки не схватится за меня.

— Предупреждаю, если только ты попытаешься меня схватить, я тебя сразу отпущу, и ты утонешь один, понял? Кивни головой.

Рыбак снова кивнул головой.

— Переворачивай лодку, — крикнул я студенту и резко отдернул рыбака.

Он был такой тяжелый, что быстро пошел вниз. Мне пришлось нырнуть глубже и, изо всех сил работая ногами, вытолкать его на поверхность. Но и сам я стал задыхаться. Не отпуская рыбака, я всплыл глотнуть воздуха. От ледяной воды голова так сильно болела, что рябило в глазах. Старшина уже перевернул лодку и залез в нее. К счастью, весла остались в ключах. Без поддержки рыбак стал медленно погружаться и от страха лупить руками по воде. Эта небольшая истерика помогла ему остаться на поверхности в тече-

ние минуты, а мне отдышаться. Андрей схватил рыбака за ватник и потянул в лодку. Я сделал вдох и снова, поднырнув под рыбака, подтолкнул его вверх, интенсивно работая ногами. От чудовищной головной боли чуть не потерял сознание. Наконец тело рыбака пошло вверх, и я вынырнул на поверхность. Еле отдышавшись, помог Андрею затолкать рыбака в лодку. Но силы мои иссякли полностью. Не только плыть, но и держаться на воде я уже не мог и стал тонуть. Андрей сообразил подать мне весло, за которое я ухватился и не пошел ко дну. За пару минут удалось отдышаться, и силы постепенно восстановились. Как в боксе, за минутный перерыв между раундами, надо уметь восстановить силы.

Подплыли ребята. Оказалось, что вместо тонущих рыбаков на волнах болтались разные вещи — насос для надувания лодки и резиновая подушка. Ребята зачем-то притащили их с собой и забросили в лодку. Они тоже устали и не было сил плыть к берегу. Мы втроем ухватились за резиновый борт, и Андрей налег на весла. Но лодка с таким грузом, да еще на волне, почти не двигалась.

— Мы так совсем замерзнем! — крикнул Лешка Морозов, — поплыли самостоятельно.

Студенты отцепились от лодки и поплыли к берегу. Я передохнул еще минуту — и за ними. Но оказалось, что самое сложное в спасении состояло не в том, чтобы быстрее доплыть до тонущего рыбака, и даже не в том, чтобы вытолкать его из-под воды и загрузить в лодку, а в том, чтобы не утонуть на обратном пути. Силы, казалось, совсем покинули меня. Но утонуть на глазах у студентов на обратном пути было бы не интересно.

«Врешь, не возьмешь!» — повторял я, как Чапаев в фильме, и упорно плыл к берегу.

Как медленно я не плыл, но все-таки обогнал резиновую лодку, которую еще и сносило ветром. Студенты уже вылезли на берег и поднимались в лагерь к костру. Я устал смертельно, будто отработал пятнадцать раундов на ринге. На четвереньках выполз на берег, но встать на ноги не смог, словно получил тяжелый нокаут. Подскочили студенты, подхватили меня за руки и помогли подняться.

— Веник мне принесите, — кричал Лешка Морозов. У него еще оставались силы дурачиться.

Лена в недоумении подала ему веник, и Леха стал хлестаться им, как в настоящей бане.

— Может, поддать? — предложила Алена и взяла в руки ведро с ледяной ладожской водой.

— Нет, пару вполне достаточно, — отказался Леша.

Алена все-таки не удержалась и плеснула холодной водой из кружки на голую и мокрую спину Алексея, который от неожиданности вскрикнул и возмутился:

— Ты что, с ума сошла? Я же заикаться стану.

— Ничего не смогла с собой поделаться, уж больно ты горяч! — Алена подала Алексею полотенце.

Она еще не знала, что перед ней ее будущий муж и отец ее детей, а через несколько лет она станет преподавателем университета Аленой Борисовной Морозовой и будет проводить здесь со студентами геологическую практику.

Тем временем причалила лодка, и студенты вытащили из нее рыбака. Он не мог стоять, и ребята дружно схватили его за руки и за ноги и потащили к костру. Пока рыбака раздевали, Воинов принес из командирской палатки аптечку и фляжку со спиртом. Он налил в рюмку спирт и приказал студентам как следует растереть спасенного.

Рыбака раздели, растерли шерстяным свитером, переодели в сухие вещи, посадили к самому костру и укутали с головой моей брезентовой плащ-палаткой. Ноги в теплых шерстяных носках засунули в маршрутный рюкзак. От сильного переохлаждения у рыбака начались судороги ног. Он морщился, стонал, растирал икры и вдруг стал громко икать. Лена Руденко подала ему полкружки сладкого горячего чая. Воинов хотел добавить туда ложку спирта, но рыбак затряс головой и замычал, всем своим видом показывая, что этого делать не надо. Руки у него тряслись, как у паралитика, и удержать в руках кружку с чаем он не смог. Пришлось Ленке поить его из столовой ложки.

Ребята, которые со мной плавали, от растирки категорически отказались.

— Мы внутрь примем, — заявил за всех Леха.

Воинов плеснул ребятам в кружки немного спирта. Лена принесла воды.

— Мы пьем чистяк, — отказался Алексей, — ну, с легким паром, за баню по-карельски.

Ребята чокнулись кружками.

— Прав был Суворов, когда говорил: «Год не пей, два не пей, а после бани выпей!» — авторитетно заключил Алексей и запил спирт водой.

Александр Сергеевич поднес мне кружку с горячим и крепким полярным чаем. Тепло ударило в желудок и мягкой волной разлилось по всему телу

Только через полчаса рыбак пришел в себя. Язык у него еще заплетался, как у пьяного, но он объяснил, что зовут его Василий Иванович, он за рулем и поэтому отказался от спиртного. Рыбак рассказал, что перегнулся через борт лодки, проверяя сеть, а волна вдруг ударила в днище, и лодка перевернулась. Оказалось, что он полчаса кричал: «Геологи» — и его крики я принимал за вопли пьяных рыбаков на берегу. Ну а когда не стало сил держаться, заорал: «Помогите», — и на его счастье ветер донес до нас вопль о помощи.

В лесочке у рыбака был спрятан мотоцикл, и в коляске находились теплые сухие вещи. Он переделся, поблагодарил нас и уехал.

Студенты надеялись, что в виде благодарности за спасение рыбак отвалит нам рыбы, и мы сварим уху. Я объяснил им, что ловля рыбы сетями в это время запрещена, и рыбак по существу являлся браконьером. Поэтому испугался и не приехал.

Но за пару дней перед отъездом на территории лагеря лихо развернулись два мотоцикла с коляской. Одной из машин управлял Василий Иванович, другой — молодой парень.

Наш спасенный достал мешочек с вяленой рыбой и отдал студентам.

— Это мой зять, Виктор, — представил Василий Иванович молодого. — Баня готова, начальник, — заявил он, обращаясь ко мне.

— А также уха и пиво, — добавил Виктор, — можем взять с собой четверых.

Я позвал ребят, которые вместе со мной спасали рыбака, и нас отвезли в баню на дачный участок. Лешка Морозов так отхлестал меня в парилке двумя березовыми вениками, что кожа покрылась красными полосами. Уха из ладожских сигов была по высшему разряду.

Так что баня по-карельски все-таки состоялась.

РИШАР

На учебную геологическую практику в полевой лагерь на берегу Ладожского озера должен был приехать студент третьего курса — иностранец из Зимбабве. Он задержался в Ленинграде из-за того, что пересдавал экзамен. У студента-африканца по имени Ришар были толстые выразительные губы, полупрозрачные, словно фарфоровые, зубы и наивно-обаятельная улыбка. Несмотря на то, что Ришар учился уже на третьем курсе, у него все еще были проблемы с русским языком. Сказать что-то по-русски он мог, но вот понимал окружающих с трудом. Понятно, что в любом разговорном языке есть сленг — эмоционально окрашенная лексика разговорной речи, отклоняющаяся от принятой литературной языковой нормы. Поэтому при общении с Ришаром студенты и преподаватели, увидев его растерянное лицо, переходили на простой литературный язык.

Еще на первом курсе Ришар женился на русской студентке, и у них родился сын — совершенно обворожительный смуглый мальчишка с пухлыми, как у отца, губами и короткими черными курчавыми волосами. Маленький Ричи обладал таким заразительным звонким смехом, что наши женщины на кафедре не могли удержаться, тискали мальчишку и наперебой целовали его в пухлые щеки.

Перед началом учебной практики Ришар поинтересовался у меня, что надо взять с собой на практику. Я объяснил, что обычно в начале июня бывает холодно, и ему обязательно следует иметь теплую одежду и какую-нибудь шапку. И еще надо обязательно запастись мазью от комаров, так как в лесу их великое множество.

На другой день утром на арендованном автобусе мы отправились на обзорную геологическую экскурсию. В Питкярянте заехали на железнодорожный вокзал, чтобы встретить поезд из Ленинграда. Студенты вылезли из автобуса и наблюдали, как настоящий паровоз, важно пыхтя, подвозит к перрону два вагона — один общий, другой плацкартный. Для плацкартного вагона это была конечная остановка, а общий вагон через несколько минут шел дальше в Сортавалу. Вагоны остановились, проводницы открыли двери, протерли тряпками поручни, и на перрон стали спускать

ся пассажиры, Ришара среди них не было. Мы подождали несколько минут, но студент так и не появился. Наверное, он не сдал экзамен и приедет позже — подумали мы. Когда проводница закрыла двери плацкартного вагона, студенты загрузились в автобус, и группа отправилась на экскурсию.

Как оказалось, Ришар все же приехал на этом поезде, но, не зная, что остановка конечная, сидел на своем месте и смотрел в окно. Он хорошо подготовился к экспедиции — на его голове была надета меховая зимняя шапка-ушанка, завязанная под подбородком, которая, по мнению студента, должна была защитить его от мороза и комаров. Проводница, проходя по вагону, заметила оставшегося пассажира и предложила ему покинуть вагон. Ришар взял рюкзак и вышел на перрон, когда наш автобус уже отъехал. Немногочисленные местные жители, никогда не видевшие живых негров, были потрясены его живописным видом, особенно зимней шапкой. Ришар радушно улыбнулся и осмотрелся в надежде увидеть автобус.

— Откуда вы? — с уважением спросил Ришара железнодорожный рабочий.

— Из Зимбабве! — с гордостью ответил Ришар. — А где здесь геологи? — спросил он, в свою очередь.

В двенадцати километрах к югу от города Питкьяранта по дороге на Ленинград в поселке Укса базировалась стационарная геологоразведочная партия — ГРП, которая проводила геологическую съемку на территории района и вела разведку месторождения олова. Главным геологом этой партии был Костя Степанов — выпускник кафедры геологии месторождений радиоактивных элементов, ранее несколько лет работавший на этой же кафедре научным сотрудником.

— А геологи у нас в Уксе, — рабочий понятия не имел, что Ришар приехал не в геологическую партию, а на учебную студенческую практику, — тебе надо пройти на автовокзал и сесть на автобус, который идет в Уксу. В поселке прямо от остановки дорога ведет к двухэтажному деревянному зданию ГРП, увидишь, не заблудишься.

Ришар так и поступил: дождался рейсового автобуса, приехал в Уксу и подошел к зданию ГРП. У рабочих, куривших на крыльце, при виде настоящего негра, да еще в зимней шапке, от удивления изо рта выпали папиросы.

— Здравствуйте, — приветствовали их Ришар ослепительной улыбкой, нисколько не смущаясь при виде незнакомых людей, — я прибыл к вам на геологическую практику.

— Откуда? — опешили мужики.

— Из Зимбабве! — с гордостью ответил Ришар. — Куда мне идти?

Мужики сразу возгордились, что про их уксинскую партию знают в Африке и даже едут практиковаться.

— Ну, для начала, тебе надо зайти в отдел кадров — это на втором этаже, последняя комната по коридору.

Ришар поправил рюкзак и, гордый собой, вернее, тем впечатлением, которое он производил на окружающих, направился в указанный кабинет.

В крохотном кабинете начальница отдела кадров мирно пила чай. Тут открылась дверь, и вошел Ришар. Кадровичка при его появлении была настолько потрясена, что поперхнулась чаем и облила бумаги на столе. Эффект был бы ничуть не меньше, если бы к ней в кабинет вдруг прилетел крокодил. Она ни разу в жизни не видела живых негров, да еще в зимней шапке.

— Здравствуйте, — приветствовал ее студент, — я из Зимбабве, прибыл к вам на геологическую практику.

Ошарашенная кадровичка не знала, как и поступить.

— Я не могу вас так сразу оформить, — наконец сообщила она. — Вы сначала побеседуйте с нашим главным геологом, его кабинет напротив.

Главный геолог Уксинской геологической партии Костя Степанов разговаривал по телефону, когда вошел Ришар в зимней шапке. Конечно же, во время учебы на геологическом факультете Костя видел негров, но тут ему показалось, что его с утра разыгрывают.

Вчера Костя немного перебрал на дне рождения геологини Дины Васильевны, и с утра ему было нехорошо, но не до такой степени, чтобы мерещились негры в зимней шапке.

— Здравствуйте, я из Зимбабве, прибыл к вам на геологическую практику, — почти без акцента выдал Ришар коронную фразу.

«Да еще из Зимбабве», — подумал Костя, прикидывая, кто из экспедиции мог так ловко загримироваться под негра, чтобы с утра его разыграть. Но когда Ришар улыбнулся, и Костя

увидел фарфоровые полупрозрачные зубы, понял, что это не розыгрыш, таких зубов в Уксинской партии не было ни у кого.

«Наверное, кто-нибудь из начальства Петрозаводской экспедиции съездил в Зимбабве по международному обмену, а нам взамен прислали практиканта, — просчитал Костя ситуацию, — прямо как в притче дворника дяди Васи: „Как снег выпадет, так убирать дяде Васе, а премия управхозу!“»

— Так значит, к нам на практику? Добро пожаловать, — Костя закурил. — Вас как зовут?

— Ришар.

— Очень приятно, а меня Константин Иванович.

Ришар улыбнулся, показывая, что и ему тоже очень приятно такое знакомство.

— Но меня из экспедиции никто не предупредил о вашем приезде. Я сейчас позвоню в Петрозаводск и все выясню.

Костя связался по телефону с Карельской геологической экспедицией в Петрозаводске.

— Серей Степанович, к вам один вопрос, — сказал Костя.

— Давай быстрее, у меня тут совещание в кабинете.

— Ко мне сегодня ваш практикант явился, так что мне с ним делать?

— Какой практикант, откуда?

— Из Зимбабве!

— Ты, что с утра уже выпил? А какого он цвета? Уж не зелененький ли?

— Нет, чернокожий.

— Какой негр, какая Зимбабве? — заорал в трубку главный геолог. — А не белая ли это горячка? Ты давай план по геологической съемке гони, не выполнишь — шкуру спущу. Некогда мне твои байки с утра слушать.

Пока Костя разговаривал с главным геологом экспедиции, Ришар скромно сидел на стуле.

Костя положил трубку на рычаг и посмотрел на Ришара.

— Ты откуда приехал?

— Из Зимбабве, — невозмутимо ответил Ришар.

— Кто послала тебя ко мне?

— На вокзале человек сказал, как найти геологов.

— А как ты попал на вокзал, откуда приехал?

— Из Зимбабве, — уже немного смущаясь от непонятности главного геолога, ответил Ришар.

— Что, поезд вышел сразу из Зимбабве?

— Нет, с вокзала.

— А вокзал где? Только не говори, что в Зимбабве.

— В Ленинграде.

— Ну, слава Богу. Какая организация направила тебя на практику?

— Университет.

— Так, понятно. Ты приехал на учебную геологическую практику кафедры геологии месторождений полезных ископаемых! — во время учебы в университете Костя сам проходил такую практику. — А зачем же сюда приехал?

— На вокзале никто не встретил, где находятся геологи, я не знал. Один человек мне рассказал, как сюда ехать.

— Университетский лагерь геологической практики располагается в палатках на берегу Ладожского озера, недалеко от поселка Юляристи. Тебе надо сесть на автобус, доехать до Питкяранты, там на автовокзале сесть на другой автобус, который идет в поселок Юляристи. Понял?

Ришар радостно закивал головой.

Студент поступил, как ему сказали: сел на рейсовый автобус, доехал до Питкяранты, там на автовокзале дождался другого автобуса на Юляристи. Поселок располагался в четырех километрах к югу от Питкяранты, а наш палаточный лагерь в полукилометре от него, в лесу на берегу Ладоги, недалеко от дороги. Студент приехал в Юляристи, где была конечная остановка, вылез, но геологов не обнаружил.

— Где здесь геологи? — спросил Ришар у местных жителей.

Конечно, местные жители еще не знали, что студенты университета приехали на практику и встали лагерем на берегу.

— Геологи у нас в Уксе, — сказали ему, — тебе надо доехать до Питкяранты, на автовокзале сесть на автобус, который идет в Уксу, и там будут геологи.

Ришар никак не мог запомнить местные названия и решил, что ошибся автобусом. Он поступил, как ему подсказали.

— Зачем ты опять приехал? — удивился Костя Степанов.

— Мне в поселке сказали, что геологи здесь, — невозмутимо улыбнулся Ришар.

— Тебе надо сесть на автобус, доехать до Питкяранты, там на автовокзале сесть на другой автобус, который идет в по-

село Юляристи. Не доезжая поселка, надо выйти у разрушенной домны. Спроси водителя, он наверняка знает, где это. И там на берегу Ладоги увидишь палаточный лагерь. Понял?

Ришар появился в лагере только в девятом часу вечера, когда мы отужинали после маршрута. Студенты долго и весело смеялись над приключениями товарища. Ришар обезоруживающе улыбался, обнажая белые и полупрозрачные, словно костяной фарфор, зубы.

В шапке он проходил всю практику и не снимал ее даже на время сна.

Как раз накануне приезда Ришара я рассказал студентам анекдот, который им очень понравился, и они вспомнили его всю практику.

На крыльце сельского дома чернокожий мальчик спрашивает усатого мужчину:

«Диду, ну коды мы поедем до тятки у Зимбабве?»

«Не знаю, пидемо лучше, Мыкола, галушки исты».

«Та, не хочу!» — капризно отвечает мальчик.

«Ну, як хочеш, — обижается дед, — а бананов тута немає!»

Конечно, пища студентов на геологической практике была далека от совершенства. Какую еду можно приготовить из расчета пятидесяти копеек в день — студенческих командировочных. Каша и щи с одной банкой тушенки на двадцать человек. Причем готовили пищу в эмалированных ведрах на костре. Иногда каши пригорали.

Ришар страдал от такого питания и, несмотря на явное недоедание, иногда отказывался от пригоревшей каши.

— Ну, звиняйте, — с улыбкой говорили Ришару студенты, — а бананов тута немає!

БЕЗВАЛЮТНЫЙ ОБМЕН

В семидесятые и восьмидесятые годы на геологическом факультете университета широко практиковался «безвалютный обмен» студенческими группами с университетами и горными институтами европейских социалистических стран. Восемь студентов и два преподавателя от советской стороны выезжали на месячную геологическую практику в одну из стран социалистического лагеря. При этом студентам и преподавателям

оплачивалась дорога, суточные и можно было обменять триста рублей на валюту той страны, куда мы ехали. Принимающая сторона обеспечивала группу бесплатным проживанием в студенческих общежитиях и питанием на сумму командировочных. Нас возили по стране и знакомили с особенностями геологического строения региона и месторождениями полезных ископаемых. Потом восемь студентов и два преподавателя приезжали к нам, и мы их кормили и возили по нашим геологическим объектам, в основном в Северном Приладожье.

Для наших студентов поездка за рубеж, да еще в командировку, была желанной удачей. Даже идеологическая комиссия парткома, на которой проверялся идейно-политический уровень отъезжающих за границу, их не пугала. Собеседованию предшествовала обязательная трехмесячная подготовка студентов.

Как руководитель группы я составлял «План идейно-воспитательной работы со студентами, выезжающими за рубеж на геологическую практику». Этот план включал в себя не менее двадцати часов аудиторных занятий, на которых студенты должны были сделать доклады по истории, культуре, политическому и экономическому устройству той страны, куда мы ехали. По вопросам текущей международной и внутренней политики они должны были готовиться сами.

Но в какие времена студенты читали газеты? Поэтому я готовил политинформации и рассказывал им о мировых событиях, особенно тех, по которым на идеологической комиссии обязательно будут вопросы.

В те годы большой известностью пользовалась Анджела Дэвис — американская коммунистка, активный борец за права чернокожих. Арестованная за «соучастие в убийстве», она пробыла в тюрьме полтора года. «Свободу Анджеле Дэвис!» — этот лозунг звучал тогда в нашей стране и по всему миру. После того, как Анджела была признана невиновной, она стала членом ЦК Компартии США и приезжала в Советский Союз по личному приглашению Л.И. Брежнева. Я предупреждал студентов, что по Анджеле Дэвис на комиссии обязательно будут вопросы.

Не менее известны были события в Народной Республике Бангладеш, образованной в 1971 году на месте бывшей провинции Восточный Пакистан.

На собеседование в Василеостровском райкоме партии собрались сразу несколько групп студентов из разных вузов, выезжающих на зарубежную практику по безвалютному обмену.

Я покрутился среди преподавателей с целью определить, у какого инструктора легче пройти собеседование.

— Лояльнее всего спрашивает толстенький лысый мужичок, — объяснил мне руководитель группы студентов из Ленинградского горного института, — и вопросы задает не только по политике, но даже по геологии. Но не дай вам Бог попасть вон к тому долговязому в поплиновом переливчатом костюме — настоящий зверюга. Вопросы задает каверзные и только по внешней политике. В прошлый раз полгруппы у меня вынес, вот пришли на собеседование по второму заходу.

В моей группе была студентка, которая на подготовительных занятиях сделала блестящий доклад по истории и культуре, но совершенно не разбиралась в вопросах внешней политики. Да еще она явилась в ультракороткой юбке, больше напоминающей просто широкий пояс. При этом юбка все время самопроизвольно поднималась еще выше, и она ее постоянно одергивала.

— Неужели нельзя было одеться скромнее? — укорил я девицу.

— А мне скрывать нечего, — с вызовом ответила она, — у меня все свое.

Поначалу все складывалось хорошо, и по очереди мы должны были попасть к лояльному мужику. Но когда группа вошла в зал собеседований, долговязый инструктор райкома, весь переливчатый и важный как селезень, встал из-за стола и махнул нам рукой.

«Ну, влипши, — подумал я. — Если сегодня „вынесут“ хотя бы одного студента, то придется приходиться с ним на собеседование еще раз».

Инструктор зачем-то посадил меня за стол рядом с собой, полистал мой план идейно-воспитательной работы и сурово осмотрел студентов.

— Ну-с, — он обратился к той самой девице в короткой юбке, словно нарочно усевшейся прямо напротив нас, — как ваша фамилия?

— Спиридонова, — девица засияла, будто успешно ответила на первый вопрос.

— Скажите мне... («прелестное дитя» — вдруг прочитал я мысли инструктора) где находится Бангладеш?

Студентка немного кокетливо, но с достоинством улыбнулась (именно так должны улыбаться настоящие комсомолки, как я учил их на политзанятиях) и, нисколько не смущаясь, ответила:

— В тюрьме!

— Где? — чуть не поперхнулся инструктор и с усмешкой посмотрел на меня, прекрасно зная, что именно я отвечал за идейно-воспитательную подготовку студентов.

Я даже покраснел от стыда.

— Это сестра Анджелы Дэвис — известной американской коммунистки, томящейся в империалистических застенках! — студентка решила выложить сразу весь запас знаний, которые получила на моих политинформациях.

— Ну, а что происходит с Диего Гарсия? — инструктор остался совершенно непроницаемым, так как, вероятно, на собеседованиях слышал и не такие перлы.

«Диего Гарсия — атолл архипелага Чагос в Индийском океане, — телепотировал я студентке, — англичане выгнали с него местное население и сдали территорию острова в аренду американцам под ядерную военную базу».

Но девица если и обладала телепатическими способностями, то явно на другой волне, и, наверное, свободно читала мысли инструктора райкома, который с вожделием пялился на ее длинные изящные ноги.

— О, с этим известным латиноамериканским писателем обошлись крайне жестоко, — нисколько не смутилась студентка и попыталась натянуть на колени ультракороткую юбку, чтобы не были видны кружевные шелковые трусики, — он тоже находится в тюрьме.

Инструктор смутился, подумав, а вдруг и в самом деле есть известный латиноамериканский писатель, и он сидит в тюрьме.

— А какие события происходят в Чили? — инструктор все-таки не потерял надежды вытащить девицу, которая ему явно нравилась.

И она оправдала его доверие.

— Продажная буржуазная демократия породила очередную фашистский режим во главе с Пиночетом, — отчеканила девица. — К нам в университет приезжал чилийский ансамбль «Килапаюн», и весь актовый зал, взявшись за руки, пел интернациональный гимн Серхио Ортега «Эль пуэбло унидо» — «Единый народ непобедим». И еще, — девица явно воодушевилась, — ребята стоя пели «Венсеремос» — «Мы победим!» — песню легендарного чилийского коммуниста Виктора Хары, убитого приспешниками Пиночета.

Я тоже был на этом вечере солидарности с чилийским народом, и песня «Эль пуэбло унидо» действительно была пронзительной, от нее сжимались кулаки. Если бы в зале выдавали автоматы, то половина записалась бы в добровольцы и отправилась в Чили бороться за свободу ее народа.

«Итак, за первый вопрос два, за второй тоже, а за третий можно поставить пять, — мысленно прикинул я, — в среднем выходит тройка. Но, быть может, у инструктора своя система оценок».

Инструктор еще раз произнес: «М... м... да!», — и перешел к опросу ребят.

— Лидер чилийских коммунистов Луис Корвалан тоже находится в тюрьме, — добавила девица, хотя ее уже и не спрашивали.

В целом группа была подготовлена хорошо, и ребята ответили практически на все вопросы.

Студентка при этом сидела с видом: «я, это, типа, уже сдала» и, когда инструктор задавал очередной вопрос, мимикой показывала, что знает ответ, и даже порывалась что-то подсказать. Именно так ведут себя студентки на семинарах, когда ни черта не знают, но всем своим видом показывают преподавателю, что активно участвуют в работе.

Я боялся, что эта студентка не прошла собеседование, и обрадовался, увидев в списке напротив ее фамилии зачет.

«Действительно, красота — страшная сила, — подумал я, — а если девушка еще и в короткой юбке, то и политика не так уж важна».

РЫБАКИ И НУДИСТЫ

Каждый год несколько групп студентов из университетов социалистических стран приезжали на геологическую практику в Питкярантский рудный район. В те годы я работал над кандидатской диссертацией по гранитному магматизму Северного Приладожья и хорошо знал геологию района, поэтому такие практики очень часто приходилось вести мне.

Однажды в июле месяце вместе приехали две группы — поляки из Университета города Вроцлав и болгары из Софийского университета имени Климента Охридски. В болгарской группе руководителем был мой давний друг — преподаватель Сребри Петров и с ним девять студентов. Группа была очень дружная и объединяла ее любовь к солнечным процедурам. Это были фанаты нудистских пляжей.

«Нудистский пляж — это место, где можно показать все и всем», — с гордостью говорили болгарки.

В польской группе руководителей было двое — очень серьезный профессор и молодой парень, его ассистент. Профессор оказался заядлым рыбаком и даже возглавлял клуб рыболовов города Вроцлава. Экипирован он был по высшему разряду — углепластиковые спиннинги с позолоченными безинерционными катушками, прозрачные коробки с разноцветными блеснами, мушками и воблерами и, наконец, рыболовный жилет защитного цвета со множеством карманов и карманчиков. В те времена местные рыбаки о такой экипировке даже не слышали.

Профессору, как настоящему рыбаку, очень хотелось похвастаться кому-нибудь своим снаряжением, но, к его величайшему огорчению и раздражению, никто не проявлял к нему интереса. По всей видимости, профессор ожидал фантастической рыбалки, на которой он, окруженный толпой аборигенов, будет успешно ловить в Ладоге крупную рыбу и рассказывать потрясенным карелам и финнам о назначении каждой приманки, а они, раскрыв рты, будут слушать его, как папуасы Миклухо-Маклая.

Неожиданно профессор нашел благодарного слушателя в лице водителя арендованного автобуса — скромного молчаливого вепса. Он доставал из пластмассовой коробки оче-

редную блесну и долго объяснял водителю ее достоинства. То ли по причине угро-финского менталитета, то ли из-за индивидуальных особенностей характера, но водитель все время оставался бесстрастно непроницаемым.

Наконец, профессор, как великий путешественник и первопроходец, решил спуститься с европейского рыболовного Олимпа и поинтересоваться снастями местных аборигенов.

Водитель немного смутился и, после долгих уговоров, извлек из кармана гигантскую, уродливой формы блесну, изготовленную из бесхитростно расплющенного носика древнего медного чайника. Блесна длиной в треть метра потрясла профессора своими размерами и впечатляющим самопальным кованым тройником.

Кстати, такая блесна была в коллекции моего старшего брата, и он успешно ловил на нее огромных тайменей в сибирских реках.

Вместо спиннинга шофер использовал пустую консервную банку с круглой деревянной поперечной внутри, за которую, как за ручку, снасть удерживалась левой рукой. Леска наматывалась на банку, как в безинерционной катушке, и фиксировалась указательным пальцем левой руки. Тяжелая блесна на конце лески раскручивалась, на манер пращи, и одновременно с освобожденной леской забрасывалась в нужное место. Затем правой рукой леска наматывалась на банку. В случае поклевки снасть бросали на землю или в лодку и добычу вытаскивали за леску руками. Если попадалась крупная рыбина, то леску перекидывали через плечо, как в рассказе Хемингуэя «Старик и море».

Такая снасть была очень удобна для экспедиций, и в моем маршрутном рюкзаке в специальном мешочке тоже лежала банка с блеснами внутри. В прошлогодней экспедиции в одном из озер Кольского полуострова я даже поймал на эту снасть три приличные кумжи.

После долгих уговоров водитель подарил профессору свою банку. Я представил себе, как в клубе рыбаков города Вроцлава профессор со смехом будет показывать своим коллегам эту примитивную снасть.

Чтобы профессор не очень-то задавался своими снастями, я показал ему книгу Петра Сигунова «Ожерелье Дже-

хангира», в которой были две фотографии моего старшего брата Геннадия в момент поимки больших тайменей в сибирских реках. А на суперобложке красовался сам автор книги с тайменем на плече, хвост которого лежал на земле.

Но времени на рыбалку у профессора совершенно не оставалось. Целый день экскурсионные маршруты, а вечером у нас заканчивалось время аренды автобуса. Группы разместили в городе в заводском общежитии, и попасть на место приличной рыбалки вечером, да еще пешком, было невозможно. Профессор все время намекал мне, что если бы я был гостем Вроцлава, то мне устроили бы грандиозную рыбалку. Обеспечить профессора рыбалкой не входило в круг моих задач, но я, в свою очередь, делал прозрачные намеки шоферу о том, что неплохо было бы устроить профессору рыбалку на Ладоге с лодки (у шофера был катер с подвесным мотором). Водитель отмалчивался или отвечал, что сейчас для рыбалки мертвый сезон.

Каждый день я проводил с иностранными студентами геологические маршруты. Особенно впечатляли ребят «бараньи лбы» — отполированные ледником каменные берега Ладожского озера, на которых обнажались метаморфические горные породы. Два миллиарда лет тому назад они находились на глубине десяти километров, были нагреты до температуры свыше пятисот градусов и, под давлением блоков земной коры, измяты в причудливые складки. А на поверхности в то время громоздились многокилометровые горы, которые постепенно разрушались. Через пятьсот миллионов лет, в результате постепенного воздымания земной коры, эти породы оказались на поверхности.

Но мои страстные лекции не очень-то трогали студентов. Поляки еще что-то записывали, а болгарки откровенно зевали. При этом студенты не уставали все время подковыривать друг друга. Болгары просто достали поляков патриотическими заявлениями типа: «В Болгарии есть всё!» Из их интонации следовало, что в Польше, как, впрочем, и в других странах, всегда чего-то не хватает. Поляки были не меньшими патриотами своей страны, но заявления типа: «В Польше тоже есть всё», выглядели неубедительно, и болгарки слушали их с многозначительными ухмылками.

Надо было как-то заинтересовать студентов геологией, а самое эффективное средство в таких случаях — это хохма, которая запоминается на всю жизнь.

Еще на весенней студенческой практике я обнаружил на краю одного из обнажений четыре углубления, расположенные в ряд и напоминающие отпечаток пальцев человеческой ноги. Через полметра углубления повторялись, словно человек сделал шаг. Трудно было удержаться, чтобы не использовать этот феномен для розыгрыша. При помощи зубила я аккуратно выдолбил в сланцах углубления, напоминающие стопы.

— Посмотрите сюда, — я показал студентам на углубления, расположенные на одной линии, — вот почти круглая в плане ямка, и еще три поменьше. Вам это ничего не напоминает?

— Неужели камнеедка? — опешили болгарки, которым я еще в Болгарии рассказывал байки про этого таинственного и свирепого зверя северных широт.

— Эх, вы, палеонтологи. Видите здесь большое углубление от пятки? Это же след ноги древнейшего ископаемого, человека архейского — местное название Питкьянтроп.

— Снежана, что, в архее уже люди водились? — тихо спросили болгарки свою подругу-палеонтолога.

— Не знаю, — так же тихо ответила Снежана, — я специализируюсь по брахиоподам.

— Неужели в Болгарии нет таких отпечатков? — с нарочитым удивлением спросили поляки растерявшихся болгарок.

— У нас в Болгарии архантропы не распространены, — смутились болгарки.

— Если у вас в стране чего-то нет, то вы приезжайте к нам в Польшу, — радушно пригласили болгар польские студенты.

Когда я почувствовал, что студенты и преподаватели устали от геологии, то объявил выходной день.

Погода выдалась отличная. Вода в Ладого в тот год была теплая, как в Черном море, и вдоль берегов имела зеленоватый цвет от бурно цветущих сине-зеленых водорослей и пыльцы сосен и елей. Болгарки во главе со Сребре захотели отдохнуть на нудистском пляже и спрашивали меня, где это можно сделать спокойно, чтобы не шокировать местных аборигенов. Я направил их на полуостров Ристиниemi в четырех километрах к югу от Питкьяранты. Там недалеко

от берега из воды выступал пологий каменный островок, на котором было удобно загорать. Любезное приглашение болгар позагорать голым вместе с ними я тактично отклонил, и вовсе не потому, что боялся обнаженных женских тел, просто во время пребывания в Болгарии нашей группы нас затаскали по нудистским пляжам.

Польские студенты отправились отдыхать в ресторан, где можно было вволю напиться пивом, а профессор с ассистентом собрались на рыбалку. Я также посоветовал им уютную бухточку на берегу Ладого на полуострове Ристиниеми.

Когда все разъехались по своим делам, я наконец-то занялся ремонтом своего старого экспедиционного УАЗа.

А тем временем события разворачивались следующим образом.

У лодочных гаражей в проливе между берегом и островом, на котором расположен целлюлозно-бумажный комбинат, трое местных рыбаков, вернувшиеся с ночной рыбалки, собрались распить бутылку водки и закусить соленой рыбкой. К причалам на полном ходу подлетела «Казанка» с мощным подвесным мотором и заложила немислимый вираж прямо перед мостками.

— Лохи! — заорал приехавший мужик на своих приятелей. — Вы тут с утра водку жрете, а там, у Юляристи — голые девки на камне лежат и, можно сказать, икру мечут!

— Русалки, что ли? — не поверили мужики. — Иди лучше похмельись, а то твои видения напоминают «белую горячку».

В пролив ворвался «Прогресс» и на полной скорости устремился прямо на причал, словно японский камикадзе на катере, начиненном взрывчаткой, шел на таран американского авианосца. У самых гаражей катер лихо развернулся.

— Там, на камне, голые девки лежат, девять штук! — крикнул рыбак.

Тут мужики, наконец, поняли, что это реальность. Слух о том, что на плоском каменном островке недалеко от берега полуострова Ристиниеми, как тюлени, лежат голые девки, прокатился по лодочным гаражам и привел в неопишемое возбуждение рыбаков всех возрастов. Взревели мощные «Вихри» и «Нептуну», и моторные катера с неукротимостью идущих в смертельную атаку торпедоносцев помчались к чудному острову. Рыбаки, как настоящие командиры

боевых кораблей, прижимали к глазам окуляры десятикратных морских биноклей, вглядываясь в озерные дали. Перед островом, по всем правилам морского боя, моторные лодки выстроились в линию.

В это время болгарские нудисты разомлели под солнечными лучами и наслаждались нежным плеском ладожской волны. Руководитель болгарской группы доцент Сребре, будто в университете Рабиндраната Тагора, что-то тихо вещал своим обнаженным ученицам, и по тому, как они внимательно его слушали, лекция была о любви, возможно, о любви к учителю.

Когда вытянутая в линию кавалькада моторных лодок подошла к острову, голые болгарки сначала испугались и, как самки потревоженных тюленей, заползали по камням. Но потом они решили, что на Ладогe проходят какие-то военные учения, тем более рыбак на первой лодке был в морской фуражке с якорями, во флотском плаще-накидке и с биноклем на груди. Он встал во весь рост и отдал болгаркам честь, на что они ответили приветственными визгами и беспорядочными переползаниями.

Катера разворачивались у дальнего мыса, уходили в открытую Ладогу и, сделав большой круг, возвращались к чудному острову. Болгарки не замечали этого маневра и наблюдали только вереницу катеров, идущих мимо, поражаясь многочисленности маломерного советского флота.

— Это наша малая Ладожская армада торпедных катеров, закамуфлированных под моторные лодки, — с гордостью рассказал я болгаркам после их возвращения, — а в Болгарии есть такие флотилии?

— В Болгарии все есть! — ни капельки не смутившись, соврали болгарки.

В середине дня с рыбалки вернулись поляки. Профессор был в ярости. Оказалось, что как только они закинули удочки в уютной бухточке, появился моторный катер и прямо перед ними заложил крутой разворот, от которого на волнах заплясали иностранные поплавки. Вскоре сцена повторилась, а дальше катера разворачивались перед ними с интервалом в несколько минут.

Естественно, что поляки расценили это как провокацию со стороны местного русского населения и кричали

лодочникам: «рагули» и «пся крев» («жлобы-дебилы» и «собачья кровь»). А когда поляки осознали бесполезность такой рыбалки, смотали удочки и возвращались по берегу домой, то вдруг увидели на островке голых болгарок и вереницу лодок, идущую мимо них. Тут профессора чуть не хватил удар.

— Вся рыба тоже, наверное, поплыла к острову смотреть представление, — сделал заключение ассистент после рассказа о неудачной рыбалке.

Так профессору и не удалось поймать ни одной рыбки в великом Ладожском озере. Еще две попытки выйти в озеро на рыбалку на лодке окончились неудачей — разыгралась непогода.

В конце практики, когда поляки и болгары сели в автобус, чтобы ехать на вокзал, профессор вдруг в раздражении заявил:

— В этом Ладожском озере рыбы нет вообще, даже не о чем будет рассказать в нашем городском клубе рыбаков.

Водителя автобуса явно задело такое оскорбительное заявление, но он, как и положено сдержанным карельским парням, тактично промолчал. На пути к вокзалу автобус остановился около одного из домов.

— Анатолий Михайлович, можно я отлучусь ровно на одну минуту? Домой заскочу.

Водитель вернулся с бумажным пакетом в руках.

— Я хотел бы передать сувенир от рыбаков Питкяранты клубу рыбаков города Вроцлава, — шофер протянул пакет профессору.

— Покажите, покажите! — загалдели студенты.

— Можно посмотреть? — зачем-то спросил профессор водителя.

Он развернул бумагу достал из пакета искусно высушенную и покрытую лаком гигантскую щучью голову. В ее раскрытую пасть свободно входила человеческая голова.

Польские студенты в автобусе дружно ахнули. Даже я первый раз в жизни увидел такую огромную щучью голову.

— В нашем Дунае еще и не такие щуки водятся, — невозмутимо заявили болгарские студентки.

— Известно, что Болгария родина слонов и крокодилов, — съязвили в ответ поляки.

— Спасибо! — профессор горячо поблагодарил водителя. — Вы сами ее поймали? — с завистью спросил он. — И на какую снасть?

Водитель достал из кармана гигантскую блесну с огромным тройником и показал ее обалдевшим студентам. Даже болгарки удержались от замечания, что в Болгарии еще и не такие блесны есть.

— Этой блесне почти сто лет, она досталась мне от моего деда — охотника за щучьими головами, — с гордостью произнес водитель, — в рыбалке за глубоководными донными щуками самое важное размер блесны, на мелкие они даже не реагируют.

— Неужели за это время ни разу не было зацепа или гигантские щуки ее просто не оторвали? — удивился ассистент профессора.

— Тройник крепится к блесне специальной серьгой, которая при зацепе разгибается и освобождает блесну.

— Это же очень ценный сувенир, — профессор прижал к груди щучью голову, — а вам не жалко его отдавать?

Водитель небрежно махнул рукой:

— У меня дома еще одна голова есть, больше этой, от моего деда наследство.

Студенты вытащили фотоаппараты и принялись фотографировать водителя, блесну и щучью голову.

На вокзале я краем уха слышал, как польский ассистент уговаривал водителя продать ему щучью голову за любые деньги.

— Наши мужики Родиной не торгуют, — с гордостью ответил шофер.

НА ТУРБАЗЕ

Турбаза Питкярантского карьероуправления располагалась в живописном месте на берегу Ладожского озера. Здесь, в прибрежном лесу, в уютных летних домиках иногда размещали группы иностранных студентов, приехавших в Ленинградский университет на геологическую практику по безвалютному обмену.

Наших ребят перед заграничными поездками муштровали полгода. Они готовили рефераты и на семинарах делали

доклады о природе, культуре, науке, промышленности, образовании и геологии той страны, в которую ехали. Потом эти весьма интересные рефераты студенты передавали друг другу и по очереди изучали. В результате наши ребята знали о принимающих странах иногда даже больше, чем болгары или немцы о своих собственных. Но иностранные студенты часто имели о России весьма приблизительные сведения и охотно верили байкам, что в Москве прямо на Красной площади дикие медведи играют на балалайках и за еду танцуют на снегу.

На Питкярантском железнодорожном вокзале я ожидал приезда двух групп иностранцев. В немецкой группе из Фрайбергской горной академии руководителем был профессор Йохан Хофман, а помогал ему аспирант Ганс. Болгарской группой руководил Сребре Петров.

Йохан и Сребре приезжали на практики уже не в первый раз, и мы встретились как старые друзья. Я рассказал им, что в этом году обе группы разместят на турбазе, на берегу Ладоги, откуда каждый день мы будем совершать автобусные геологические экскурсии по району. А сейчас на площади нас ждет автобус.

И тут один из немецких студентов увидел комара. Еще в Германии доктор Хофман предупредил своих подопечных, что комаров в Карелии великое множество, и ребята привезли с собой изрядный запас разных отпугивающих средств. Местный комар произвел в рядах немцев настоящий фурор. Они выхватили аэрозольные баллончики с репеллентами и попытались струями, как очередями из автоматов, сбить комара в воздухе. Но наши карельские комары так просто не дадутся. Комар увернулся и набрал высоту. Студенты подпрыгивали, пытаясь его достать, и гоготали от удовольствия на весь перрон.

Автобуса на месте не оказалось.

— Небольшая заминка, — извинился я, — сейчас подойдет.

Студенты расположились на траве газона. Мимо нас, прихрамывая, прошел очень серьезный пионер с разбитой в кровь коленкой. Мальчик почему-то был в парадной форме — белой рубашке и красном пионерском галстуке. Чтобы наладить дружеские связи с местным населением, Ганс попытался угостить его жевательной резинкой. Школьник остановился, но от подарка с гордостью отказался, как и по-

добает настоящему пионеру. Тогда Ганс протянул мальчику кристалл горного хрусталя.

— Это очень красивый минераль из Германии.

Мальчик кристалл в руки не взял и с чувством превосходства ответил:

— Это кварц, у нас в карьерах Люппико его много и лучше. Вы приехали из Германии?

— О, я, я! — обрадовался Ганс.

— А почему вы так хорошо говорите по-русски?

— Потому что я долго изучал по русский язык. А ты изучал немецкий язык?

— Да, у меня есть очень хороший учебник.

— Это есть карашо, и что ты уже выучил по немецкий язык.

— Хенде хох! — громко выкрикнул мальчик.

Ганс от неожиданности отшатнулся и поднял руки. Болгарские студенты засмеялись и захлопали в ладоши.

Довольный собой, пионер удалился с гордо поднятой головой.

На грунтовой привокзальной площади лихо развернулся опоздавший автобус. Пока загружались студенты, шофер отвел меня в сторону и рассказал, что мойщица в автопарке наотрез отказалась мыть автобус для немцев — у нее в Великую Отечественную войну в концлагере погиб отец. И водителю пришлось самому мыть салон.

По дороге на турбазу я развлекал студентов разными историями, чтобы они могли сразу проникнуться местным колоритом.

— Весной на эту дорогу, по которой мы сейчас едем, вышли из маршрута два геолога. У одного были сильно разорваны брюки. Он их снял и расположился в придорожных кустах зашить. А другой геолог с молотком в руках отправился к ближайшему обнажению. И тут к первому геологу сзади подошел медведь и сильно ткнул его мордой в спину, выпрашивая подачку. Геолог, уверенный, что его торопит напарник, обернулся и вдруг увидел перед собой медвежью морду. Он закричал от страха, выскочил на дорогу и побежал босиком, в одних трусах, размахивая брюками. Я как раз ехал по этой дороге на своей машине — микроавтобусе и догнал геолога. А он принял рев двигателя за рычанье разъяренного медведя и прибавил скорость. И только когда я посигналил, он остановился.

— Неужели и здесь (помимо Красной площади) свободно разгуливают медведи? — удивились студенты. — А почему они пристают к людям?

— Турбаза, где мы будем жить, располагается на берегу Ладожского озера в глухой ненаселенной местности. Ближайший поселок геологов — Укса находится в пяти километрах к северу, в пятнадцати километрах к югу поселок Салми. Зато на Восток — сто километров до Мурманского шоссе нет никакого жилья — болота, реки и тайга, — я показал ребятам топографическую карту, — вот оттуда и пришел медведь. А ранней весной корма мало, и он стал рыться в помойке около турбазы. Да еще сторож его прикормил.

— И он не боится людей?

— Это люди его боятся. В начале лета автотуристы расположились на берегу озера. Расстелили на земле скатерть и разложили еду и выпивку. И тут из кустов появился медведь. Все залезли в машину и заперли двери. Медведь подошел к скатерти, съел все мясное, содержимое консервных банок, хлеб и на десерт полакомился шоколадными конфетами. Туристы со слезами на глазах наблюдали за его пиршеством и пришли в ужас, когда он опрокинул две откупоренные бутылки водки, наступил в образовавшуюся на клеенке лужу и с каким-то омерзением потряс задней лапой, отряхивая дурно пахнущую жидкость.

Ребята слушали меня с некоторым недоверием.

— А совсем недавно, — с воодушевлением продолжил я, — на турбазу приехали два рыбака, и пока накачивали резиновую лодку, к ним из леса вышел медведь-попрошайка. Рыбаки достали батон, отдали половину медведю, чтобы он отстал, схватили лодку и бегом к озеру. Голодный медведь за несколько секунд справился с булкой и догнал рыбаков у самой воды. Тогда один из них обернулся и отдал медведю оставшуюся половину батона.

— И где сейчас этот медведь? — со страхом поинтересовались болгарки, — на турбазе?

— Недавно его застрелили охотники.

— Зачем?

— По решению райсовета. Он стал бросаться на людей, думая, что просто отбирает у них пищу, ну и, пока он не со-

образил, что сами люди тоже съедобные, и дело не дошло до трагедии, решили его застрелить.

— Бедный медведь, — запричитали болгарки, — нам его жалко. Так хотелось на него посмотреть, мы бы его кормили.

— Не расстраивайтесь, — утешил я девиц, — их здесь много, может еще один из тайги придет, узнав, что приехали такие вкусные болгарские девочки.

Но болгарок такая перспектива почему-то не обрадовала.

— А вы часто встречаете медведей в маршрутах? — спросил немецкий студент с тетрадкой в руках.

— Каждый сезон. Вот недавно ехал на микроавтобусе по лесной дороге и догнал медведя, который, не торопясь, шел впереди. На машину он никакого внимания не обращал и двигался не спеша, будто говорил: «Никуда не уйду, это моя дорога! Понаехали тут всякие». А сигнал у меня, как назло, не работал. Подъехал к мишке вплотную, а он идет себе вразвалочку, задом виляет, ну, и решил я немного подтолкнуть его бампером. Он рассвирепел, обернулся и как даст лапой по решетке радиатора, так всю ее и измял. Я быстро включил заднюю скорость и рванул назад по дороге, а медведь бежит за мной и лапой бьет по облицовке, всю машину помял и не отстал, пока я несколько раз не выстрелил в воздух из нагана. Настоящий хозяин тайги.

Немецкие студенты недоверчиво посматривали на меня, будто спрашивая: «А вы не врете?» В ответ я так посмотрел на них, что ребятам стало неловко за сомнения в моей правдивости. Несмотря на качку в автобусе, один студент стал записывать мои перлы.

— Вам дают оружие? — удивились болгары, — Зачем?

— Для охраны секретных материалов, ценностей и отпугивания диких животных.

— И оно сейчас у вас есть?

Я молча достал из полевой сумки наган, разрядил его и показал ребятам. Вид боевого оружия развеял у студентов последние сомнения в правдивости моих рассказов.

На турбазе нас встретил сторож дядя Вася. По случаю приезда иностранных гостей он приоделся, и на старом армейском кителе сверкали боевые награды, в том числе и орден Славы. На голове дяди Васи красовалась выгоревшая солдатская пилотка со звездочкой.

Студенты принялись фотографировать ветерана еще из окон автобуса. Первыми вышли болгары и по очереди за руку поздоровались со сторожем.

Узнав, что ребята из Болгарии, дядя Вася с гордостью сказал:

— А я тоже бывал в Болгарии.

— Когда, где? — заинтересовались студенты

— Во время войны. Помню, на границе болгары подносили нам вино в таких больших медных чашах.

— А в каких городах вы побывали?

— Дальше ничего не помню, — честно признался сторож, — потом сразу была Югославия.

Болгары тут же достали бутылку ракии и подарили ее довольному ветерану.

Немецкие студенты тоже подарили дяде Васе флакон какого-то лечебного бальзама.

— Это надо пить немного с чаем, — предупредил Ганс.

Дядя Вася жестом заверил немца, что хорошо знает, как надо обращаться с алкоголем.

У домика сторожа стояла мой микроавтобус УАЗ, на дверцах которого было написано «Геологическая».

— Это ваша машина? — заинтересовались студенты. — Та, на которую медведь напал?

— Видите, — я показал ребятам вмятины и царапины, — это следы когтей.

Студенты принялись фотографировать вещественные доказательства бесчинства медведей и даже попросили меня встать рядом для масштаба.

— Was ist das? — со смехом воскликнул один из студентов, указывая пальцем на некрашеную квадратную фанерку, прибитую гвоздиками к юбке кузова.

Конечно, эта фанерка выглядела комично и вовсе не украшала автомобиль. Мне стало неловко. Три дня назад в маршруте, пробираясь на машине по узкой лесной дороге, я не заметил острый сук, который насквозь пропорол тонкую жесь. На скорости в дырку попадал воздух, и она начинала громко и противно свистеть, как дудка. Поэтому я и прибил фанерку.

— Это временно, мелкий ремонт, — немного смутился я.

И тут меня поддержал доктор Хофман. Он работал с ленинградскими геологами на советской антарктической стан-

ции Молодежная и рассказал, как однажды на их ледовый аэродром сел элегантный двухмоторный американский самолет, ярко раскрашенный и изящный, как игрушка. Когда прибывшие гости — пилоты и двое ученых проходили мимо российского АН-2 полярной авиации, то были поражены живописной картиной. Около хвоста самолета стоял механик и примерял фанерную крышку от посылочного ящика, стараясь расположить её так, чтобы полностью закрыть дыру в фюзеляже, пробитую куском льда, отскочившим от лыжи при посадке. В руках механик держал отвертку и мелкие шурупы-саморезы, при помощи которых собирался прикрепить фанерку.

«Мелкий ремонт», — объяснил начальник станции ошарашенным гостям.

Американцы понимающе закивали головами и снисходительно ухмыльнулись. Через несколько часов гости полетели дальше, но в пургу совершили вынужденную посадку на леднике.

— И спасти их прилетела «аннушка», та, с фанеркой на борту, — закончил свой рассказ доктор Хофман.

— Баня готова, — сообщил мне дядя Вася, — жинка так натопила, чуть парилку не сожгла.

— А почему жена топила баню, а не ты?

— Известно почему: вдруг завтра война, а я уставший.

Я поблагодарил сторожа и дал ему две банки дефицитной говяжьей тушенки.

Дядя Вася стал отказываться, но я объяснил, что это просто закуска, и он взял подарок.

Студенты разбрелись по турбазе, устраиваясь в отведенных им домиках.

Идти со мной в парилку согласились трое: Серебре и два немецких студента. Доктор Хофман и Ганс отказались, сославшись на усталость.

Банька располагалась на самом берегу, но вода в тот год стояла высоко, и сруб оказался в озере на крошечном островке. Идти к бане пришлось по колено в воде. По деревянной лестнице мы поднялись на открытую веранду, пристроенную к срубам. С веранды одна дверь вела в баню, а с другой стороны лестница спускалась прямо в озеро. Глубина под лестницей была метра четыре, так что можно было нырять в воду сразу после парилки.

В раздевалке я достал из рюкзака бутылку пива «Жигулевское», которую кто-то забыл в машине чуть ли не полгода назад. Пиво было испорчено, и я стал выливать его в таз с горячей водой, для того чтобы поддавать на камни. Студенты, находившиеся в напряжении перед неведанной процедурой, при виде пива вдруг радостно оживились и попросили дать им сделать хотя бы по глотку. В Германии они пили этот напиток с детства и каждый день. И самое большое для них потрясение в Советском Союзе, значительно более сильное, чем медведи, играющие на балалайках или избивающие в лесу автомобили, было отсутствие возможности пить хорошее пиво каждый день. Я объяснил ребятам, что это пиво наверняка скисло, так как срок годности истек полгода назад, и оно нужно, чтобы плескаться на раскаленные камни в бане. Студенты уверяли, что никогда не пробовали испорченное пиво, так как в их стране такого просто не бывает. Я дал им бутылку и они, по очереди сделав по глотку, тут же выплюнули содержимое. Но по их виду можно было прийти к заключению, что в целом они удовлетворены дегустацией и не расстроены вкусом испорченного пива, а еще больше гордятся своим отечественным напитком. Зато мне стало неудобно за качество российских пивоваров.

Жена сторожа вытопила баню «до звона», так что в каменке появилось малиновое свечение, а воздух был настолько раскален, что от него трещали волосы на голове. Даже для меня это было круто. Иностранцы в страхе упали на четвереньки и через порог выползли в предбанник.

Пришлось мне опять идти по воде на турбазу, чтобы взять у сторожа войлочные банные шапки и три пары рабочих рукавиц. Дядя Вася был уже явно навеселе.

— Выпей со мной, — предложил он, — добрая болгарская самогонка ракия. А немецкой микстурой жинка будет мне в непогоду ногу натирать. Там у меня от них четыре железных осколка у самой кости сидят.

Заодно я захватил из своей машины четыре бутылки импортного чешского пива — накануне мой друг Валера Хайкара подарил мне целую коробку.

Иностранцы сидели на веранде и были готовы отказаться от бани. Я, как мог, успокаивал их и объяснял, что в русской бане нет ничего страшного, надо просто расслабиться

и не мешать организму получать удовольствие. Но мои угрозы не очень-то на них подействовали, и ребята откровенно трусили. Тогда я объявил, что после бани их мужество будет вознаграждено чешским пивом, и достал из мешка четыре бутылки. Студенты заорали от восторга и заявили, что ради пива готовы на все.

Надев войлочную шапку и рукавицы, я зашел в парилку и, не закрывая дверь, поддал несколько раз на камни, чтобы немного снизить температуру. Из дверей вырвалось облако жгучего пара. Немцы заорали от возбуждения и, когда я вышел на веранду, заявили, что им очень понравилось, и для первого раза вполне достаточно, они готовы пить пиво.

Но я напомнил, что пиво будет только после парилки.

Слегка подсушенные березовые веники с ветками можжевельника и мяты достаточно было лишь окунуть в горячую воду, чтобы не заварился лист.

Сначала я парил Сребре. Он только кряхтел и повторял: «Добре, добре».

Распаренные докрасна, мы вышли на веранду и с ходу нырнули в прохладную воду Ладоги.

— Фантастика! — воскликнул Сребре в ответ на настоженные взгляды немецких студентов.

Потом я парил сразу двух студентов и, к моему удивлению, они стерпели пар, который не всякий русский парильщик выдержал бы.

После бани студенты прыгнули в воду и гоготали от удовольствия. Я выдал им по бутылке чешского пива. Они пили медленно и с наслаждением.

Потом в течение всей практики студенты приставали ко мне с вопросом, где можно в Питкяранте купить чешское пиво. На это я им отвечал, что и сам с удовольствием узнал бы, где находится это место. Пришлось сознаться, что чешское пиво страшный дефицит, и его подарил мне друг, который уехал на месяц в Финляндию. Но каждый день изнывающие от отсутствия пива студенты не уставали спрашивать меня, не обнаружилось ли место, в котором продают чешское пиво.

Я убеждал ребят, что сделать перерыв в пивном алкоголизме полезно для организма, и приводил слова Бисмарка о том, что пиво делает людей глупыми и ленивыми.

Меня поддержал профессор Хофман и рассказал, что весной Фрайбергская горная академия наконец-то построила мензу — студенческую столовую, в которой ребята могли завтракать, обедать и ужинать. Преподаватели радовались, что студентов удалось вытащить из многочисленных гаштетов и мелких пивных. Конечно, по вечерам студенты в мензе пили пиво. И тут преподаватели с ужасом узнали, что в среднем каждый студент выпивает в день два литра пива.

— Ну, какая может быть учеба и наука при таких дозах алкоголя, — сокрушался Хофман.

После бани на веранде преподавательского домика я, Серебре, Ганс и Хофман распивали бутылочку болгарского коньяка «Слынчев бряг». Красный шар солнца медленно садился в озеро, подсвечивая высокие серебристые облака. Если бы не комары, проникающие сквозь марлевый полог, было бы удивительно комфортно. Мы сидели в удобных креслах, и доктор Хофман рассказывал нам о полевом сезоне в Антарктиде на станции Молодежная, где он был единственным немцем в экспедиции. Йохан показывал изумительные цветные фотографии айсбергов, величественных горных хребтов и, конечно, пингвинов. Он рассказывал о тяжелых экспедиционных условиях, особенно когда приходилось в многодневных маршрутах жить в палатках в предгорьях. Постоянно дующий с ледяного купола ветер «сток» бывал порой такой сильный, что приходилось держать палатки изнутри.

— А как вы там обходились полгода без пива? — поинтересовался Серебре.

— Иногда нам выдавали по банке пива после авралов по разгрузке корабля. Вообще на станции был сухой закон, но в автономных маршрутах, когда жизнь и работа становились особенно тяжелыми, мы пили спирт. Конечно, я, за свою пунктуальность, был назначен виночерпием, а норму выдачи определял начальник геологической партии. Если он показывал мне один палец, то всем наливалось по семьдесят пять граммов спирта. А когда день был особенно трудный, то начальник показывал два пальца, и я наливал всем по сто граммов.

У одного геофизика была именная эмалированная кружка, напоминавшая по размерам детский ночной горшок. И он постоянно обвинял меня в несправедливом распреде-

лении спирта и требовал, чтобы ему в кружку, в которой сто граммов были вообще не видны, наливали по уровню столько же, сколько и другим.

Я объяснял, что отмеряю спирт мензуркой с точностью до одного миллилитра, и любой может это проверить. Но геофизик не сдавался и продолжал обвинять меня, рассчитывая, что я сдамся и стану наливать ему больше, чем остальным.

Но советские коллеги меня выручили, они с помощью мензурки налили в кружку геофизика сто граммов воды и на верхнем уровне жидкости просверлили с боков две дырки, так что больше ста граммов в эту кружку налить было уже нельзя.

Стало смеркаться, и я зажег свечу. Над базой отдыха разносились взрывы хохота: это немецкие и болгарские студенты веселились в столовой. Вдруг в дверь веранды кто-то энергично постучал.

— Заходите, — пригласил я, думая, что это болгарские студенты пришли забрать Серебря в свою компанию.

На веранду поднялся рыбак в непромокаемом плаще и резиновых сапогах.

— Кто здесь главный? — спросил рыбак.

— Допустим, я, а что случилось? — мне показалось, что рыбак начнет возмущаться чересчур громким студенческим весельем на веранде.

— Это ваши ребята в заливе плавают?

— Не знаю.

— Какой же вы главный, если ничего не знаете. Утонут ребята, как будете смотреть в глаза их родителям?

— Вы что, кого-нибудь в озере видели?

— Возвращались с рыбалки на катере и вдруг увидели, что посередине залива кто-то плывает. Ну, мы подумали, какой-то рыбак тонет, подлетаем на всей скорости, а воде совершенно голая девка плывает. Хотели ее вытащить, а она лопочет что-то на непонятном языке и от нас как рванет кролем. Так до берега ее и сопровождали.

— Такая коротко стриженная девушка? — уточнил Хофман. — Это наша Биргит, она мастер спорта и очень хорошо плавает.

— По статистике службы спасения на водах, из тонущих в Ладоге девяносто восемь процентов очень хорошо умели

плавать, и только два процента не умели плавать, — заявил рыбак, — по совместительству я спасатель.

— Спасибо, мы примем меры, — заверил я рыбака.

Сребре предложил спасателю стаканчик коньяка, и он с удовольствием его выпил.

Я отправился к студентам предупредить о запрете купания.

Ребята сидели на веранде за длинным столом и по кругу пили бутылку раки из горлышка. Биргит среди них не было, но немецкие студенты сказали, что она сейчас подойдет.

На веранду вошла пловчиха, и студенты почему-то сразу замолчали. Коротко стриженная, широкая в плечах и узкая в бедрах, она была больше похожа на парня. Биргит куталась в махровый халат, и глаза ее странно блестели. Мне показалось, что она изрядно хлебнула шнапса для согрева.

Я решил подождать, когда она сядет, и уже потом рассказать студентам об опасностях плавания в холодном Ладожском озере.

Немка прошла сзади и вдруг, захватив мою шею рукой, согнутой в локте, наклонила меня назад, так что я почти падал со скамейки. Воспользовавшись моим беспомощным состоянием, она неожиданно страстно поцеловала меня в губы. И руки у нее были, словно железные, не вырваться.

Студенты громко захлопали в ладоши и радостно заржали, словно табун лошадей.

«Точно, пила!» — подтвердил мой внутренний голос — великий специалист по части спиртного.

Болгары выставили на стол очередную бутылку ракии, которую, вероятно, проспорили немцам

Пловчиха поставила меня в совершенно дурацкое положение. Делать ей сейчас выговор на глазах уже пьяненьких студентов было бы совсем не убедительно. Тем более, что все смотрели на меня, ожидая первой реакции.

— Ребята, я вас попрошу не купаться в озере без моего разрешения и, конечно, не заплывать так далеко, да еще в голом виде.

— Наша Биргит мастер спорта по плаванию и любит экстремальные заплывы, — сказал кто-то из немцев.

— Во Франции одна спортсменка-экстремалка прыгнула с парашютом совершенно голая. Экстрим удался на славу, она

приземлилась на территорию мужской колонии. Когда она спускалась на парашюте, заключенные бегали и кричали: «Благодарим тебя, господи, за то, что ты услышал наши молитвы!»

— И что с ней стало? — заинтересовались болгарки.

— Думаю, прежде, чем ее отбила охрана, она получила экстрим по полной программе.

— И что же, Биргит могли изнасиловать прямо в воде?

«Она сама кого хочешь изнасилует, — подумал я, — рыбакам еще повезло», — а для студентов вслух сказал:

— Не исключено.

— Ах, как это было бы демократично, — воскликнула одна из болгарок.

На другой день вечером после маршрута к нам в гости на традиционную встречу приехали местные комсомольцы. Райком комсомола выставил бочонок чешского пива, а также сига и судаков для ухи.

Первым номером программы всегда была уха, которую готовил я. Местные ребята чистили рыбу, а иностранные студенты в это время с восторгом фотографировались с внушительными пятикилограммовыми судаками. У каждого рыбака есть свой рецепт приготовления ухи, у меня тоже. Сначала в холодной воде я варю головы, хвосты и плавники. Через двадцать минут они выбрасываются, и в юшку загружаются порционные куски рыбы, луковицы вместе с кожурой, придающие бульону золотистый оттенок, а также черный перец, лавровый лист, мелко нарезанные помидоры и болгарский перец. И, конечно, стопка водки, добавление которой всегда приводило иностранцев в неописуемый восторг. Мое блюдо высоко оценивали даже местные заядлые рыбаки, которых ухой не удивишь.

Русская трапеза с ухой сопровождалась здравицами и тостами. Третий традиционный тост, «за прекрасных дам», я произносил с учетом интернационального офицерского контингента:

— Господа офицеры Варшавского пакта, — и, дождавшись, когда мужчины встанут с бокалами в руках, торжественно заканчивал спич: — За прекрасных дам!

Тогда мне казалось, что ребята искренне считали себя офицерами Варшавского пакта, но, возможно, я ошибался, и они держали фигу в кармане.

Потом у большого костра пели песни. Немцы исполнили старую народную песню. Оказалось, что на этот мотив у нас тоже есть очень смешная песня, и я подумал, что это ее русский перевод, так как мотив и припев песен совпадали полностью. Мы стали петь в чересполосицу — один куплет пели немцы, на своем языке, и следующий я, на русском. Питкярантские комсомольцы были в восторге и хлопали в ладоши, так как понимали только по-русски. Но, как потом выяснилось, автор-исполнитель Юлий Ким написал новые слова на музыку немецкой народной песни. Бодрый мотив старой немецкой песни ассоциировался у барда с образом бравого кайзеровского солдата — пьянчужки и ловеласа:

Однажды рыжий Шванке (на-нум, на-нум, на-нум)
В казарму плелся с пьянки (на-нум, на-нум, на-нум).
Увидел он девчонку... (бомс, Валера)
И сразу за юбчонку (а-ха, ха-ха!),
И сразу за юбчонку (а-ха, ха-ха!).

А в немецком варианте никакого Шванке не было и в пьесе, и перевод песни без припева, несмотря на мажорный мотив, был минорный и примерно такой:

Я гуляла, гуляла, а милого все нет,
Я гуляла, гуляла, а милого все нет,
Вот уж осень настала, а милого все нет.

Потом немецкие студенты списали у меня слова Ю. Кима и перевели их на немецкий язык. Так песня получила второе рождение.

И тут болгарские студенты захотели отличиться в пении, но я попросил их не шокировать местное население, так как их песня с русскими словами содержала в припеве всего два цензурных слова: «а» и «опа»... Но мотив песни был замечательный и, если нецензурные выражения заменить ритмическими словами «там» и «там-тарам», то песня звучала примерно так:

Та-рам там там-гара
Там-тарам там тарам тара
 Та-рам там там-гара
 Там-тарам там тара
Та-рам там там-гара
Там-тарам там тарам тара
 Там-тарам там тарам тара
 Там-тарам там тарам.

Припев: А, опа, опа,
там-тарам там там тара
там-тарам там там тара
там-тарам там там тара.

Слово «опа», скорее всего, означало экспрессивное выражение эмоциональных чувств типа: «Эх ма!»

Кстати эту песню из-за чудесного мотива я пел на питкьярантской практике и нашим студентам. И однажды на банкете, после защиты дипломных работ, ребята вдруг попросили меня:

«Анатолий Михайлович, спойте, пожалуйста, песню, которую вы нам пели в Питкьяранте, и где одни матерные слова».

«Ты что, поешь им такие песни?» — ужаснулся заведующий кафедрой.

«Да, да! — закричали студенты, понимая двусмысленность ситуации. — Ну, хоть один куплет!»

«Только не в университете и не на моей кафедре!» — категорически запретил заведующий.

Болгарские студенты были удивительно музыкальны, и песни у них мелодичные и красивые. Они спели патристическую и модную в те времена песню «Никола» — широкую и раскатистую, словно эхо в горах.

Вечер встречи удался на славу, доели уху и выпили до дна бочонок пива.

Немцам и Сребре так понравилась русская баня, что они желали париться каждый день. При этом чешское пиво из коробки я использовал только для бани. Немецкие студенты выпивали одну бутылку пива на двоих, а другую оставляли для своих девочек. В конце практики немецкие студенты попросили меня разрешить им в последний день истопить баню самим от начала и до конца.

Я согласился.

Тут смущенные немцы признались, что много рассказывали своим девочкам о том, как я умею парить сразу двумя вениками, и они очень просили их попарить, если, конечно, я не боюсь обнаженных женщин.

— Вы что же, Биргит боитесь? — ехидно спросили ребята.

Я заверил ребят, что обнаженных женщин видел много раз в общественных местах на нудистских пляжах в Германии

и в Болгарии и очень им симпатизирую. И Биргит вовсе не боюсь, а просто опасаясь.

— А девочкам после бани тоже будет положено пиво?

— Чешское пиво закончилось, но я попытаюсь достать к прощальной бане несколько бутылок.

— И меня с собой возьмете? — спросил Сребре.

— Конечно! — радушно согласились немцы.

С обнаженными женщинами в общественных местах я действительно встречался. В первый раз, когда я был в Германии руководителем зарубежной практики, и на нудистский пляж на озере в районе города Фрайберга нас неожиданно завез доктор Хофман. И ничего сверхъестественного в этом не было. Значительно больше я и студенты были потрясены знакомством с голыми немецкими студентками в общежитии Фрайбергской горной академии. Дело в том, что наша группа приехала во Фрайберг во время троицы. И, несмотря на то, что праздник был религиозный, в ГДР три дня никто не работал. Нас поселили в уютном общежитии, которое пустовало из-за того, что студенты разъехались по домам на праздники. В конце коридора, рядом с комнатами, в которых мы жили, находился общественный туалет без опознавательных табличек, но явно мужского типа — в нем были писсуары и кабинки. Этим туалетом и пользовалась мужская часть нашей группы, а наши студентки ходили в туалет на другом конце коридора.

И вот вечером, накануне занятий, в общежитии появились немецкие студенты, в основном девушки. Отправившись чистить зубы, я вышел из комнаты и вдруг увидел, что в наш туалет заходит немецкая студентка, причем совершенно голая. Я быстро вернулся в комнату и рассказал об этом ребятам. Они высказали предположение, что эти дни мы по ошибке пользовались женским туалетом, и побежали проверить дальний туалет, но он оказался точно таким же и без опознавательных табличек. После этого ребята с опаской пользовались туалетом — один стоял на стреме, а другой справлял нужду.

Но больше всего наших ребят потрясли голые студентки в душевой, которая располагалась в подвале общежития. Еще в первый день у меня вызвало подозрение расположение душевой — посередине общая раздевалка и справа

и слева собственно душевые комнаты без перегородок. Ребята решили помыться с утра пораньше, пока немецкие студентки еще спят, но они сильно ошиблись. Только они встали под сильные горячие струи воды (на душевых со-сках почему-то не было распылителей), как в раздевалке послышался девичий смех, и в душевую вошли две голые девушки. Нисколько не смутившись присутствием ребят, они вежливо поздоровались.

Парни, испугавшись естественной реакции организма, не выдержали и выскочили из душевой, как ошпаренные кипятком.

Хорошо, что вскоре наша группа уехала на геологические экскурсии по месторождениям Германии.

Но в последний день я не смог выполнить своего обещания попарить немецких студенток, так как пришлось развозить бельё и матрасы, которые я брал в долг в разных организациях Питкьяранты.

Когда я вернулся на базу, меня встретил недовольный Сребре. Он пожаловался на то, что немцы его обманули — вытопили баню, а потом стороной по воде провели туда своих девочек. При этом Сребре лежал и загорал поперек тропинки, ведущей в баню, чтобы мимо него нельзя было незаметно пройти.

Накануне отъезда вечером ко мне подошел один пунктуальный немецкий студент, который аккуратно записывал в тетрадь мои лекции и перлы и донимал зачитыванием вслух своего дневника, для того чтобы исправить неточности. Это касалось не только геологии, но и всего того, что он увидел и узнал за день. Отказать такому хорошему парню я не мог.

— Я слышал, как вы рассказывали болгарам, что в местных лесах живёт хищная птица — Мымра, — по слогам читал студент, — растет ядовитый гриб — Мымра, а в озёрах водится несъедобная раба — Мымра. И еще, часто встречается ядовитая змея — Мымра, которой если что-то не понравится, то она гигантскими прыжками гоняется по лесу за человеком, пока его не укусит.

Я вдруг вспомнил Александра Дюма, который во время путешествия по России записал в своем дневнике, как он отдыхал под развесистой клюквой.

— Да, ты забыл написать, что на болотах произрастает страшно ядовитая ягода — Мымра.

— Почему совершенно разные живые организмы имеют в русском языке одно и то же название? Это неправильно!

«Ну просто немецкий Карл Линней», — с уважением подумал я.

Этот студент имел только один недостаток — совершенно не понимал юмор.

— По-русски это называется унификация, — пояснил я, — От таких сведений парень пришел в легкое замешательство, но быстро схватил суть и радостно подтвердил, что понял.

— О, я, я, Unifizierung!

— Особенно важна унификация в развитии современной техники, — я уже не мог остановиться, словно меня несло течением. — Например, у нас даже новейший танк представляет собой комбинацию всего лишь одной детали, которая называется «хреновина».

У студента от удивления вытянулось лицо, но он справился с собой, поспешно вытащил из кармана шариковую ручку и переспросил:

— Как называется деталь, из которой сделаны ваши танки?

— «Хреновина», но записывать секретные сведения не надо, это я доверительно сообщаю вам как союзнику, вы меня понимаете?

— О, я, я, спасибо, — поблагодарил студент и понимающе ухмыльнулся, всем своим видом демонстрируя приверженность боевому союзу социалистических стран.

Обогащенный важными сведениями, студент отправился к себе в домик. Он остановился на крыльце и все-таки записал в тетрадь секретные сведения.

«Вызнал секрет, — хихикнул мой внутренний голос, — дружба — дружбой, а служба — службой.» Вот какие они, союзники по Варшавскому пакту. Как воевали немцы против России во все времена, так и сейчас с ними хорошие отношения, потому что иначе им нельзя. Большинство немцев уже опять против России в НАТО, и остальная часть хочет перескочить туда же.

РУССКИЕ СПЕЦИИ

Группа студентов-геофизиков во главе с профессором Жуковским выехала на практику в Югославский университет города Загреба. На железнодорожном вокзале в Белграде их никто не встретил. Естественно, что денег у студентов и преподавателей не было, так как по существующим тогда законам им разрешалось оставить по 10 рублей на обратную дорогу, а пропитание и проживание должны были оплачивать югославы. Ребята несколько часов маялись на вокзале в ожидании встречающих. Звонить в воскресенье в университет в другой город не было смысла, да и денег тоже. Голодные студенты слонялись по привокзальной площади и наблюдали, как аборигены покупали на лотках горячие сосиски и обильно сдабривали их горчицей. Даже для того, чтобы сходить в туалет, нужны были монеты. И тут они обнаружили, что в привокзальном сквере югославские мужики играют в шахматы на деньги. Причем играли они так себе, но суммы ставили приличные. Профессор Жуковский сел за шахматную доску, поставив на кон свои часы. Студенты яростно болели за своего преподавателя, особенно те, которым сильно хотелось в туалет. И профессор выиграл столько денег, что их хватило не только на сосиски с горчицей и туалет, но и на билеты до Загреба.

Учебная практика в Югославии прошла успешно, и вскоре к нам на факультет с ответным визитом приехали преподаватели и студенты из Загребского университета.

А я в это время я находился в Карелии и был начальником небольшой экспедиции Ленгосуниверситета. На почте меня ждала телеграмма, подписанная деканом факультета и директором Института земной коры Мейером Владимировом Александровичем, с указанием немедленно выехать в Питкяранту и обеспечить проведение геологической практики для студентов-югославо.

Я собрался в дорогу. В моей экспедиции было две машины: бортовой ГАЗ-66 с брезентовым кузовом и старенький микроавтобус УАЗ-452, который все ласково называли «буханка». На грузовике работал профессиональный водитель, а микроавтобус я водил сам. Уазику исполнилось уже семнадцать лет, что по автомобильным меркам считалось

дряхлой старостью. Но я любил свою «буханку» и поддерживал ее существование, как только мог. У нее было две проблемы: севший аккумулятор и отсутствие давления масла в двигателе. В день получения телеграммы я как раз решил одну из проблем, выменяв новый аккумулятор на запасное колесо. Теперь моя «буханка» заводилась, как настоящий автомобиль, от стартера, так что не надо будет вертеть заводную ручку под насмешливыми взглядами иностранцев. С этой поездкой я надеялся решить и вторую проблему или хотя бы выяснить у знакомого моториста, отчего в двигателе такое низкое давление масла.

В Питкяранте мне пришлось бы обедать с югославами в ресторане, и поэтому я переоделся в джинсы и салатного цвета модную рубашку «сафари», которые купил еще в Германии.

Выезжать надо было в ночь, так как поезд с югославами приходил в Питкяранту утром. Дорога была дальней и утомительной. Во время движения я постоянно испытывал неприятные ощущения — почему-то щипало спину в области крестца. Я вертелся на водительском сидении и кулаком тер спину через рубашку.

В город я въехал за час до прихода поезда. Спина все время чесалась, и я тер ее кулаком. На вокзале, прогуливаясь по перрону со скрещенными за спиной руками, я вдруг почувствовал, что моя спина голая. В результате более тщательной проверки в моих пальцах оказался обрывок ярко-красной материи. В недоумении разглядывая лоскут, я вдруг понял, что это обрывок моих красных боксерских трусов, а на моих новых джинсах образовалась дыра в тарелку величиной, по краям которой и торчали красные лохмотья. Все стало понятно. Когда на машине был старый аккумулятор, то реле зарядного тока было выставлено на максимум, а когда я поставил новый, то забыл отрегулировать реле, и от мощного зарядного тока аккумулятор закипел. Конструктивной особенностью данной модели уазика было расположение аккумулятора сразу за спинкой сиденья водителя, и пары серной кислоты разъели мои джинсы и обожгли кожу.

Первое, что пришло мне в голову, это то, что ни одна заезда не подсказала мне, что я хожу по городу с совершенно голым, красным, как у макаки, задом.

До прихода поезда оставались минуты, и новые брюки я никак не успевал купить. Пришлось переодеться в маршрутные энцефалитные брюки, которые совершенно не гармонировали с элегантной рубашкой «сафари».

Возглавлял группу югославы молодой профессор в сопровождении жены. Вторым руководителем был аспирант, изучающий железорудные месторождения.

Югославы вполне прилично говорили по-русски. Но профессор вел себя как-то надменно, будто он приехал к бедным родственникам. И все время, не стесняясь своей жены, с каким-то особым смаком рассказывал похабные анекдоты, от которых покраснели бы даже наши дальневосточные бичи из стационарных геологических партий. Вероятно, хотел продемонстрировать, как далеко зашла демократия в их европейской стране. Я попытался перевести разговор на геологию, но профессор, чувствуя, что мне не по душе эта тема, упорно продолжал рассказывать анекдоты о героях Гражданской и Отечественной войн. В конце концов, он с притворным удивлением объявил, что это наши русские анекдоты, придуманные патриотами родины.

Я высказался в том смысле, что для «патриотов», которые за тридцать серебрянников сочинили эти пошлые анекдоты: «...там, где водка, там и Родина». И чтобы подвести черту, я заявил:

— А хотите, я вам сейчас расскажу такой похабный анекдот про Тито, что вы умрете от страха, пардон, от смеха.

Но югославам вдруг стало страшно и без анекдота.

— Ой, не надо, — испугалась жена профессора и даже замахала руками.

Профессор со страхом оглянулся на югославских студентов.

Наконец, тема похабных анекдотов была закрыта.

После маршрута я привез гостей на обед в единственный в Питкяранте ресторан. В середине дня зал был практически пустой. В этом ресторане я почти каждый год летом кормил группы иностранных студентов, приезжающих к нам на факультет по безвалютному обмену, и меня здесь хорошо знали. Сама директриса усадила нас за столики. Я сел с профессором и его супругой, а аспиранты и студенты расположились за соседними столиками. На столах, застеленных

чистыми скатертями, в вазочках стояли полевые цветы, тарелки с хлебом и стандартные наборы — соль, перец и баночка с горчицей, которую изготавливал Питкярантский хлебозавод для всей Карелии. Горчица была острой и ароматной, и я всегда привозил домой пару баночек.

— А сколько у вас выпускают видов горчицы, — поинтересовался профессор, разглядывая этикетку на баночке.

— Вроде, всего два вида: «Столовая» и «Русская».

Профессор презрительно хмыкнул.

— У нас в Югославии продается тридцать два сорта горчицы из разных стран мира, — с гордостью заявила профессорская жена, — и Милан может с закрытыми глазами их распознать.

Краем глаза я заметил, что голодный аспирант за соседним столиком, так же, как и наши студенты, в ожидании заказа намазывал горчицей хлеб. Вдруг он подбежал к нашему столику и, непонятно от чего задыхаясь, произнес, указывая на баночку с горчицей:

— Горча, горча! — и закатил глаза.

Прежде, чем я успел сориентироваться в ситуации, профессор бодро схватил чайную ложку и «с горкой» зачерпнул из баночки горчицу. Когда он поднес ложку ко рту, я подумал, что он хочет только попробовать горчицу кончиком языка, но совершенно неожиданно он отправил горчицу в рот и, как я полагаю, успел часть ее проглотить. Дальше произошло что-то ужасное. Профессор мгновенно покраснел, выпучил глаза, как глубоководная рыба, вытащенная на поверхность, надул щеки до невообразимой величины и зачем-то схватился за уши. Я тут же подхватил югослава под руки и потащил в туалет. Повернув совок водопроводного крана вверх, я открыл его и заставил профессора промыть от горчицы рот в фонтане воды.

Испуганная директриса суетилась вокруг нас и совала в руки профессора чистое полотенце. Наконец югослав промыл рот, вытерся полотенцем и сделал глубокий вдох. Мы вернулись за столики. Профессор еще не мог говорить, и у него обильно текли слезы. Его супруга рассказала директрисе, что в Югославии выращивают разные сорта горчицы: Дижонская, Бордоская, сладкая Баварская, Дюссельдорфская, а приправ из нее существуют десятки, но

все они достаточно слабые, так что можно свободно съесть чайную ложку.

А тут какая-то термоядерная горчица. Никто даже и не подозревал, что такая может быть. Конечно, японская васаби, которую подают к суши, тоже атомная, но это, по сути, хрен, а не горчица.

Аспирант извинился и рассказал, что он попробовал острую горчицу, и у него перехватило дыхание, и он хотел только предупредить профессора. Но не получилось.

Я с гордостью объяснил, что русская горчица имеет самый жгучий вкус из-за эфирного масла и «горчичного газа» — иприта.

— Классическая русская горчица, кроме заваренного горячей водой порошка, соли, сахара и уксуса, не содержит других компонентов.

Питкьярантская горчица настолько потрясла югославов, что затмила даже рудную геологию. Они захотели тут же скупить всю горчицу в ресторане, но директриса не согласилась и объяснила, что горчица должна обязательно присутствовать на столах, но подарила им по баночке.

Югославы ринулись в магазины и скупили всю горчицу в городе. Вечером в гостинице они хвастались друг другу своими трофеями, высыпав баночки из сумки прямо на постель.

Меньше всех повезло профессору. Он купил всего шесть баночек.

— Но в магазине мне пообещали, что завтра им привезут еще десять банок, и они оставят их для меня, — похвастался профессор.

Подозреваю, что горчица нужна была югославам, чтобы подставить своих знакомых, подарив им по баночке такой горчицы. И те, не зная ее силы, также попробуют ее ложкой.

— Смотрите, с этой горчицей у вас могут быть проблемы при пересечении границы, — предупредил я.

— Это почему? — заволновались югославы.

— Потому, что наша горчица приравнивается к взрывоопасным веществам — если в баночку добавить щепотку динамита, то ею можно запросто взрывать мосты, — пошутил я.

Через две недели после отъезда югославов в Питкьяранту на практику приехали сразу две группы — болгары из Софийского университета и поляки из Вроцлава. Иностранцев

поселили на турбазе, располагавшейся в живописном месте на побережье Ладожского озера. Пока студенты размещались в летних домиках, я собрался приготовить шашлыки к праздничному вечеру из заранее замаринованного мяса. На берегу озера стоял массивный металлический мангал, и рядом кухонный столик.

Преподаватель польской группы пан Юзеф — крупный, толстый и обаятельный человек, отмахиваясь от полчищ комаров, помогал мне насаживать на шампуры мясо и раскладывать их над огнедышащими углями. Для изготовления винного уксуса у меня был очень простой рецепт — в бутылку красного сухого вина надо добавить немного уксусной эссенции.

Пока я брызгал на возникающие языки огня получившейся смесью и активно размахивал картонкой над углями, пан Юзеф взял со стола треугольную бутылочку с уксусной эссенцией и осторожно ее понюхал.

Жестом я показал ему, что это пить нельзя, на что пан Юзеф, также жестами, показал мне, что он не дурак пить уксусную эссенцию. Но следующий его ход я никак не ожидал. Преподаватель неожиданно вылил содержимое бутылки себе в ладонь и обмыл кислотой свое лицо и даже шею.

Разъяснять поляку ситуацию было некогда. Я спихнул толстого Юзефа в озеро, прыгнул за ним следом и, стоя по пояс в воде, стал окунать голову ничего не понимающего, но возмущенного поляка в ледяную воду. Он пытался руками оттолкнуть меня, но я ладонью другой руки обмывал его лицо снизу. Польские и болгарские студенты на берегу просто обалдели от такой сцены, думая, что два преподавателя просто дерутся.

Болгарин Радо советовал мне подольше держать голову пана Юзефа под водой. Поляки болели за своего преподавателя и советовали Юзефу сделать подсечку и, навалившись на меня сверху, раздавить всей тушей.

Когда «омовение» закончилось, я объяснил пану Юзефу и польским студентам, что в этой бутылочке концентрированная уксусная кислота, от ожога которой слезает кожа до мяса.

— Кто же знал, что русские специи опасны для жизни. У нас в Польше продается только трехпроцентный уксус, и я частенько на природе мажусь им от комаров, — пан Юзеф снял мокрую одежду и вытерся полотенцем.

На другой день кожа на лице Юзефа почернела, и только вокруг глаз, которые он успел закрыть, остались белые круги, как у очковой змеи. Поляк стал похож на негра. От него исходил стойкий запах уксусной кислоты, от которого налетавшие комары падали в обморок.

Болгары наперебой фотографировали Юзефа для рекламы «лучшего русского средства против комаров». Они уверяли, что до такой черноты невозможно загореть даже на пляжах Болгарии.

Вечером к нам в гости приехали питкьярантские комсомольцы с традиционной бочкой пива и сигами для ухи.

«Откуда у вас в группе появился этот огромный негр?» — удивились они.

ЧЕВЕРМЕ

Скорый международный поезд Ленинград–София пересекает румыно-болгарскую границу на Дунае и мчался вдоль северных отрогов изумительно красивых гор под названием Стара Планина. Вечернее солнце золотом раскрасило древние скалы. В открытое окно врывался удивительный воздух Болгарии. В душе звучала военная песня Михаила Исаковского:

«Где ж вы, где ж вы, очи карие?
Где ж ты, мой родимый край?
Впереди — страна Болгария,
Позади — река Дунай».

И тут на одной из лужаек я вдруг заметил стадо баранов с пушистыми и длинными хвостами. Студенты столпились у окон и с удивлением смотрели на необычных животных. В первой экспедиции на Памире я видел курдючных овец — породу, специально разведенную для районов пустынь и полупустынь и имеющую жировые отложения на крестце — курдюк. Такие овцы, использующие курдюк так же, как верблюды горб, неприхотливы к кормам и способны выносить большие переходы. Но было совершенно непонятно, зачем такой большой хвост нужен болгарским баранам.

Вместе с нами в вагоне оказался зоотехник, ехавший в командировку. Он рассказал нам, что эта длиннотощехвостая порода овец выведена в северо-восточных районах

Болгарии. Средняя живая масса баранов около ста килограммов, а маток — около пятидесяти. Зоотехник разошелся и прочитал студентам целую лекцию о разведении мясомолочных и тонкорунных овец. Мы еще не знали, что вскоре нам предстоит отведать жареное мясо тощехвостого барана.

На другой день после приезда нам устроили экскурсию на геологический факультет Университета имени Климента Охридски. День был жаркий, и в минералогическом музее под стеклянной крышей было настоящее пекло. Директор музея, удивительно обаятельный человек и страстный коллекционер Михаил Найденович Малеев готов был показывать нам минералы целый день. Но слава Богу, настал час обеда. После студенческой столовой мы отправились осматривать достопримечательности Софии. Больше всего студентам понравился собор Александра Невского, воздвигнутый в память русских солдат, павших в боях за освобождение Болгарии от османского ига. В соборе было прохладно и удивительно покойно. Перед иконами тускло горели свечи.

Студенты накупили в церковном ларьке маленькие освященные иконки. Я тоже приобрел две иконки Божьей Матери и святого Александра Невского для своей матери. В те времена было запрещено провозить через границу предметы культа. Поэтому на обратном пути я собрал все иконки и сложил их в рюкзак вместе с общественными образцами. Но таможенник прямо спросил меня:

«Ребята, небось, иконки везут?»

Я уже открыл было рот, собираясь соврать: «Ну что вы, как можно, комсомольцам!»

«Смотри, руководитель, только чтобы в количествах для личного пользования!»

Я развел руками, собираясь заверить: «А как же иначе?»

На другой день болгарские коллеги решили устроить для нашей группы «привальную». Пикник намечался на даче одного из университетских преподавателей, располагавшейся на склоне горы Витоша. Этот изумительный по красоте горный массив имеет очертания огромного купола и является одним из символов Софии. Самая высокая точка массива — национальный парк Черни-Врых (Черная вершина), высотой две тысячи триста метров. Не много в мире городов, обладающих таким природным богатством. На вер-

шине Черни-Врых арктическая пустыня — каменная территория, меньше половины поверхности которой покрыто чахлой растительностью и лишенная деревьев и кустарников. Там работает метеорологическая станция и несколько туристских домов, в которых мы попробовали лечебный чай из местных трав. На склонах горы туристам показывали замечательное явление природы — «каменные реки» (морены): скопления валунов сиенитов и гранитов округлой формы в долинах рек, достигающие в ширину пятидесяти метров.

После экскурсий мы спустились вниз на кресельном подъемнике и пешком отправились к месту пикника. В живописном месте на склоне горы перед старым дачным домиком был накрыт длинный стол. На зеленой лужайке у сарая тучный, как «человек-гора», болгарский мужчина, лежа на коврике, уже седьмой час жарил на вертеле целого барана. Так готовилось чеверме — национальное болгарское блюдо. Сам хозяин Борис Кальковский смачивал бока жаркого соленой водой. В ожидании готовности мяса нас посадили за стол пить вино и ракию.

Так совпало, что у меня был день рождения, и я принимал поздравления и выслушивал здравицы в свою честь.

Болгары учили нас чокаться «по-болгарски» — внимательно смотреть друг другу в глаза, а не на рюмку, как это почему-то практикуется у русских.

— Это оттого, что на Руси пролитое спиртное — плохая примета, — оправдывались наши студенты, — а самая дурная примета — разбитая бутылка водки.

Наконец поспело чеверме. Все обедались бараньим мясом. Я обожал бараньи ребрышки, но мне как имениннику выделили правую баранью лопатку. На ней было столько мяса, что я с трудом его доел. Оказалось, что сама лопатка нужна для гадания. Доцент Борис Кальковский лично обжег мою лопатку на углях и внимательно рассмотрел появившиеся трещины.

— Народы, имевшие в числе предков гуннов, в частности, болгары, практикуют гадание на лопатках животных, — доверительно сообщил мне Сребре, — племена протюрков и гуннов проникли даже на японские острова и принесли туда свои обычаи. В японской священной книге «Кодзики» говорится, что древние японцы гадали на лопатке оленя-самца, обжигая ее на углях и толкуя о появившихся на кости трещинах.

— Этому меня научила моя бабушка, — рассказал Борис, — гадание на лопатке совершается обязательно поздним вечером. После обжигания ее надо очистить и смотреть на трещины, появившиеся на кости. Продольные трещины вдоль гребня обещают благополучие, а поперечные — неудачу. У тебя, Анатолий, трещины заворачивают, и поэтому тебя сначала долго будет сопровождать удача, но в пожилом возрасте ждут проблемы со здоровьем.

— В пожилом возрасте у всех будут проблемы со здоровьем, — саркастически заметил я.

— Да, но лучше бы их не было.

Гадание завершилось бросанием лопатки через плечо. Надо было загадать желание, бросить и, если лопатка упадет гребешком вверх, то желание сбудется, если вниз — то нет. Мне опять повезло — лопатка упала гребнем вверх, и загаданное желание действительно вскоре осуществилось. После гадания лопатку, по поверьям, нельзя выкидывать целой — необходимо предварительно разрубить ее гребешок. Что я и сделал топором.

Левая лопатка была предназначена для гадания Майе Михайловне Болдыревой — второй руководительнице нашей группы.

Борис долго рассматривал ее лопатку после обжига и выдал прогноз, прямо противоположный моему:

— Трещины у вас заворачивают в другую сторону, и поэтому сначала будут проблемы, но в пожилом возрасте все наладится, и ожидается удача.

— Это почему же у меня все наоборот, — возмутилась Майя Михайловна, — я сейчас удачу хочу! И потом, лопатка от одного барана, а пророчества разные, — усомнилась она в достоверности гадания.

— Потому что судьбы у всех разные, — нашелся Кальковский, — еще моя бабушка говорила, что гадание на бараньей лопатке самое верное. Но, есть еще один, более точный способ, хотите попробовать?

— Давайте, — обрадовалась Майя Михайловна.

— Вся лопатка делится на девять секторов, и в зависимости от того, в каком секторе появляются трещины, выносятся предсказания судьбы. Нет, у вас все то же самое получается. Так что загадывайте желание и бросайте лопатку через плечо.

Не знаю, сбылось ли загаданное желание у Майи Михайловны, но ее лопатка тоже упала гребнем вверх, после чего я изрубил ее топором.

Как-то быстро наступил вечер и ночь. На августовском небе появились крупные и яркие звезды.

— Это наши звезды — балканские, — заявили болгарские студенты, — вы посмотрите, какие они крупные и красивые.

Наши ребята едва удержались от замечания, что наши российские звезды не хуже.

Болгары удивительно музыкальный и поющий народ. По моей просьбе они запели «Никола» — патристическую военную песню, и мы дружно подхватили. Эта песня, такая свободная и широкая, летела, как сокол, над Пиринскими горами.

«Имала майка едно ми чедо,
Едно ми чедо, Никола,
С очи звездици, с лице трендафил,
Левинто чедо, Никола».

Наши ребята дружно подхватили припев, и раскатистое эхо повторяло слова:

«Э... э... э... эй, Никола,
Э... э... э... эй, пирински сокол,
Э... э... э... эй, Никола,
Э... э... э... эй, български юнак!»

И все-таки болгары настоящие шаманы, сохранившие древние традиции. Борис стал рассказывать о других способах гадания — таинственных и романтических, как звездная болгарская ночь.

— Надо обязательно сосредоточиться на положительном будущем, и никогда не думать о негативном ответе, — убеждал нас Кальковский.

Он достал из кармана заранее приготовленные кристалл аквамарина — минерала группы берилла цвета морской воды и плоский кристалл горного хрусталя.

— Гадание заключается в созерцании в кристалл. Этим лучше заниматься ночью, в полнолуние или прибывающую луну. Сидеть надо спиной к источнику света, — объяснял Борис, — несколько минут следует глубоко дышать, чтобы успокоить сознание. А затем можно задать минералам интересующий вас вопрос, и ответ вы прочтете в глубине кристалла.

Майя Михайловне достался аквамарин, а мне горный хрусталь. Но какого-то вразумительного ответа на свой вопрос я в нем не увидел.

Мы передали кристаллы студентам, которые с увлечением принялись гадать о своей судьбе.

— Можно также использовать прислушивание к воде. Надо лечь у ручья, бегущего по камням, успокоить дыхание и прислушаться к говору воды. Картина, возникшая в вашей голове, и будет ответом на вопрос, — учил нас Кальковский.

Костер, разведенный студентами на месте изготовления чеверме, уже догорал. Мы испробовали еще один способ гадания, предложенный Кальковским — «созерцание огня». Сидя перед костром и глядя в огонь, надо задать интересующий вас вопрос. В языках пламени или в искрах, летящих в черное небо от раскаленных углей, явится будущее.

Глядя на огонь, я вдруг вспомнил, как болгарские студенты еще на практике в Советском Союзе обещали мне продемонстрировать языческий обряд хождения босиком по раскаленным углям.

В огнехождении, в первую очередь, надо побороть страх перед стихией огня и перед болью, рассказывали мне студенты, страх помогает людям выживать, но мешает преодолевать трудности и побеждать. Хождение по углям — это возможность проверить себя, обрести железную волю и новое огненное умение, это способ очищения — выжигания всего лишнего и ненужного. Не зря в древности через костры прогоняли домашний скот, выжигая заразу, огнем очищали помещения, а ведьмы огнем снимали порчу.

— Толя, — болгарские студенты и преподаватели всегда обращались ко мне без отчества, — сейчас это невозможно, так как дрова в костре незнакомые. Обычно для приготовления углей мы проверяем каждую палку, чтобы в них случайно не было гвоздей. Раскаленный металл может сразу прожечь кожу ноги. И еще, надо как следует выпить, чтобы не бояться и почувствовать себя полностью свободным.

— Верно, — подтвердили наши ребята, — русский человек чувствует себя по настоящему свободным только когда, когда напьется!

Они как раз напоили толстого болгарина, который жарил на углях барана, и про которого болгарские студенты

с гордостью говорили, что это самый стойкий к выпивке мужчина во всей Болгарии, и еще никому не удавалось его напоить. Нашим студентам это только придало куражу, особенно Сергею Богоявленскому — здоровому красивому парню, который до поступления в университет отслужил срочную службу в десантных войсках.

— Вам что, по костру походить? — предложил болгарам Сергей.

— Сейчас рано, надо подождать, пока дрова прогорят и образуются угли, — объяснили болгарские студенты.

— Ерунда, — Сергей сбросил с ног резиновые тапочки и решительно подошел к горящему костру.

— Стой, — в ужасе закричали студенты.

Но Сергей, не раздумывая, ступил голой ногой прямо в огонь, так что из-под ступни вылетели горящие поленья и пахло запахом паленого волоса.

Болгары от страха закрыли глаза. Зрелище действительно было жуткое. Но Сергей быстро прошел по костру.

Чтобы окончательно посрамить болгар, он прошел по костру в обратную сторону. И безо всякого вреда для своих ног. Не зря он, видимо, трепался, что десантировался вообще без парашюта. Такой может, настоящая десантура!

Болгарские студенты тут же поднесли Сергею глиняную кружку с вином, и он одним махом ее выпил.

И вдруг еще один наш студент Алексей скинул тапочки и бесстрашно прошел по костру. Болгары были потрясены.

— Если б только мы своими глазами этого не видели, то ни за что бы не поверили, — признались они.

Желая поскорее реабилитировать свои национальные традиции, болгарские студенты забыли про «незнакомые дрова» и граблями разровняли в виде дорожки тлеющие красные угли. Один за другим мелкими быстрыми шажками болгары стали пробегать по углям. Особенно красиво это получалось у девушек, которые двигались грациозно, словно языки пламени. Не то, что наши ребята — хрясь, хрясь, ножищами, как пьяные мужики в тракторе.

Наши студенты думали иначе. Они сидели за столом, пили вино и даже не смотрели на таинство огнехождения.

— А хотите, я на руках пройду по углям? — продолжил куражиться Сергей.

— Ой, не надо, у нас нервы не выдержат, — отказались болгары.

После завершения пикника мы возвращались в город пешком и спускались в темноте по извилистой тропе. В одном месте тропа вышла на лужайку. С обрывистого склона в облицованную природным камнем чашу по желобу стекала вода родника.

— Давайте отдохнем здесь пять минут, — предложила Майя Михайловна, которая натерла ногу резиновыми тапочками.

В ярком лунном свете на лужайке обнаружили сразу несколько родников, искусно обустроенных и облицованных камнями. Ребята стали пить холодную воду.

— Не пейте много и сразу, — предупредил я, — а то простудитесь. Зачем нужно в одном месте облагораживать так много родников? — спросил я Сребре.

— По болгарским поверьям, тому, кто посадил и вырастил дерево, прощаются пять грехов, а тому, кто вырыл колодец или обустроил родник — прощаются все грехи. Найти воду не просто, но у родника с гарантией можно найти и обустроить другой, — пояснил Сребре.

«Оказывается, болгары великие грешники», — подумалось мне.

Я заметил, что Алексей, незаметно для всех, держит ступню в холодной воде. Видимо, он испугался, когда шел по костру, и все-таки обжег ногу. Но, когда я, несмотря на его протесты, осмотрел ногу, то обнаружил небольшое, в общем, ерундовое покраснение.

«И под звездами балканскими
тихий говор, звонкий смех...

Хороша страна Болгария,

А Россия лучше всех!» — распевали студенты, бодро топая по ночной дороге.

ПЕРДЕТГА

Во время очередной поездки в Болгарию нашу группу разместили в пансионате Софийского университета на берегу Черного моря. В группе было восемь студентов — шесть девочек и два мальчика. Нам выделили для проживания уют-

ный одноэтажный коттедж, в котором были гостиная, комната для преподавателей и две комнаты для студентов.

Я сразу предупредил студентов, чтобы в первый день на пляже они загорали не более 10–20 минут, а потом уходили в тень.

— Иначе вы сгорите на солнце и десять дней будете красные, как вареные раки, с лохмотьями облезавшей кожи сидеть на пляже под зонтиками, а по вечерам мазаться кислым молоком.

Конечно, студенты пошли на пляж без меня и все сгорели капитально, особенно девочки. Только одна высокая блондинка норвежских кровей по имени Наташа, с белой полупрозрачной кожей, послушалась меня, купила крем от загара и намазалась им перед солнечными ваннами. Но наносила она крем на кожу наспех, пальцами и неравномерно, в результате чего участки, на которые не попал крем, загорели и выглядели, словно красные рубцы на фоне белой кожи. И смотрелась она живописнее всех, будто ее стегали плеткой.

Болгары предлагали Наталье сфотографироваться и отослать фотографию в фирму, производящую крем от загара, уверяя, что она получит хорошие деньги за рекламу.

Дальше все было так, как я и предупреждал. На ночь девицы намазывали красные спины кислым молоком, а на пляже скромно сидели в тени зонтов.

Каждый день болгарские коллеги проводили для нас автобусные экскурсии на месторождения полезных ископаемых. А после обязательно везли на какой-нибудь пляж, как правило, нудистский.

Но мне отдых на пляже не нравился. Куда лучше дикий берег у пансионата, где между скал, омываемых шипящими зеленоватыми волнами, можно было нырять и собирать мидий. И вечерами жарить их на железном противне на костре, наблюдая, как искры тугим вихрем улетают в бездонную темноту черноморской ночи.

Каждое утро я вставал пораньше, устраивался на скале и любовался восходом, наблюдая, как огромный шар солнца торжественно поднимается из моря, и чайки кричат, радуясь нарождающемуся дню.

Однажды, после тяжелого экскурсионного дня в душном автобусе и легкого ужина в столовой пансионата, я

лежал на кровати в узкой маленькой комнате. Койка, стул, крошечный столик без скатерти, графин, стакан и чайная ложечка — вот и вся обстановка.

Мое внимание привлек предмет, висевший на стене. В аккуратной деревянной рамке под стеклом находился какой-то документ, заверенный печатью и подписью. Я заинтересовался, поднялся с койки и ознакомился с документом. Он был написан, естественно, на болгарском языке, но я понял, что это была опись имущества моей комнаты.

Письменный болгарский язык близок к русскому. Ну, во-первых, знакомый кириллический шрифт, созданный славянскими просветителями — Кириллом и Мефодием, а во-вторых, корни многих слов были схожими.

«Кровать — одна», — прочитал я, и с удовлетворением подумал: «Кровать на месте».

«Стол — один,
Стул — один,
Графин — один,
Стакан — один,
Ложка — одна».

«И даже чайную ложечку не забыли, — усмехнулся я пунктуальности болгарского коменданта, — наверняка он из бывших военных».

Но дальше в описи числились:

«Пердетты — две».

Я осмотрелся, но в комнате, кроме уже перечисленных в описи предметов, больше ничего не было. Заглянул под кровать, но и там ничего такого, что можно было бы назвать «пердеттами», не обнаружил.

С этими пердеттами надо было срочно разобраться. А то будем уезжать, а комендант спросит: «А пердетты где?» Может быть, их и вовсе не было перед нашим приездом. Но и спрашивать заранее не стоило. Коменданты — они везде одинаковые, разорется: «Где пердетты?» — и чем ты ему докажешь, что их не было?

Я вышел в гостиную с целью определить, не числятся и там эти таинственные пердетты. В описи на стене в рамке под стеклом было написано: «Пердетты — четыре».

«Ох, ни фиги себе, четыре пердетты! А ими тут и не пахло!»

Тщательный обыск гостиной ничего не дал. Ни под диваном, ни под столом, не было ничего, хоть отдаленно напоминающего эти идиотские пердетты!

Я собрался. Неужели мне не хватит интеллекта угадать, что в комнате может называться пердеттами. Но ничего приличного, кроме как срифмовать «Пердетта — Клозетта», не смог.

«Эх ты, а еще преподаватель!» — презрительно хмыкнул мой внутренний голос.

Студенты тоже отдыхали после обеда. У ребят была тишина, а девчонки в своей комнате над чем-то заливисто смеялись.

Я постучался в комнату к девицам. Дверь неожиданно широко открылась. На пороге стояла Катерина в одном купальнике.

— Анатолий Михайлович, — игриво произнесла она, — не смущайтесь, проходите. Вы, надеюсь, не боитесь обнаженных женских тел?

Девицы дружно заржали, но прикрылись одеялами.

— Глупо бояться обнаженного женского тела. А вы, девчонки, не смущайтесь, я же почти слепой, — пошутил я.

— Глаза не видят, а руки-то, небось, все помнят? — съехидничала Катерина.

— Да, руки — это моя гордость. Мой старший брат говорит: «Если руки золотые, то не важно, откуда они растут». Тут, девочки, такое дело. Вон там, на стене, в рамке под стеклом висит опись имущества, которое есть в этой комнате. Прочитайте и проверьте, все ли у вас на месте.

Студентки со смехом стали читать по-болгарски и так же, как и я, быстро во всем разобрались.

— Что такое «пердетта»? — удивилась Катерина.

— Сами догадайтесь, — слукавил я.

— У нас в комнате нет никаких пердетт!

— Вот в том-то и беда, а сколько их должно быть?

— Четыре!

— Обалдеть! И откуда такая жуткая недостача пердетт? — вздохнул я.

— Не расстраивайтесь, Анатолий Михайлович, может быть, этих пердетт вообще не было перед нашим приездом, — успокоила меня Катерина.

— А если были? — возразил я.

— Тогда куда они делись?

— Откуда я знаю, но только мне как руководителю группы придется за все отвечать.

— Может быть, пердетта — это просто какая-нибудь ерунда, — предположили девицы.

— А может, каждая пердетта стоит тысячу левов. Тогда мне всю жизнь придется в болгарской тюрьме ишачить, чтобы за пердетты расплатится.

— Я слышала от болгарских студентов, что в болгарских тюрьмах заключенные не «сидят», как у нас, а лежат!

— Так это же совсем другое дело. Вы еще пообещайте регулярно присылать мне передачи.

— Мы вас никогда не забудем, — дружно пообещали девицы.

— Катерина, сходи в комнату к ребятам и посмотри, может, у них пердетты на месте, и мы, наконец, узнаем, что это такое.

Катерина забарабанила в дверь к ребятам. В их комнате также числились две пердетты, но в наличии не имелись.

Я собрал студентов в гостиной и обратился к ним с пламенной речью:

— Ребята, судьба руководителя советской делегации в ваших руках. Организуйте мозговой штурм и догадайтесь, что в этой пустой комнате может называться пердеттами, да еще в количестве четырех штук. Кто догадается первый — получит приз.

— Ура! Ура! Я догадалась! — Катерина запрыгала и захлопала в ладоши. — А какой приз меня ожидает?

— А что бы ты хотела?

— Я вам потом на ушко скажу.

— Ну, не томи!

— Пердетта — это занавеска!

Студенты дружно захохотали.

ТЕЛЕКИНЕЗ И ТОЧКА БИФУРКАЦИИ

Олег Скобелев — высокий, сутулый, вечно взлохмаченный студент, чем-то напоминал грача. И ходил он, как раненая птица, как-то странно подпрыгивая на каждом шагу. Парень был незаурядный, но, к сожалению, талант часто идет

под руку с гордыней. Будучи от природы себялюбивым, Олег постоянно стремился выделиться, чтобы его заметили окружающие. Как назло, все студенты в группе радиоактивщиков, где он учился, были яркими личностями. Сразу несколько ребят играли на гитаре и великолепно пели, причем у каждого был свой репертуар. Были в этой группе выдающиеся спортсмены, хохмачи, остряки и просто хорошие и обаятельные ребята. И на их фоне Олег смотрелся каким-то недотепой. Ситуация усугублялась еще и тем, что до поступления в университет Олег работал коллектором в научной геологической экспедиции, и в отвалах старой шахты нашел минерал шеелит, из которого получают вольфрам. Его начальник — научный сотрудник академического института, заинтересовался находкой, так как минерал оказался редкой морфологии. Он изучил его, написал краткое научное сообщение в геологический журнал и, в виде поощрения, включил коллектора в соавторы. Но эффект получился обратным, парень возгордился и решил, что впереди у него прямая и легкая дорога в науку.

Однокурсники не ценили достоинств Олега и постоянно посмеивались над ним, поэтому он любил беседовать с преподавателями. И обращался не с вопросами, как делают студенты, а пытался научить преподавателей хоть чему-нибудь. Обычно он начинал с вопроса: «А вы знаете?» — и дальше следовал рассказ о каком-то необычном фантастическом явлении типа телекинеза, объяснить которое наука не в состоянии. Далее он обязательно спрашивал, читали ли его статью в журнале «Доклады Академии наук» и, получив отрицательный ответ, в недоумении пожимал плечами, всем своим видом показывая: «Как это можно, преподавателям университета не следить за последними мировыми достижениями в геологии».

Но с первого экзамена по минералогии Олега «вынесли» с позором. Он был уверен, что за научную статью о шеелитах ему должны поставить пятерку «автоматом». И был удивлен, когда преподаватель стал спрашивать его о других минералах. Поэтому он старался перевести разговор на нужную тему и говорил: «А вот в моей статье о шеелитах...»

Это был классический прием студенческой изворотливости на экзамене. В университете ходила древняя байка

про студента-биолога, сдававшего экзамен по физиологии позвоночных. Студент писал курсовую работу о блохах и все знал только о них. Первый вопрос у него был про куниц. Он рассказал, что эти животные хищники, обитают на деревьях, у них прекрасный мех, но в нем водятся блохи. И далее последовал подробнейший рассказ о блохах, обитающих в шерсти куниц. Преподавателю надоело это слушать, и он предложил студенту перейти ко второму вопросу.

«У дельфинов гладкая кожа, — уныло начал студент отвечать на второй вопрос, — шерсти нет... но если бы она была, то в ней водились бы водяные блохи, скорее всего из рода...»

Преподавателю минералогии тоже надоели выверты Скобелева и попытки перевести разговор на шеелит, и он попросил:

— Напишите мне формулу какого-нибудь минерала из группы блеклых руд, например, тетраэдрита.

— Я знал, но забыл.

— Печально.

— А вот профессор Кухаренко, когда читает лекцию и пишет на доске формулы минералов, то заглядывает в конспект, — нахально заявил Олег.

— Профессор Александр Александрович Кухаренко не только преподаватель, но и большой ученый, у которого очень много работы, и поэтому он может себе позволить пользоваться конспектом лекций. А ваш мозг совершенно свободный, и туда может еще поместиться много полезного, в том числе и формулы минералов группы блеклых руд.

Хорошо, если вы забыли формулу тетраэдрита, то напишите мне формулу самого обычного минерала, известного даже школьникам, из которого состоят мраморы и известняки, — преподаватель имел в виду кальцит — CaCO_3 .

Олег вздохнул, задумался и написал формулу ангидрита — CaSO_4 .

— Неправильно, — преподаватель протянул студенту зачетку, показывая тем самым, что следует прийти сдавать экзамен в следующий раз.

— Одну минутку, — не растерялся Скобелев и что-то приписал на бумажке, так что получилась формула гипса $\text{CaSO}_4 \times 2\text{H}_2\text{O}$.

Зато во время пересдачи экзамена Олег удивил преподавателя, блестяще ответив на все вопросы, в том числе и на дополнительные, и получил заслуженную пятерку.

На геологической практике в Питкяранте Олег развлекал студентов телекинезом, пытаясь силой мысли заставить крутиться спичечный коробок, подвешенный на нитке. Но пока у него ничего не получалось.

— Телекинез — это способность человека одним только усилием мысли воздействовать на физические объекты, — с умным видом рассказывал Олег, — это мысль, управляющая материей, по-английски: mind over matter.

— Тогда почему же у тебя коробок не крутится? — ухмылялись ребята.

— Надо накопить в организме достаточно энергии — «праны». А я напрасно трачу ее, отвечая на ваши дурацкие вопросы.

— Когда он научится телекинезу, то будет усилием мысли вареники в сметану макать, и они будут прыгать ему в рот, как Пузатому Пацюку из Диканьки, — подначила Скобелева язвительная Оксана.

Студенты весело смеялись и за спиной Олега выразительно крутили пальцами у виска.

Мне тоже захотелось принять участие в студенческом веселье.

— Пойдемте, я покажу вам настоящий телекинез.

Студенты гурьбой отправились за мной, не пошел только Олег.

Около моей палатки на ветке сосны на конце нити оборванной паутины медленно вращался засохший листок. Еще утром я заметил, как он сделал пятьдесят шесть оборотов по часовой стрелке, остановился, повернулся четыре раза обратно и потом опять, как заведенный, тридцать шесть раз направо. Как раз накануне я прочитал в научно-популярном журнале, что нить паутины не скручивается. И вот выпал случай не только это увидеть, но и устроить простенькую хохму.

Лист висел как раз на уровне моего носа. Я потер ладони друг о друга, так чтобы они стали горячими, поднес их к листику, который медленно вращался в левую сторону. Не касаясь листа, я сделал ладонями в воздухе движение,

как бы закручивая его направо, и в этот момент незаметно дунул. Лист начал стремительно вращаться по часовой стрелке. Студенты радостно зашумели.

— Считайте обороты, — приказал я.

— Шестьдесят четыре, — закричали студенты, когда листок остановился.

Я снова незаметно дул на лист, заставив его вращаться в правую сторону, а потом еще три раза. Это был настоящий триумф.

Вечером у костра я честно рассказал студентам о необычном свойстве паутины — внутренней шарнирности, из-за которой подвешенный на паутином волокне предмет можно неограниченно вращать в одну и ту же сторону, и при этом она не перекручивается.

Не слышал меня только Скобелев. Когда он подошел к костру, то студенты наперебой стали рассказывать, как я вращал листок, и предлагали Олегу не терять времени и поучиться у меня телекинезу.

На другой день в экскурсионных маршрутах мы посетили отвалы нескольких мелких железорудных месторождений, которые были выработаны еще в конце девятнадцатого века. Магнетитовые руды с этих месторождений по семикилометровой подвесной канатной дороге доставляли к домне на берегу Ладоги, у развалин которой и стоял наш полевой лагерь. Руды на этих месторождениях были чрезвычайно богатыми, но их запасов не хватало даже для древнего производства. Кроме того, среди магнетитовых руд встречались минералы цинка, меди и свинца, характерные для полиметаллических месторождений.

И на одном из этих отвалов Олег умудрился найти образец со своим любимым шеелитом. Преподаватель Александр Сергеевич Воинов подтвердил, что это действительно шеелит, и на этом отвале он, вроде, обнаружен впервые. Гордости студента не было предела.

Олег принялся раскалывать молотком образцы в поисках шеелита, складывая некоторые из них в маршрутный рюкзак, чтобы изучить их в лагере.

Ребята отнеслись к находке Олега с усмешками, и за его спиной незаметно положили ему в рюкзак глыбу мрамора килограммов на десять весом.

Я, конечно, это видел, но говорить Олегу ничего не стал, уверенный в том, что он сам заметит и выбросит из рюкзака ненужную глыбу. Но студент проверять рюкзак поленился и тащил глыбу на себе восемь километров до самого лагеря. Несколько дней он не прикасался к рюкзаку, как его не призывал к этому Александр Сергеевич, который тоже видел, как студенты клали глыбу. А через несколько дней Воинов собрался уезжать в экспедицию на Кольский полуостров, и я с велосипедом пошел проводить его до железнодорожного вокзала. С нами увязался Олег со своим маршрутным рюкзаком с глыбой мрамора. Он собрался оставить рюкзак в камере хранения на вокзале, но я подозревал, что он пошел с нами в надежде подробно обсудить с Воиновым его находку шеелита.

Увесистый рюкзак Александра Сергеевича повесили на руль велосипеда, и мы отправились на станцию. Скобелев плелся рядом, сгибаясь под тяжестью своего рюкзака.

«Ничего, ничего, — съехидничал мой внутренний голос, — молодым оно полезно, таскать тяжести».

— Можно, я свой рюкзак на багажник вашего велосипеда положу? — неожиданно попросил Олег.

Я растерялся и разрешил.

С двумя рюкзаками толкать велосипед стало тяжело, но и признаться Олегу, что в его рюкзаке лежит мраморная глыба, было вроде как и неудобно.

Освободившись от тяжелого груза, Олег и Александр Сергеевич ушли по дороге вперед и стали обсуждать находку шеелита. А я, как дурак, толкал вперед велосипед с двумя рюкзаками.

— Можно мне будет написать статью о находке шеелита в отвалах шахты? — спросил Олег Александра Сергеевича. — Вы же сами сказали, что это первая находка.

— Шеелит — обычный минерал для таких месторождений, поэтому даже краткое научное сообщение в журнал не примут.

— А если я изучу и опишу морфологию шеелита?

— По одному образцу? А где уверенность, что он на этих отвалах местный. Быть может, кто-нибудь из студентов, а их здесь побывали тысячи, принес образец с другого рудного отвала и тут выбросил. В прошлом году в развалах

мраморов Питкярантского горизонта, которым два миллиарда лет, студенты нашли кусок известняка с хорошим отпечатком ордовикского трилобита *Asaphus*, которому четыреста пятьдесят миллионов лет.

— И как же он попал в развалы мраморов?

— Может быть, ради шутки кто-то бросил, а возможно, образец упал с железнодорожной платформы, которая перевозила в Ленобласти известняковую щебенку, а потом в Карелии загружалась гранитной щебенкой.

И тут на велосипеде спустилось заднее колесо. Скобелеву пришлось снять свой рюкзак и самому тащить глыбу мрамора до железнодорожного вокзала, а потом увезти ее в Ленинград.

Однако учился Олег вполне прилично, имел высокий средний балл и попал в группу студентов, выезжающих на геологическую практику в Болгарию по безвалютному обмену. Во время подготовки к поездке Скобелев сделал вполне приличный доклад о полезных ископаемых и месторождениях Болгарии.

Группа состояла из десяти студентов: восьми основного состава и двух кандидатов. Когда пришло время оформлять загранпаспорта, то кандидаты из группы исключались. За восьмое место в основной группе, которое определялось по рейтингу среднего балла, претендовали двое — Олег Скобелев и Светлана Лебедь. И хотя все студенты в группе были против Скобелева, место досталось ему, так как его средний бал оказался на одну сотую выше, чем у Светланы.

После собрания Света вместе с подружкой Оксаной — старостой отъезжающей группы, уговаривали меня не разлучать их и включить в группу Свету вместо Скобелева. Они утверждали, что одна сотая балла зависит от степени округления среднего значения. Особенно они упирали на то, что дали клятву вместе идти по жизни и никогда не разлучаться. Девушки стояли передо мной, крепко взявшись за руки, демонстрируя нерушимую дружбу.

Но я ни за что не хотел нарушать принцип рейтинга по успеваемости и считал его однозначным и справедливым. Если средний балл у претендентов оказывался одинаковый, то в этом случае учитывалась общественная работа на факультете и в группе. Я рассказал девицам, что мне, в свое

время, тоже не хватило одной сотой балла, чтобы распределиться на Чукотку вместе с моими тремя закадычными друзьями, и я попал в заполярную Воркуту.

В те годы я увлекался философией и синергетикой и объяснил девушкам неотвратимость событий в человеческой жизни с научной точки зрения. Я рассказал, что в термодинамике существует понятие о точках бифуркации (раздвоения), которые определяются случайными и, на первый взгляд, незначительными факторами. Если два пути эволюции шли близко и параллельно друг другу, то в какой-то момент времени они неожиданно друг другу, то в какой-то момент времени они неожиданно и необратимо расходятся в разные стороны.

— Быть может, пока мы будем в Болгарии, — рассказывал я готовый заплакать Светлане, — ты неожиданно встретишь хорошего человека, например, дипломата, выйдешь за него замуж и уедешь с ним в Уага-дугу — столицу африканской республики Буркина Фасо. Ну, в крайнем случае, от поездки в Болгарию может отказаться Оксана, и вы снова будете вместе мечтать о принцах на белых конях.

Но Оксана не отказалась от поездки, посчитав, что за то короткое время ничего особенного не случится, и судьба не успеет разлучить ее с подругой. А Скобелева Оксана просто возненавидела и постоянно старалась зацепить или обидеть парня. Олег злился, так как не всегда мог успешно парировать едкие реплики бойкой девицы и в ответ держал себя немного заносчиво.

И вот, наконец, мы приехали в Болгарию. В Софийском университете имени Климента Охридски нас тепло встретили болгарские друзья — преподаватели и студенты. Поселили в студенческом общежитии.

На другой день в сопровождении болгарских студентов мы отправились знакомиться с университетом. По пути они показывали нам город. На многих деревьях и зданиях были наклеены поминальные листки в черных траурных рамках с небольшим текстом и фотографиями людей, в которых сообщалось либо о кончине близкого человека, либо о годовщине его смерти и предлагалось всем друзьям и близким покойного почтить его память. Скобелев внимательно разглядывал эти поминальные листки, но, не зная болгарского языка, подписи не понимал. Печально вздохнув, он сочувственно сказал болгарским студентам:

— Как много у вас в Болгарии опасных преступников разыскивается.

Каждый день нас водили в музеи, на геологические экскурсии и на месторождения.

Однажды ранним утром, перед экскурсионной поездкой на железорудное месторождение, я первым вышел на крыльцо студенческого общежития, в котором разместили нашу группу. Утро было волшебное, а воздух имел тонкий и необыкновенно приятный аромат. На мой взгляд, воздух Болгарии — самый вкусный воздух в Мире. За многоэтажными домами окраины города красавица Витоша, словно невеста, куталась в пушистые белоснежные облака.

Но автобус с болгарскими преподавателями где-то запаздывал, да и наши студенты еще не вышли, и я собрался подняться на лифте наверх и их поторопить. Вдруг на бетонной ступеньке крыльца шевельнулась брошенная кем-то горячая спичка. Я заинтересовался, стал рассматривать необычно подвижный предмет, даже лег на крыльцо. И тут из дверей гурьбой вышли студенты и застали преподавателя в довольно странной позе.

— Осторожно! — крикнул я. — Смотрите внимательнее, сейчас будет сеанс телекинеза.

Вытащив глаза, я уставился на спичку, которая под моим взглядом сдвинулась с места и стала медленно двигаться по бетонной ступеньке крыльца. Студенты просто обалдели и, затаив дыхание, смотрели на чудо перемещения предметов одним усилием воли. Когда они окончательно уверовали в мои телекинетические способности, из-под спички вдруг вылез крошечный муравей, тащивший ее к себе в муравейник, и раздраженно посмотрел на нас как на толпу праздных бездельников и непуганых идиотов. Студенты дружно засмеялись.

Последним на крыльцо вышел Олег. Ребята наперебой стали рассказывать ему о моих телекинетических способностях и советовали взять у меня несколько уроков. Но Скобелев только снисходительно усмехнулся.

С каждым днем студенты все больше и больше подначивали Олега, а он каждый раз обижался. Как только он произносил свою любимую фразу: «А вы знаете?» — ребята хором отвечали: «Знаем, знаем!»

Мне не нравилось, что между Олегом и студентами углубляется отчуждение. Никак не удавалось наладить товарищеские отношения в группе. В конце концов, я решил серьезно поговорить с Оксаной, которая больше всех, по нескольку раз в день, задирала Олега. Но разговор не получился.

— Накаркали вы со своей абракадаброй, — перебила меня Оксана.

— Какой абракадаброй? — не понял я.

— Ну, с этой, когда все раздваивается.

— Бифуркация! — тут же сообразил я.

— Сегодня звонила домой, маму с днем рождения поздравляла, так вот, Светка бросила университет и укатила с морским лейтенантом в Мурманск. Даже свадьбу не отгуляли, а она так мечтала о белом платье.

— Наш Мурманск значительно лучше Уага-дугу, главное, чтобы у них все сложилось.

Света вернулась в университет лишь через семь лет и пришла ко мне за темой курсовой работы.

Я сразу ее и не узнал. Уже не девчонка, а женщина, мать двоих детей. У нас состоялся примечательный разговор:

«Я Света! Помните?»

Обычно я предупреждал студентов, что бы вместо фразы: «Вы помните?» — мне говорили: «Вы знаете?» Ко мне уже подкрадывался ранний склероз.

«Ты еще скажи: „Я ваша дочь! Здравствуй, папа!“»

«Я Света! Бифуркация!»

«Вспомнил! Ну, и как сложилась твоя траектория? Встретились с Оксаной?»

«Нет, она вышла замуж и живет на Чукотке. Только переписываемся».

«А зачем ты ко мне пришла?»

«Хочу писать у вас курсовую работу».

«На какую тему?»

«Продолжить старую».

«И какая была старая?»

«Не помню, уже семь лет прошло!»

«А я помню, да?»

«Быть может, у вас где-нибудь записано?»

«Как твоя фамилия?»

«Коршун».

«Не было у меня студентки с такой фамилией».

«Ой, это сейчас я Коршун, по мужу».

«А была?»

«Лебедь!»

«Что-то припоминаю», — я открыл книжный шкаф и на полке нашел курсовик Светланы Лебедь.

— Оксана, попрошу тебя, поговори с ребятами о Скобелеве. Ваши насмешки его только озлобляют. Помогите парню выйти из этого дурацкого положения изгоя общества, в которое он сам себя поставил.

— Я из-за этого козла лучшую подругу потеряла. Если бы не он, мы бы с ней сейчас вместе на пляж пошли. А эта «точка бифуркации», на которую наткнулась траектория ее жизни, сейчас в своей комнате сядет за шкаф медитировать в позе лотоса и попытается мыслью сдвинуть на столе пустой спичечный коробок. И самое обидное, для этого ему было незачем ехать в Болгарию, за шкафом он мог бы сидеть и в общежитии в Петергофе.

— Ненавидеть надо подлых людей, а он хороший парень, и ты часто не по делу его цепляешь. Если не хочешь помочь, то хотя бы не трогай парня.

— Ладно, обещаю. Только и у меня к вам будет просьба. — Оксана вдруг покраснела. — Завтра, когда я последняя войду в автобус, вы уступите мне свое место рядом с Колей, ладно.

— Хорошо, — пообещал я, — но Олега не трогай.

— А растормошить Скобелева вы попросите Сашеньку. Она, мне кажется, к нему равнодушна.

Сашенька — миниатюрная девочка, больше напоминающая школьницу-девятиклассницу, чем студентку третьего курса, была в группе самая дисциплинированная и исполнительная. На вокзале ее провожали родители — инженеры-судостроители. Дочь и ее мама с двумя легкомысленными косичками были похожи, как две капли воды. Рядом с ними стоял строгий и такой же миниатюрный папа в фетровой шляпе. Родители подошли ко мне.

«Вы присматривайте там за нашей Сашенькой», — солидно попросил отец.

«Она плохо кушает», — добавила мама и потрянула своими косичками.

Я заверил родителей, что буду строго контролировать питание их дочери.

Только Олега Скобелева никто не провожал, и нехитрый багаж его состоял из полупустой спортивной сумки.

В тот же вечер в общежитии Софийского университета я вызвал Сашу и попросил:

— Не нравится мне постоянное пикирование ребят со Скобелевым в вашей группе. Обычно студенты шутят друг над другом по-доброму, а у вас шутки типа «сам дурак».

— Это все Оксана, она возненавидела Олега из-за своей подружки Светки и нарочно цепляется. А он, конечно, злится, что не может остроумно ответить.

— Я уже два раза беседовал с Олегом — и впустую, не хватает педагогического мастерства вывести его из состояния постоянного недоверия к окружающим. Но я чувствую, что он добрый и порядочный парень, и я пошел бы с ним в разведку. Постарайся помочь ему наладить с ребятами нормальные отношения.

— Прямо сейчас? — наивно спросила Сашенька, будто я предложил ей решить арифметическую задачку.

— Ну, если сможешь, начни сейчас.

Сашенька повернулась и решительно вошла в комнату мальчиков. В открытую дверь был виден Скобелев, сидящий в позе лотоса в углу за шкафом.

— Олежек, проводи меня в город, пожалуйста, мне надо маме подарок на день рождения купить, а вечером в парке очень темно, и я одна боюсь.

Я опасался, что Олег начнет отказываться, но он вскочил с такой скоростью, что чуть не снес кудлатой головой настенное бра. Как потом выяснилось, только горячо любимая мама называла его Олежек.

Ребята отправились в город. Я выглянул в окно и с высоты шестого этажа увидел, как рядом с миниатюрной Сашенькой подпрыгивал сутулый Олег. У него в руках были ее сумка и зонтик.

Вечером они вернулись, мокрые от дождя, так как Олег, естественно, потерял зонт. Но глаза у обоих блестели. Сашенька прижимала к груди охапку душистых белых роз с искрящимися, как бриллианты, капельками воды на лепестках. Нежный румянец, которого я раньше не замечал,

украшал ее щеки, а глаза вдруг стали большими и выразительными, как у газели.

Олег от возбуждения подпрыгивал выше обычного, но был причесан и неестественно прям. Не было сомнения, что Сашенька сделала ему замечание, чтобы он не сутулился и причесала.

После это дня Олег и Сашенька не расставались ни на минуту. Утром они брались за руки и ходили так до самого вечера. Даже во время обеда они умудрялись держаться друг за друга, словно боялись потеряться.

Как-то совершенно неожиданно Олег преобразился и стал нормальным парнем, смеялся вместе со всеми, в том числе и над собой, и, главное, не старался показаться умнее других. А Сашенька просто расцвела, как бутон под утренними солнечными лучами. И девицы вдруг стали ей завидовать. Они с ревностью, как-то оценивающе посматривали на Олега, сообразив, «а парень он, вроде, и ничего». Некоторые даже пытались флиртовать с Олегом, уверенные, что они отобьют его от Сашеньки за пять секунд. Но Олег ни на кого даже не смотрел, а Сашенька оказалась девочкой с характером и за свое счастье могла постоять. Теперь она одна парировала все подначки и насмешки в адрес Олега, да так блестяще и остроумно, что через пару дней от них отстали.

«Хорошо, что в мире существуют не только точки бифуркации, разводящие человеческие судьбы, но и точки объединения, — подумалось мне тогда, — и похоже, что для Сашеньки и Олега это не простое пересечение жизненных траекторий, а их окончательное слияние».

Однажды я зашел в комнату к ребятам и застал Олега в компании с Сашенькой и Оксаной, распивающих бутылочку вина. Перед ними стояли красивые фужеры на тонких высоких ножках.

— Эти фужеры я нашла в шкафу в своей комнате, кто-то из болгарских студентов забыл, — пояснила Оксана.

— И чем же ты, Олег, угощаешь дам, бордо от барона Филиппа де Ротшильда или молодым божоле? — я взял в руки внушительную литровую бутылку и рассмотрел этикетку. Название было написано по-болгарски, но я и так понял, что это яблочный уксус.

— О, да вы предпочитаете яблочный оцет.

— Что? — не понял Олег.

— Оцет — по-болгарски уксус.

— Я же говорила: кислятина, кислятина, а он: «брют, брют», — Оксана в сердцах выплеснула остатки уксуса в раковину и ушла.

— Анатолий Михайлович, это все от нищеты, — извинился Олег, — вечно нет денег, живешь впроголодь, у нас в общежитии даже у тараканов случались голодные обмороки. Вот и вошло в привычку покупать все самое дешевое. А тут смотрю, большая бутылка и стоит всего один лев.

Мне вдруг вспомнился классический дневник студента нашего времени:

«18 марта. Страшно хочется кушать!

19 марта. Страшно хочется кушать!

20 марта. Безумно хочется кушать!

21 марта. Ура! Получили стипендию! Послали гонца за вином и жратвой.

22 марта. Ничего не помню.

23 марта. Ничего не помню.

24 марта. Хочется кушать!

25 марта. Очень хочется кушать!»

В конце практики, последнюю ночь пребывания в Болгарии, никто не хотел спать, и все пошли гулять на море. Я не мог отпустить студентов одних и отправился вместе с ними. Ночь была ясной и удивительно звездной. Мы решили встретить рассвет в море и наблюдать восход звезды по имени Солнце. Но не рассчитали время и плавали в теплой воде часа полтора. Картина восстающего из моря Солнца запомнилась на всю жизнь. Это был минуты настоящего блаженства.

За это удовольствие пришлось хорошо заплатить — я сильно застудил зуб.

Георгий Киров подарил мне бутылку «Плиски» и наказал полоскать зуб коньяком. Глотать коньяк из горлышка на глазах у студентов было неудобно, и приходилось терпеть жуткую боль. Зато в море я испытал такое блаженство, что ни о чем не жалел и повторил бы его, даже если бы наперед знал, что будет болеть зуб.

Но целая череда испытаний ждала нас впереди. В Софии мы опоздали всего на один день с бронированием обратных

билетов, и единственный вариант отъезда был через Москву. Я себе не очень отчетливо представлял, как это будет выглядеть, но в турагентстве меня заверили, что наши билеты действительны до Ленинграда, и в Москве будет только пересадка, и «никаких проблем». Еще тогда, сразу после этой фразы, я понял, что проблемы будут, и еще какие!

На протяжении практики Олег все время что-то терял. Однажды он забыл в трамвае свой фотоаппарат, но болгарская милиция на удивление быстро его разыскала. Возможно, это было связано с тем, что он был однофамильцем чрезвычайно популярного в Болгарии генерала Скобелева — освободителя болгар от турецкого рабства, героя Шипки и Плевны.

Известная фамилия в заграничном командировке много значит. На практике по безвалютному обмену в ГДР один студент забыл старенький «Зенит» в вагоне берлинского метро. А звали его Владимир Ленин. Такую фамилию он получил в детском доме. О пропаже заявили в полицию, и через два часа в участке парню предложили на выбор три фотоаппарата, один из которых был очень дорогой. Но студент честно взял свой.

Два раза Олег терял заграничный паспорт: один раз оставил его под подушкой в общежитии в Софии и хватился, когда вся группа приехала в Кырджали, и второй раз в столовой рудника. И только фантастическая расторопность сопровождавшего нас доцента Софийского университета Георгия Кирова спасала положение, паспорт находился.

В конце концов, за несколько дней до отъезда я отобрал у Скобелева паспорт, чтобы он не потерял его в последний момент.

В Руссе мы сели на московский поезд. Вагон нам достался какой-то старый, обшарпанный, без кондиционеров. При посадке строгий проводник с военной выправкой проверил наши билеты. Ребята понимающе ухмылялись и между собой окрестили его «товарищ майор», намекая на то, что, по их мнению, все проводники международных вагонов являются штатными сотрудниками КГБ.

На перроне появились болгарские и румынские пограничники. Они проверяли паспорта при пересечении границы. Я вернул Скобелеву заграничный паспорт в надежде, что он не успеет его за это время потерять. О, как я ошибся!

Перед нашим окном стояли провожающие — Георгий Киров и Сребре Петров. Все прощальные слова уже были сказаны на перроне, и наступила та неловкая минута, когда говорить уже не о чем, а поезд все не отходит. И тут Георгий заметил рядом со мной Скобелева. Он постучал пальцем по оконному стеклу и крикнул Олегу:

— Паспорт не потерял?

Олег усмехнулся, достал паспорт и ладонью прижал его к стеклу. Тут поезд тронулся, вагон дернулся, и студент уронил паспорт в щель между окном и стенкой вагона.

Лицо у Георгия вытянулось. Он сразу понял, в чем дело, и пальцами показал мне, что останется на перроне, на всякий случай. Поезд медленно набирал ход, неукротимо приближаясь к болгарско-румынской границе.

По вагону шли болгарские пограничники и проверяли документы. Специальным компостером они ставили в паспорта штампы о выбытии из Болгарии. И ему было ясно, что Скобелева сейчас высадят из-за отсутствия паспорта. Олег был в отчаянии.

— А ты достань его при помощи телекинеза, — съязвила Оксана. — Столько тренировался — и все зря? Ну, если сам не можешь, попроси Анатолия Михайловича, у него сразу получится.

— Оксана, не злорадствуй, а иди в свое купе, — урезонил я студентку.

По вагону впереди пограничников шел проводник и зычным голосом военного призывал всех занять свои места. На удачу, наши три купе были последними.

Когда проводник дошел до нашего купе, ребята выскочили вперед меня и закричали:

— Товарищ майор, помогите, у нас беда!

— Какой еще майор? — рассердился проводник.

— Неужели вы подполковник? — удивились ребята.

— У студента паспорт в щель упал, — сообщил я, — помогите достать.

Проводник вытащил из кармана отвертку и за пару минут снял панель под окном, оттуда вывалился паспорт. Олег радостно его схватил и протянул подошедшим болгарским пограничникам.

— Это ваш паспорт? — спросил его старший наряда.

— Мой, — Олег выпрямился и провел рукой по волосам, — что, не похож?

— Да, не похож.

— Как это не похож? Вы посмотрите внимательнее, — Олег снова поправил волосы, думая, что все дело в шевелюре, которая успела отрасти за несколько месяцев со времени получения загранпаспорта.

— Вы сами посмотрите внимательнее, — сержант вернул Олегу паспорт.

С фотографии смотрел толстый и совершенно лысый мужик лет пятидесяти.

— Это же не мой паспорт! — завопил Олег.

— А где же ваш?

Проводник взял в руки паспорт и воскликнул:

— О, да это паспорт одного типа, неделю назад он его по пьянке перед самой Москвой потерял. Сулил мне золотые горы, если найду.

Проводник вновь снял панель. За ней оказался еще один паспорт. На этот раз Скобелева.

Когда ушли пограничники, я сунул в карман проводника бутылку «Плиски». Он это почувствовал, но сделал вид, что не заметил.

К вечеру у меня разболелся зуб, даже анальгин не помогал, и я до самой ночи стоял в коридоре, подперев больную щеку и сдерживая стоны. Мимо проходил «товарищ майор». Он дернул меня за рукав и позвал в купе проводников. Ни слова не говоря, проводник налил мне полстакана коньяка из моей бутылки и коротко приказал:

— Пей!

Отказывать майору, а может быть, даже подполковнику КГБ, сделавшему для нас доброе дело, было неудобно.

Я сделал глоток и прополоскал зуб, и постепенно утихла боль. Наконец-то удалось заснуть под монотонный перестук колес.

По мере того, как поезд приближался к Москве, тревога моя возрастала. Если в день приезда не переоформим билеты до Ленинграда, нам придется плохо. Одному или двум всегда можно уехать, а десять человек сразу?

О небо, как я не любил покупать в кассе билеты. Окошко кассира, напоминающее отверстие в собачьей конуре,

всегда располагалось на такой высоте, что вынуждало пригибаться.

Как всегда, нас ожидали две новости — хорошая и плохая. Оказалось, что места на ленинградский поезд нам забронированы, и я чуть не подпрыгнул от радости. Плохая новость состояла в том, что отъезд в Ленинград только через два дня.

— Ничего не знаю, — кассирша была груба и бесстрашна, как санитар, отвечающий старушке: «Нет, бабушка, умерла, так умерла. Доктор сказал: в морг!» — сегодня на Ленинград мест нет, обращайтесь к дежурному по вокзалу.

Дежурный мне также не помог, но посоветовал:

— Подойдите к кассе возврата перед отходом поезда, может, вам повезет, и купите билеты. Каждый день сдают десятки билетов на Ленинград.

Я отправился к ребятам, сидевшим в зале ожидания на чемоданах. По пути остановился у расписания, посмотреть какой ближайший поезд на Ленинград.

Вдруг ко мне подошел мужчина, слегка навеселе, в форме проводника.

— Куда едем?

Обычно я игнорирую такого рода общение, но в нашем положении терять было нечего.

— В Ленинград.

— Один?

— Нас десять человек, у нас и билеты есть, только на четверг, — у меня вдруг затеплилась слабая надежда на отъезд.

— Ну, если еще и билеты есть, то могу провезти всех, за бутылку водки и по пятерке с носа. Поезд отходит через полчаса, идет?

Терять шанс было нельзя. Не сидеть же двое суток на вокзале без копейки денег в ожидании нашего поезда.

— Только сейчас у нас денег нет, когда приедем в Ленинград, студентов будут встречать родители, и мы обязательно расплатимся.

— Ну, — махнул рукой проводник, — так дело не пойдет.

— Зато коньяк есть сейчас.

— Ладно, — быстро согласился проводник, которому явно хотелось немедленно выпить, — подходите к шестому вагону вон того поезда.

Я вернулся к ребятам. Узнав, что через полчаса можно уехать домой, они дружно закричали.

Сашенька с Олегом побежали звонить родителям, чтобы приготовили деньги за наш проезд и сообщили остальным родителям о приезде. На последние копейки купили в ларьке два батона и, подхватив чемоданы, отправились искать шестой вагон.

Указанный проводником поезд сразу вызвал сомнения. На табло в начале перрона не было объявления ни о времени его отправления, ни о пункте назначения. Грязные и обшарпанные вагоны стояли с закрытыми дверями и явно пустые. Ни проводников, ни пассажиров, ни провожающих. Но у шестого вагона нас встретил проводник.

— В нашем вагоне, да и во всем поезде, нет света, — предупредил он.

Вагон был совершенно пустой и сидячий.

— Какой-то странный проезд, и проводник подозрительный, — ко мне подошли встревоженные девочки, — а нас тут не ограбят?

— Живыми мы не дадимся, — в шутку пообещал я, но на душе было тревожно.

Проводник сразу потребовал обещанный коньяк. Бутылку «Плиски» на общественные нужды пожертвовала, конечно, Сашенька, оставив без подарка своего папу.

Поезд тронулся. Проводник заперся с бутылкой в служебном купе, а ребята обследовали соседние вагоны, оказавшиеся пустыми. Очевидно, мы попали в состав, в котором перегоняли в Ленинград неисправные вагоны.

По-честному разделили батоны, и я пожертвовал на общество полюбившуюся мне сухую приправу под названием «шарена сол», состоящую из сухого чабера, сладкой паприки, мяты, молотого черного перца и соли.

Болгарские студенты рассказывали мне, что когда у них в общежитии кончаются деньги, они берут в студенческой столовой хлеб и посыпают его этой приправой.

К нам вышел довольный проводник, который был явно навеселе. Ему захотелось пообщаться, а то как же — выпить и не поболтать.

— Ребята, давайте сыграем — обратился он к студентам, — вот у меня есть пять рублей.

— У нас нет денег, — сразу предупредили студенты.

Но проводнику хотелось развлечься.

— Ладно, рисковать буду только я, давайте так, кто сможет поймать пятерку, то ее забирает. Но скажу вам честно, научно доказано, что ни один человек в мире не обладает такой быстрой реакцией.

Проводник бросал пятерку между пальцев студентов и всякий раз довольно хохотал, когда они не могли ее поймать.

Но студенты народ хитрый, они сразу поняли, что здесь можно хорошо поживится. Как раз накануне отъезда я продемонстрировал им свои уникальные способности и ловил восемь бумажных денег из десяти бросков. Эту способность я обнаружил у себя еще на первом курсе. В экспедиции на Памире мы с Ником получили зарплату новенькими рублями, и Ник предложил сыграть в эту игру. Он прочитал в каком-то научно-популярном журнале, что ни один человек не обладает такой скоростью реакции, чтобы поймать бумажную купюру, брошенную между пальцев. Ну до чего же у нас люди верят печатному слову.

И неожиданно для себя, и особенно для Ника, я поймал девять рублей из десяти. Ник даже обиделся на меня, но я, конечно, все обратил в шутку и отдал ему деньги.

Быстрота реакции была единственным качеством, которым меня одарила природа. Она очень пригодилась во время занятий боксом. Но и неприятности, связанные с ней, тоже были. Однажды в гостях в конце ужина хозяйка навязчиво пыталась угостить меня куском шоколадного кремового торта. Я отказывался, мотивируя тем, что не ем сладкое, а люблю соленое.

«А ты посоли», — серьезно посоветовал мне ее пятилетний сын.

И тут хозяйка уронила с лопатки этот дурацкий кусок, а я инстинктивно поймал его, сдвинув колени и испачкав брюки от выходного костюма.

— Попробуйте сыграть с нашим руководителем, — предложили студенты проводнику, — только предупреждаем, что он поймает все деньги.

— Это совершенно невозможно, скорость пролета бумажки такая, что человек не способен среагировать, да вы сейчас в этом убедитесь.

— Смотрите, проиграете, — подначивали проводника студенты, — наш преподаватель обладает телекинетическими способностями и может силой мысли остановить бумажку в полете.

— Не родился еще такой человек, — завелся проводник, — где ваш преподаватель, зовите его сюда.

— Он спит на последнем кресле.

Я, конечно, не спал и все слышал и, когда проводник подошел, рассеянно выслушал его инструкцию, как надо ловить бумажку. Потом протянул ему раскрытую ладонь с растопыренными в стороны пальцами, но проводник и ребята стали мне показывать, как надо держать руку. Я зевнул, демонстрируя полную незаинтересованность.

Проводник кинул между моих пальцев банкноту, и я успел схватить ее за самый кончик. Студенты дружно захлопали в ладоши.

— Это случайно, — разозлился проводник, сообразив, что проиграл, — не считается!

— Как это не считается? — возмутились студенты, — вы сами предложили условия: десять бросков подряд, и все, что он поймает, его, мы все слышали.

— А если не поймает, то с него пять рублей, идет?

Студенты хотели было оспорить новые условия, но я согласился:

— Ладно, бросайте, это так просто, — и снова зевнул.

Второй бросок я поймал банкноту за середину. Студенты заорали дружно и громко, как болельщики на стадионе в момент победы любимой команды.

— Наши уже десять рублей, — открыли они счет.

— Случайность, — рассердился проводник, — сейчас все отыграю и еще получу тридцать рублей.

Третий бросок я также поймал.

— Не орите, вы мне мешаете сосредоточиться, — одернул проводник студентов.

После удачно пойманного четвертого броска девчонки не выдержали и запрыгали по вагону, радостно хлопая в ладоши.

Проводник, сдерживая гнев, взял тайм-аут и закурил прямо в вагоне.

— Чудес не бывает! — упрямо заявил он и снова взял в руки банкноту.

— Бывают, бывают! — злорадно хихикали девчонки.

Проводник бросал неумело, как дилетант, и ловить банкноты было просто. Как только он не пытался пропихнуть банкноту между моих пальцев, но я поймал еще шесть бросков. Ребята торжествовали.

— Вот и подзаработал на левых пассажирах, — криво усмехнулся проводник, но видно было, что сильно он не расстроился. — Пойдем ко мне в купе, — пригласил он меня, — попробуем болгарский коньяк.

— Не могу, — отказался я, — с голодухи меня сразу заберет, а я должен быть трезвый, когда буду сдавать детей на руки родителям.

Проводник ушел в свое купе допивать коньяк. Оксана опять стала подсмеиваться над Олегом, что если бы он научился у меня телекинезу, то смог бы так же замедлять полет денег.

— Сашенька сказала, что телекинез — это чепуха! — безапелляционно заявил Скобелев.

В Ленинграде всех ребят должны были встречать на вокзале родители. И только один Олег был иногородний и оставался без денег и жилья, так как из общежития в Петергофе он уже выписался.

— Поедешь со мной, — сказал я Скобелеву, — поживешь у меня, деньги на билет домой я одолжу.

— Спасибо, — смутился Олег, — но Саша сказала, что я поеду к ней, она по телефону предупредила родителей, они нас встретят на машине.

Стало понятно, что фраза «Саша сказала» будет теперь для Скобелева как палочка-выручалочка, и он избавится от кучи проблем.

Как говорил один наш сотрудник, вернувшийся из отпуска, который он проводил вместе с женой: «Люся сказала, что мы отдохнули хорошо!»

На вокзале я наблюдал, как Сашенькины родители отнесутся к ухажеру своей дочери, и был приятно удивлен, что его встретили, как сына. Так что Олегу повезло в жизни, и он попал в добрую семью без всякого телекинеза.

Через полгода, в Татьянин день, Сашенька и Олег пришли ко мне в кабинет с пригласительным билетом во дворец бракосочетания. Они стояли, взявшись за руки, молодые и счастливые.

Я пожелал ребятам, чтобы всю жизнь они прошли, так же крепко взявшись за руки, и на их пути никогда не встрети­лась бы точка бифуркации.

ПРАКТИКА ПО ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕОЛОГИИ

На северном берегу Ладожского озера в поселке Импилахти Санкт-Петербургский государственный университет купил деревянное здание бывшей школы. В конце девятнадцатого века оно было построено для священнослужителя местной церкви и считалось памятником деревянной архитектуры Республики Карелия. В этом здании оборудовали базу для учебной геологической практики студентов, и в начале двадцать первого века сюда стали приезжать студенты первой в России кафедры экологической геологии. И я стал научным руководителем этой практики.

Учебная практика для студентов-экологов получилась значительно разнообразнее, чем для геологов. В процессе практики ребята осваивали радиометрические, геохимические и биологические методы изучения компонентов природной среды, отбирали в маршрутах пробы подземных и поверхностных вод, донных отложений, почв, горных пород, минералов, руд, горнопромышленных отходов и различных растений. На базе практики на портативном рентгеноспектральном анализаторе ребята определяли в отобранных пробах концентрации тяжелых металлов и оценивали степень загрязнения почв, класс опасности отходов горнорудного производства и качество водных сред по биотическому индексу Вудивисса. Заканчивалось практика написанием и защитой отчета.

Но практика — это не только учеба и маршруты, а еще и быт. Надо организовать для студентов питание, еженедельную баню и следить за их здоровьем.

Первые группы в основном состояли из девушек, и я предупреждал студенток, что маршруты будут тяжелые, и если кому-то нездоровится, то надо обязательно мне об этом сказать.

— В поселке есть фельдшерский пункт, и можно получить квалифицированную медицинскую помощь, а если

по женской линии, то я освобожу от маршрута — на базе всегда найдется легкая камеральная работа. Моя задача не только научить студентов полевым методам в эколого-геологических исследованиях, но и сохранить ваше здоровье. И в особенности девочек, так как им предстоит родить и воспитать новое поколение, потом как тещам и золовкам воспитать второе поколение и, наконец, как бабушкам воспитать третье поколение. Еще Достоевский говорил: «Три четверти счастья человеческого в семье».

Поэтому советую вам, как зеницу ока, беречь свое здоровье для трех поколений и, главное, не курить: курящая девушка смотрится пошло.

Первые годы для контроля здоровья студентов мы оформляли на мизерную зарплату медсестру фельдшерско-акушерского пункта поселка, которая жила по соседству с нашей базой. Утром и вечером медсестра приходила к нам в дом и справлялась о здоровье студентов. Однажды у одной девочки случился эпилептический припадок — она упала в коридоре и головой разбила стекло канцелярского шкафа. Картина была жуткая — девица лежала без сознания, голова в крови. Я чуть не умер от страха. Ребята привели нашу медсестру из соседнего дома. Она быстро во всем разобралась и помогла. Но потом отказалась у нас работать.

Присутствие на практике девушек, которые преобладали в студенческих группах, сильно возбуждало мужское население поселка Импилахти, от мала до велика. Местные мальчишки залезали на деревья около базы и заглядывали в окна комнат в надежде посмотреть, как переодеваются студентки, и девочкам пришлось занавесить окна одеялами. По вечерам ребята постарше уже пытались залезть в окна в надежде встретить радушный прием. А поздно ночью молодые парни, разогретые для храбрости алкоголем, бесцеремонно заезжали на территорию базы на сильно подержанных, но когда-то шикарных иномарках и приглашали девочек покататься на машинах по узкой извилистой, с крутыми горками дороге. Учитывая, что к этому времени парни находились в первой стадии опьянения: «Ты меня уважаешь?» — то их предложения выглядели смертельно захватывающими. Даже заезжие работяги-строители, до которых дошли слухи, что в здании старой школы полным-полно хорошеньких

студенток, являлись шаткими группами, невзирая на то, что находились на второй стадии опьянения и не всегда в состоянии были переплюнуть через нижнюю губу.

И нам с начальником практики доцентом Юрием Миляевым приходилось целый вечер и ночь урезонивать пацанов и мужиков. Но через несколько лет Юра перешел на другую работу, и я остался один и за начальника практики, и за научного руководителя.

Вообще-то местным ребятам жилось не сладко — работы в поселке не было, зверосовхоз, совхоз и лесхоз развалили в «лихие» времена разграбления социалистической собственности. И остались им рыбалка, пьянка и драки. Хорошо еще, что местные авторитеты не допустили в поселок наркоту и сохранили жизни многих ребят.

Весной и в начале лета ребята браконьерили и сетями ловили в Ладоге лещей, заходивших в фиорды на икромет. По утрам они привозили на продажу мокрые мешки с огромными лещами-рябинниками, и мы несколько раз покупали рыбу для общественной ухи и копчения. Конечно, вырученные деньги шли на пьянку.

Однажды местные ребята провожали друга в армию и в час ночи зарулили на базу к девчатам. Обалдевшие от гидролизного спирта, они орали и дрались на улице перед крыльцом. Наш преподаватель Александр Ризаевич попытался их урезонить, а они набросились на него с кулаками. Тут подоспел я и, как выражался волкодав Таманцев, «обнажил ствол». Для охлаждения пыла хулиганов пришлось применить средство самообороны под названием «Удар», которое при выстреле распыляет перцовую жидкость. Хлопок — и, обрызганный едкой жидкостью, нападавший парень упал, как подкошенный. Друзья сразу взяли приятеля подмышки и поволокли домой.

Прибежал участковый милиционер Денис, но все уже закончилось. Я ему объяснил, что никаких заявлений о нападении на университетскую базу мы писать не будем. Лучше миром заканчивать такие инциденты.

Рано утром, еще до маршрута, ко мне в командирский домик пришли вчерашние ребята и извинились за свое поведение. Только пострадавший, с красными пятнами на лице от перцовой жидкости, вдруг с обидой поинтересовался:

— Зачем надо было этой жгучей гадостью на меня прыскать, всю ночь лицо, как ошпаренное, горело. И все ребята от меня перемазались, пока домой тащили.

— Нечего было лезть с кулаками на преподавателя. От перцовой жидкости тебе никакого вреда не будет, пощиплет кожу несколько часов — и все дела. А если бы я, стокилограммовый боксер, в спешке ударил тебя кулаком, то сломал бы что-нибудь в твоём организме, и вместо армии мы разбирались бы в суде. Ну, а если бы ты успел преподавателя ударить на территории университета, то оказался бы не в армии, а в колонии за хулиганство.

Через два часа в поселок заехал военный «Урал». Новобранец залез в брезентовый кузов, где уже сидели полтора десятка парней, и машина сразу рванула с места. Его друзья долго махали вслед, а местные девчонки даже плакали, уверенные, что он обязательно попадет куда-нибудь в «горячую точку». Парень отправился служить на два года в десантные войска. Почти все ребята из Питкярантского района, крепкие, закаленные рыбалкой парни, традиционно служили в ВДВ — воздушно-десантных войсках и очень этим гордились.

В конце концов, отношения с местными ребятами постепенно наладились.

Но однажды ночью к нам на базу зарулили «братки» на двух джипах с московскими номерами. Они въехали на территорию и развернулись около крыльца. Распахнулись широкие, как ворота, двери внедорожников, и вылезли мужики, все, как на подбор, — здоровые, мордастые, наголо стриженные, двое в малиновых пиджаках, все с «мобилями», виски прямо из горлышка хлещут, ну прямо кадры из бандитского сериала. Наши ребята хотели выйти на крыльцо и достойно встретить непрошенных гостей, но я запретил им высовываться, что бы они не ввязались в драку с пьяными мужиками. И как назло, поселковый участковый Денис ушел в отпуск и куда-то уехал.

— Сидите здесь тихо, — предупредил я ребят, — а если услышите, что я сказал: «Будьте любезны...» (эта условная фраза капитана Алехина, означавшая «К бою!», из романа Владимира Богомолова «В августе сорок четвертого» неожиданно пришла мне в голову) — сразу звоните в Питкяранту

в милицию и вызывайте ОМОН, сообщите о нападении на базу. Телефон в комнате сторожей, а телефонный номер милиции на стене записан. И ни в коем случае не выходите на улицу, даже если меня будут убивать, вам с ними все равно не справиться.

В дверь уже ломались пьяные «братки» и, перефразируя песню Высоцкого, орали: «Выводи нам, препод, девок, пусть покажут кой-чего».

Я вышел и загородил собой дверь.

— Ребята, предупреждаю, это здание Санкт-Петербургского университета. Я начальник практики и убедительно прошу вас покинуть территорию государственного учреждения.

Но мужики нисколько не испугались, а наоборот, завелись еще больше. Они требовали пропустить их в дом к девочкам, обещая, что в противном случае меня по стенке размажут, а дом спалют.

— При таких серьезных угрозах буду вынужден вызвать ОМОН, — предупредил я.

Мужики еще немного покуражились, но с ОМОНОм связываться не захотели и решили брататься. Напоить меня виски и затем проникнуть в дом им не удалось, и они стали намекать, что я уже немощный старик. Тут во мне разыгралась гордость ленинградского хулигана, и я ответил, что по части спиртного соревноваться с ними не берусь, но любого из них могу одним ударом отправить в глубокий нокаут. Это было напрасно, так как ребята снова завелись и стали требовать кулачного боя с любым из них.

— Благородство любой силы в ее неприменении, — с гордостью ответил я, — давайте лучше закончим дело миром.

Девушки сидели в доме тихо, и я подозревал, что они с этими парнями где-то пересеклись, скорее всего, в Питкяранте, когда ходили по магазинам, и, наверное, немного пофлиртовали. А я их предупреждал: то, что они считают флиртом, «братки» принимают за сигнал к спариванию, а мне потом расхлебывать.

И кто-то из девушек был с этими мужиками на связи, так как один парень прогуливался в отдалении с тортом в руке, разговаривал по мобильнику и говорил:

— Ваш препод не пускает.

Слава Богу, до драки и до ОМОНа дело не дошло. «Браткам» кто-то позвонил, и они умчались в белую ночь искать на свою голову приключений.

Для проведения практики университет выделял грузовой автомобиль ГАЗ-66, оборудованный для перевозки людей. Однажды, после посещения Киттельского месторождения ювелирных гранатов, мы со студентами вышли на дорогу.

— Ребята, подарите пару гранатов нашему водителю, и не забудьте повариху Анну Федоровну, ей будет приятно, — предупредил я студентов.

Водитель Сергей спал в кабине. Студенты с шумом и гамом залезли в кузов и хвастались друг другу своими находками.

Когда все уселись, шофер хотел тронуться, но ГАЗ-66 стоял, как вкопанный. Двигатель заглох даже на первой передаче, и так несколько раз. Очевидно, заклинило тормоза. Так оно и оказалось. Я как опытный автослесарь быстро догадался, что испортился гидровакуумный усилитель. Мы его заглушили и пустили тормозные трубки в обход испорченного агрегата. У одного из штуцеров тормозной трубки была неважная резьба, и мы подмотали на него паклю. Лежа под машиной, я с осторожностью завернул гаечным ключом штуцер. Сергей для проверки несколько раз нажал на тормозную педаль, но жидкость из-под резьбы не сочилась.

— Скоро поедем? — поинтересовались студенты.

Но у меня вдруг появилось тревожное предчувствие.

— Ребята, вылезайте, пойдете до базы пешком.

— Это зачем нам по жаре идти семь километров, — заняли студенты.

— Тормоза ненадежные, а вас в кузове девятнадцать человек, мало ли что случится.

— Что может случиться? Тут езды пятнадцать минут. Обед за это время остынет, и Анна Федоровна будет недобольна, — студентам очень не хотелось идти до базы пешком.

— Анатолий Михайлович, давайте поедем, осторожно, на первой передаче, — предложил водитель.

— Поехали, поехали! — радостно закричали девчонки.

Конечно, в экспедициях бывали подобные случаи, и приходилось ехать вообще без тормозов.

— Ладно, — сдался я, — но только со скоростью десять километров в час.

Сергей включил аварийную сигнализацию, и мы тронулись. Двигатель ревел на пониженной передаче. За двадцать минут проехали половину пути.

Надо сказать, что дорога в районе поселка Импилахти очень живописная — узкая, крутые спуски сменяются не менее крутыми подъемами, а сопряженные повороты следуют один за другим.

Мы подъехали к самому опасному месту — деревянному мосту через реку Сюскюянийоки. Перед мостом с однопольным движением был крутой спуск, и за ним сразу крутой подъем с поворотом направо.

Вдруг сзади показался рейсовый автобус ЛИАЗ.

— Давай его пропустим, — предложил я, и водитель сдал машину к обочине.

Автобус нас обогнал, спустился с горки и сбавил скорость перед ямами у въезда на мост.

Мы стояли уже на спуске, и Сергей собрался тронуться с места.

— Подожди, дай проехать автобусу. И, на всякий случай, нажми на тормозную педаль, — посоветовал я.

Как я заметил, к опасным жизненным ситуациям приводит совпадение во времени каскада причин.

Сергей для проверки нажал на тормозную педаль, но она вдруг провалилась, и почему-то заглох двигатель. Машина тронулась с места и медленно поехала с горки. Водитель дернул рычаг ручного тормоза, но это не остановило тяжелый грузовик — лопнула тяга. Включить передачу при заглохшем двигателе было невозможно, а мотор, как назло, не заводился. Сергей еще несколько раз нажал на педаль, но машину словно толкнули сзади, и она с ускорением понеслась с горки.

Автобус тем временем проехал мост и притормозил перед ямами при съезде. Наш грузовик с ускорением летел на мост.

Сергей запаниковал и безуспешно пытался включить передачу, чтобы затормозить двигателем, но раздавался только рык шестеренок. Я высунулся в окно и стал махать рукой, в надежде предупредить водителя автобуса о возможной аварии. Пассажиры, стоявшие на задней площадке

автобуса, увидели несущийся на них грузовик и меня, показывающего рукой, чтобы автобус ехал быстрее. Они все поняли и закричали водителю автобуса. Он увидел наш приближающийся грузовик в зеркало заднего вида и дал газ, пытаясь набрать скорость. Но за мостом следовал крутой подъем, и тяжелому автобусу было не разогнаться.

Наш грузовик подпрыгнул на яме перед мостом, проскочил мост и еще раз прыгнул на ямах за мостом. Автобус медленно карабкался в гору, несмотря на то, что водитель газовал вовсю. Грузовик ринулся за автобусом, и мы почти нагнали его на середине подъема. Я увидел перекошенные страхом лица пассажиров. Но, слава Богу, скорость резко упала, и, не доехав до автобуса метр, грузовик остановился, сдал назад и застрял в яме. Автобус благополучно поднялся в гору и исчез за поворотом.

«Ты просто кусок идиота, а не руководитель, — завопил мой внутренний голос, — ты мог угробить девятнадцать молодых жизней. Представь себе состояние родителей, узнавших, что их ребенок погиб на практике по вине преподавателя».

— Все, приехали, вылезайте, дальше пойдем пешком, — сообщил я ребятам.

— А что такое, что случилось, — заныли студенты, которые так ничего и не поняли.

— Мы с вами могли стать участниками экологической катастрофы. Если бы грузовик упал с моста в реку, то от разлившихся нефтепродуктов пострадали бы гидробионты, и понизился индекс Вудивиса.

Ребята вылезли из кузова, и мы пошли на базу пешком. Шофер завел грузовик и на первой передаче осторожно поехал в поселок.

Вскоре нам стали выделять на практику почти новенький автобус ПАЗ с замечательным шофером Ковалевским Александром Ивановичем. Он вел машину чрезвычайно аккуратно и во время практики не употреблял спиртное даже в свои выходные дни.

На автобусе можно было с комфортом выезжать на практику всей группой прямо от дверей кафедры. Дорога до базы занимала около восьми часов. По пути я рассказывал студентам о достопримечательностях и постепенно вводил их в курс дела.

И, конечно, рассказывал анекдоты. Александр Иванович в этот момент притормаживал, и я говорил громко, чтобы и ему за рулем было слышно.

Особенно всем нравился анекдот про водителя автобуса в очереди у ворот Рая, за которым стоял священнослужитель. Апостол Петр сразу пропустил водителя автобуса в Рай, а священнослужителя задержал и раскрыл книгу грехов.

«Святой апостол, это не справедливо! — возмутился священнослужитель. — Какого-то примитивного шофера ты сразу пропустил в Рай, а у меня, который всю жизнь Богу служил, собираешься найти какие-то грешки?»

«Святой Отец, — ответил апостол, — я знаю, что на твоих проповедях паства очень часто спала, а в его автобусе все искренне молились Богу».

Студенты тут же отреагировали на анекдот и на одной из остановок повесили за спиной шофера объявление:

«Не отвлекайте водителя криками, молитесь молча!»

Когда мы, наконец, благополучно въезжали на территорию базы, ребята награждали шофера аплодисментами.

На «отвальной» я всегда произносил тост за самого главного человека на практике — водителя автобуса, от которого напрямую зависели наши жизни. А ребята преподносили ему в подарок бутылку хорошей водки или виски. И только вернувшись домой, Александр Иванович позволял себе расслабиться и выпивал подаренную ему бутылку.

Со временем район базы попал в зону действия операторов сотовой связи, и студенты беспрерывно болтали по мобильным телефонам, и даже в туалете, на двери которого была прибитая жестяная табличка с надписью: «Берегись взрыва 300 метров», найденная студентами на одном из щелочных карьеров.

Я рассказывал студентам назидательную историю про нашего туриста в одном иностранном аэропорту. В туалете он зашел в кабинку, и только устроился, как вдруг кто-то спрашивает его по-русски:

«Ну, как долетел?»

«Спасибо, хорошо», — отвечает турист.

«А когда обратно?» — спрашивает голос.

«Через неделю».

«Ты же хотел пять дней здесь пробыть?»

«Не получается», — отвечает турист.

«Послушай, я тебе перезвоню, — с раздражением говорит голос, — а то здесь какой-то тип из соседней кабинки на все мои вопросы отвечает».

Полина — дочь преподавателя геофизика Сафарова Александра Ризаевича, случайно уронила мобильный телефон в выгребную яму туалета.

Она прибежала к отцу, и они отправились доставать телефон. Отец изготовил «черпало», закрепив на конце палки пустую консервную банку, и при помощи этого инструмента попытался достать аппарат. Мимо распахнутой двери туалета проходили студенты-биологи и с удивлением услышали внутри женский и мужской голоса. Они заглянули внутрь и увидели преподавателя с дочкой.

— Что вы тут делаете? — опешили студенты, заметив в руках у преподавателя черпак.

И в этот момент из «очка» раздалась мелодия фортепианной пьесы Листа, это подруга позвонила Полине на трубку.

— Да вот, слушаем классику: Ференц Лист, «Альбом путешественника», — нашелся преподаватель.

В последний день практики, пока студенты заканчивали писать отчет и готовились к его защите и зачету, я занимался приготовлением узбекского плова в двух казанах.

После зачета устраивали «отвальную», на которую я разрешал купить вскладчину несколько бутылок легкого вина. Еще на ранних практиках преподаватели пришли к выводу, что лучше выпить немного вина вместе со студентами, чем они сделают это отдельно и обязательно с приключениями.

В конце «отвальной» я произносил заключительный тост:

— Ребята, помните сцену из кинофильма «Титаник»: во время катастрофы на палубе все время мужественно играл судовой оркестр. Когда гибель корабля стала очевидной, и мест на спасательных плотках уже не осталось, оркестранты собирали инструменты, и дирижер их поблагодарил: «Спасибо, господа! Мне сегодня было очень приятно с вами играть!»

Так вот, уважаемые студенты, как начальник и научный руководитель практики я хочу сказать, что мне было очень приятно с вами работать.

КЛЕЩИ

На базе геологической практики в поселке Импилахти у студентов наступил законный выходной. День выдался солнечный и безветренный, поэтому студентки вытащили на улицу матрасы и в купальниках разлеглись загорать на территории базы.

Автобус оказался в моем распоряжении, и я собрался в дальний геологический маршрут на диабазовую дайку, прорывающую граниты рапакиви. Дайкой называется линзовидное геологическое тело, образовавшееся при застывании магматического расплава в вертикальной трещине в каких-либо горных породах. По составу дайки бывают разные — гранитные, базальтовые и даже кимберлитовые с алмазами. Обычно длина дайки от нескольких метров до километра.

Для меня изучение этой дайки было связано со многими приключениями, которые, как оказалось, вовсе не закончились. Все началось более десяти лет назад, когда эту дайку нашла геолог Уксинской геологической партии Дина Васильевна Михайлова. Поздней осенью в камералке она показала мне удивительные образцы, и я сразу загорелся желанием немедленно посетить это обнажение, но, как назло, выпал ранний снег. Я даже хотел, вопреки здравому смыслу, отправится на ее изучение в одиночку на лыжах и разработал план двухдневного маршрута, но, в конце концов, по ряду обстоятельств, пришлось отложить эту затею до весны.

Дина Васильевна рассказала, что найти дайку чрезвычайно просто — на берегу небольшой ламбины (на финском языке окончания названий всех маленьких озер — лампы, а местные жители называют их ламбушками) в крутом скальном обрыве красновато-бурые граниты рапакиви пересекаются отчетливо видимой черной полосой шириной четыре метра — выход пород базальтовой дайки. На двухсоттысячекратной топографической карте геологиня карандашом обвела крошечное, не более миллиметра, озеро, на берегу которого находилась дайка. Правда, я тогда не обратил внимания, что в районе ламбины расположено еще несколько озер такого же размера. Это озеро на-

ходило в верхнем течении реки Уксунйоки, в нескольких километрах к северу от шоссе моста на дороге Питкяранта–Петрозаводск.

Дайка была примечательна тем, что в момент внедрения базальтовой магмы по вертикальной трещине (это случилось на глубине нескольких километров) сами граниты еще не застыли окончательно, и поэтому произошло смешение двух расплавов разного химического состава. А меня очень интересовало, что происходит с минералами гранитов — кварцем и полевым шпатом, когда они попадают в высокотемпературную (нагретую свыше тысяч градусов) базальтовую магму. Я даже наметил несколько научных экспериментов.

Всю зиму я строил планы маршрута на дайку. Ранней весной, когда мы выехали на практику со студентами кафедры геологии месторождений полезных ископаемых и встали палаточным лагерем на берегу Ладожского озера, я выпросил у руководителя практики одного очень толкового студента и автобус на полдня.

В маршрут мы взяли надувную резиновую лодку в надежде порыбачить на этой ламбине и наловить рыбы на добрую уху. Кроме того, на обратном пути планировалось выйти с образцами к реке Уксунйоки и сплавиться на лодке вниз по течению до моста, где нас должен был ждать автобус.

Тогда, двенадцать лет назад, во время первого посещения этой дайки я был инфицирован клещевым боррелиозом, и в пупке у меня сидел иксодовый клещ — его разносчик. Клеща я подцепил еще в мае месяце в первом маршруте в Кондопожском районе Карелии. На животе вокруг пупка образовалось роскошное красное пятно с бледными концентрическими кольцами — эритема. Я подумал, что просто натер живот пряжкой офицерского ремня. В пупок было не заглянуть, но пальцем прощупывался какой-то шарик величиной с горошину. Может, просто укусила мошка, а может, он и раньше там был — я не мог вспомнить. Болезнь была в разгаре, меня ломало и лихорадило, но не остановило от посещения заветной дайки.

Автобус долго плелся по совершенно разбитой грунтовой дороге, и у моста через порожистую Уксунйоки мы

высадились. Маршрут по азимуту всегда короче, но и труднее. Не хотелось идти по берегу реки, которая петляла и была завалена сгнившим лесом, оставшимся от молевого сплава. Я пользовался спортивным жидкостным компасом для ориентирования на местности, работать с которым было гораздо удобнее, чем с геологическим. Легкий пластиковый прямоугольник компаса висел на шнурке на шее и позволял чаще контролировать азимут хода, даже не останавливаясь. Я взял азимут на озеро с дайкой. Студент Алексей тащил двадцатикилограммовую лодку, а я нес палатку, спальные мешки и продукты. Четыре километра до озера дались тяжело. Мы переходили болота, ручьи, старые вырубки, заросшие сплошным березняком и ельником. Но вышли точно к южному берегу озера. Мысленно я себе аплодировал, и зря. Все было так, как описывала геологиня. На восточном обрывистом берегу маленькой ламбины виднелись крутые скалы, сложенные коричневыми гранитами рапакиви. Я ожидал сразу увидеть дайку и немного растерялся, не обнаружив ее на указанном месте. Несколько раз обошел озеро, залезал на скалы, но дайки не нашел.

Оставив вещи у скалы, мы сделали несколько широтных маршрутов и посетили две мелкие ламбины к востоку. Они были похожи на нашу, как две капли воды. Но и там дайки не нашли. Я был в полном тупике и не знал, что делать.

— Все, ставим лагерь, — объявил я, когда мы вернулись к вещам у первой ламбины.

Быстро поставили мою самодельную палатку из парашютного шелка и залезли в нее, спасаясь от полчищ мошки и комаров. Разводить костер и готовить обед было неохота. Закусили консервами и запили холодным чаем.

— Завтра с утра пораньше пойдем искать дайку, а сейчас спать, — скомандовал я.

Студент разделся и залез в спальный мешок. Но мне в спальном мешке было жарко, и я лег сверху. Сильно чесалось это красное пятно на животе.

— Алексей, возьми увеличительное стекло и посмотри, что у меня в пупке, — попросил я студента, — какой-то шарик появился величиной с горошину. Может, это энцефалитный клещ так раздулся?

Студент осмотрел мой пупок и заявил, что клещей он никогда не видел, а эта штука похожа на коричневую родинку.

«Может, действительно, родинка, кто знает, как быстро они образуются, — подумал я, — это в геологии все медленно».

— Ладно, отдыхаем, — я залил в ямку пупка спирт и уснул, лежа на спине.

Всю ночь мне снилось это проклятое озеро с дайкой в гранитных скалах. Проснувшись рано утром от соловьиных трелей, я машинально потрогал живот. Та странная горошина вдруг исчезла. Если это был насосавшийся крови клещ, то он должен был находиться где-то рядом. Но осмотр спального мешка и пола палатки ничего не дал.

«Черт с ним, с клещом, — подумал я и вновь принялся изучать топографическую карту. — И где может быть это озеро с дайкой?»

Не было ни каких сомнений, что мы находимся именно на том озере, которое Дина Васильевна обвела небрежным кружком, только дайки не было.

Видимо мой геологический Бог — Пенти Салми Рапакиви, за что-то на меня разгневался и не хотел допустить к тайнам образования гранитов рапакиви. Я вспомнил, что не сходил к нему на ритуальное поклонение и не принес ежегодную традиционную жертву — набить трубку табаком и налить в бутылку немного водки. Вот тогда удача ходила бы за мной по пятам. А так старик рассердился и показывал свой характер. Я мысленно пообещал Пенти, что сразу же по возвращении из маршрута схожу к его логову и принесу ему жертву. И он как будто услышал мои обещания и смилостивился. При рассмотрении карты в лупу я вдруг заметил, что карандашной линией кружка зачеркнуто крошечное озерко размером около миллиметра в длину и полмиллиметра в ширину. Карандашная линия прошла точно по озеру, и поэтому я его сразу не заметил. Быть может, Дина Васильевна ошиблась и обвела другое озеро? Ламбушка, зачеркнутая карандашом, находилась менее, чем в километре, к северо-западу.

Я разбудил студента, мы позавтракали всухомятку и направились к озеру. Оно было точной копией нашего, но только среди гранитных скал обнажалась роскошная

дайка. Все было, как и рассказывала Дина Васильевна. А с местоположением озера на карте она просто ошиблась. Несколько часов я с упоением изучал обнажение. Действительно, в темно-серой базальтовой массе сверкали кристаллы кварца и овоиды калиевого полевого шпата гранитов рапакиви. Картина для геолога-петролога невероятная — минералы гранитов в базальте. По своей абсурдности такая гибридная порода была сопоставима разве что со «смесью бульдога с носорогом». Но природе было угодно создать такое чудо, и мне предстояло его изучить. Это было настоящее счастье исследователя. Права была Мария Кюри, когда говорила: «Наука — это великая красота!»

Я еще раз мысленно пообещал Пенти Салми Рапакиви удвоить порцию водки в жертвоприношении сразу по возвращении из маршрута. Тем более что через неделю мне предстоял еще один тяжелый маршрут, с шестидесятикилометровым сплавом вниз по течению реки Тулемайоки. Там, по наводке той же Дины Васильевны, в среднем течении реки находилась дайка уникальных орбикулярных гранитов. Иначе их называют шаровые граниты.

Закончился маршрут тривиально. Я, как всегда, набрал кучу образцов, так что пешим ходом нам было не дотащить их до дороги. Мы вынесли пробы и образцы к реке Уксунйоки, надули резиновую лодку, погрузились и начали сплав. Алексей греб, а я блаженствовал как пассажир, да еще поймал на спиннинг три небольших щуки. У моста через реку, до прихода автобуса, сварили роскошную двойную уху, остатками которой и накормили водителя.

И только потом, в больнице имени Боткина, в инфекционном отделении, куда после возвращения из экспедиции меня на «скорой помощи» доставили с диагнозом «клещевой боррелиоз», я понял, что тогда в палатке из меня вылезла клещиха, напившаяся моей крови. Потом она, конечно, народила не меньше тысячи маленьких клещей. Так что этот район оказался зараженным боррелиозными клещами, выросшими на моей крови — так сказать, моими «кровными детками».

Из первого маршрута я привез много образцов, и мои научные гипотезы полностью оправдались. По результатам

исследований я сделал доклад на международном симпозиуме в Соединенных Штатах Америки.

И вот, спустя двенадцать лет, меня снова потянуло посетить эту дайку. Появилась цифровая фототехника, и захотелось сфотографировать породы дайки.

За эти годы в сторону Петрозаводска проложили «голубую дорогу» — широкое асфальтовое шоссе, по которому до реки Уксунйоки можно было долететь на нашем автобусе всего за час.

В маршрут со мной поехал Степан Аксюткин — молодой специалист, только что окончивший Университет с красным дипломом. А я был научным руководителем его дипломной работы. На этой практике Степан был уже в роли преподавателя и помогал мне проводить экскурсии у студентов-биологов. Степан взял на практику хороший цифровой фотоаппарат, и я надеялся сделать снимки дайки. Кроме того, у нас был карманный персональный компьютер КПК и к нему прибор спутниковой навигации — GPS. О таком снаряжении несколько лет тому назад мы не могли и мечтать. На монитор КПК выводилось изображение топографической карты, и появлялась точка нашего местоположения. Но топографическая карта была тридцатилетней давности, и новая дорога на ней, естественно, не была обозначена. Поэтому было важно знать координаты нового шоссейного моста через реку Уксунйоки, чтобы взять точный азимут на озеро и дайку.

До моста мы доехали быстро. Мотор автобуса ровно гудел на прямой, как стрела, трассе. Шофер отправился рыбачить на реку, а я сразу включил КПК. На дисплее появилось изображение части топографической карты в районе старого моста. Маленькая суперсовременная, похожая на закрытую мыльницу, электронная «джиписэска» должна была без проводов автоматически соединиться с карманным компьютером на радиочастоте и показать на карте наше местоположение. Но связи между КПК и «джиписэской» не было.

Степан полчаса возился с приборами, а потом заявил, что работать они не будут, так как сели аккумуляторы.

— Почему ты их не зарядил? — вспылил я.

— Я поставил их на зарядку, но ночью вернулся с гулянки Дима Вийде, вытащил из розетки зарядное устройство и поставил на зарядку свой мобильный телефон.

«Эта дайка просто заколдованная, — с раздражением подумал я, — обязательно появляются какие-то препятствия. И сегодня наверняка будет еще не одно».

Ох, как я угадал!

Идти маршрутом по азимуту оказалось невозможно, и я проклинал себя за то, что, понадеявшись на современную электронику, не захватил ветхую топографическую карту. Пришлось восстанавливать в памяти маршрут десятилетней давности. Теперь следовало подниматься вверх по течению реки Уксунйоки, затем по ее левому притоку Куреноя.

Дорогу перегораживали многочисленные стволы осин, заваленных в воду запасливыми бобрами. Берег они изрыли многочисленными норами, в которые нога проваливалась неожиданно и сразу по пах. Степан с сочувствие слушал мои душераздирающие вопли после каждого падения.

Мы считали шаги, чтобы знать пройденное расстояние. Когда дошли до устья левого притока, то увидели ручеек шириной ровно в один шаг. Как мне помнилось, в прошлый раз левый приток был вполне приличной речкой, и на карте даже имел собственное название Куреноя. Мы пошли вверх по течению левого притока. В некоторых местах ручей вообще пропадал под торфяниками, так что я засомневался, правильно ли мы идем. Наверняка бобры перекрыли ручей запрудой выше по течению и устроили себе искусственное озеро, а в нижнем течении ручей почти иссяк.

Наконец, мы вышли к дайке. Все тут было, как и двенадцать лет назад, даже кучка оставленных мной образцов, которые я не смог вынести в первый раз, лежала под скалой. Но результаты маршрута никак не стоили затраченных усилий и последующих приключений. Основная цель — сделать хорошие фотографии обнажения и горных пород, не была достигнута. Там где я раньше, как ковер, задрал на скалах мох, камни покрылись лишайниками и сделали нераспознаваемыми детали строения гибридных пород. День выдался солнечный и ветреный, отчего деревья отбрасывали на камни дрожащие тени. Оказывается, все, что так четко видно

человеческим глазом на экране цифровой камеры, выглядело как хаос теней и солнечных бликов, никакие минералы были не различимы.

Обратно мы шли по азимуту строго на юг, пересекая заболоченные ручьи, холмы и заросшие ольшаником распадки. В некоторых местах через подлесок приходилось проламываться, как в джунглях. Вышли на шоссе неподалеку от моста через реку. На обочине стоял наш автобус. Шофер сидел на берегу и печально рассматривал две части, которые раньше были моим спиннингом.

— Он сломался, — извиняющимся тоном сообщил он.

Я небрежно махнул рукой, так как все равно купил этот спиннинг специально в подарок водителю в благодарность за хорошую работу.

Надо было сразу снять энцефалитку и осмотреться на предмет клещей, но водитель отвлек меня извинениями и рассказами, как сломался спиннинг. Мы сели в автобус и поехали домой.

Степан позвонил по мобильнику на базу и узнал, что студенты-биологи топят баню. По пути мы купили в поселковом магазине пива, чтобы поддавать в бане на камни. Директор базы Миша Карвонен принес двух золотистых копченых лещей-рябинников — сказочное блюдо.

В бане перед парилкой мы осмотрелись на предмет энцефалитных клещей. И хотя свет от крошечного запотевшего окна был слабый, я не обнаружил на Степане ни одного клеща. Он осмотрел меня и заявил, что все в порядке. Пар был отличный, и я отхлестался двумя березовыми вениками с ветками можжевельника так, что кожа покрылась красными пятнами.

После пятнадцати километров тяжелого маршрута и парной бани навалилась усталость. Студентки-биологини напоили нас горячим чаем из душистых трав. Глаза слипались, и я отправился в свою комнату с целью поспать часа два. Выспаться как следует еще ни разу не удалось. К вечеру студенты активизировались, выползали из дома и собирались у кострища в центре базы. И хотя по распорядку дня они должны были ложиться спать в одиннадцать часов, я разрешал им сидеть до полуночи. Кто в молодости может спать в такие белые ночи, когда

многотысячные стаи перелетных птиц наполняют воздух призывным криком, а соловьи в мокрых от росы кустах заходятся любовными трелями до самого восхода солнца. Если на базе более пятидесяти студентов, то вечно у кого-то случится день рождения. По крайней мере, они всегда меня об это предупреждали и приглашали посидеть с ними у костра. Но где-то к полуночи активизировались местные ребята, уже прилично разогретые водкой и пивом и поэтому осмелевшие. Ну, как можно запретить молодым общаться? Они сбегут вечером в лес или на озеро и там окажутся вне сферы моего контроля. Пускай нарушают, но у меня на глазах. Я назначал старшего и строго наказывал студентам не орать песни на весь поселок, не хохотать, будто у кого-то случилась истерика, и не распивать с местными ребятами алкоголь, иначе я сразу прекращу эти посиделки.

Но преподавателю терять бдительность в такое время никак нельзя и приходилось не спать, пока молодежь не утихомирится.

Накрывшись одеялом и уже засыпая, я машинально ощупал рукой грудь и вдруг обнаружил под левым соском какой-то прыщик.

«Клещ!» — в ужасе завопил внутренний голос.

Я уже лет двадцать не делал прививки против клещевого энцефалита. Раньше прививки были обязательны, и без них сотрудников университета не пускали в экспедиции, но потом из-за бюрократических проволочек при оформлении экспедиционных приказов и мизерности полевого экспедиционного довольствия все постепенно перешли на командировки, которые можно было оформить за один день. И, конечно, не требовалось справок о прививках.

Перед зеркалом, осветив грудь фонарем, я удостоверился, что под левым соском действительно сидит клещ, который уже начал сосать кровь. Вокруг него образовалось красное пятно трех сантиметров в диаметре. Не было сомнения, что клещ был заражен боррелиозом и, возможно, он один из потомков той клещихи, которая выползла из моего пупка двенадцать лет назад. При внимательном осмотре я обнаружил подмышкой еще одного клеща и красное пятно вокруг него. На шее тоже было красное пятно, и виднелась

крошечная ранка от укуса клеща, которого я, вероятно, сбил веником, когда парился в бане.

В камералке преподаватель-орнитолог Игорь Яновский читал лекцию студентам-геологам. Я дождался перерыва, вызвал его в коридор, и он при помощи петли вытащил клещей. Степан, чувствуя себя виноватым, извинялся и уверял, что никогда не видел клещей и поэтому не заметил их при осмотре в бане. Вот уже действительно Судьба, подхватить сразу трех боррелиозных клещей! Никак не хотелось снова попасть в Боткинскую больницу. Надо было срочно делать вакцинацию гаммаглобулина, который создает временный пассивный иммунитет против инфекционных заболеваний.

Клещи были расфасованы в пакетики и надписаны. Я снова лег в постель и попытался заснуть. И тут вдруг почувствовал в правом ухе какое-то шевеление. Еще один клещ! Да что же это такое?

Достать клеща не было никакой возможности, и я устроил ему «красивую смерть», залив ушной канал водкой. Клещ в стадии «имаго» не выдержал такой химической атаки и быстро отцепился. Он был помещен в третий пакетик.

Утром я еще раз вытряс на улице энцефалитку, вывернул ее наизнанку и тщательно осмотрел швы. В одном месте в складке шва сидел пятый клещ и терпеливо дожидался своего часа. Но ему не повезло.

— Раздавил бы тебя, если б только не знал, что мы с тобой одной крови, — сообщил я клещу, — но и отпустить тебя в поселке на волю, такого заразного, совесть не позволяет. Придется тебе принять «красивую смерть», как и твоему братцу в ухе, извини.

При осмотре перед зеркалом обнаружилось, что эритемы — красные пятна на коже вокруг мест укусов клещей, увеличились. Это был первый и типичный признак боррелиоза, или болезни Лайма.

На базе студенты потихоньку выползали к умывальникам. Степан с Димой Виде ходили по комнатам и тормошили еще не проснувшихся ребят. Наша повариха Анна Федоровна уже приготовила завтрак. Накануне в нее тоже впился клещ, но никакого красного пятна вокруг ранки не было. Не осталось сомнения, что меня укусили сразу четыре

зараженных боррелиозом клеща. И черт меня дернул посетить это обнажение. Теперь надо было срочно делать вакцинацию гаммаглобулина.

На сегодня у меня был намечен обзорный маршрут со студентами-биологами, и мы должны были ехать мимо больницы, но кто знает, как долго я там пробуду и смогу ли потом идти в длинный маршрут по лесу. У второго преподавателя, профессора Валерия Сергеевича Нахабцева болела нога, и он не мог меня подменить.

Пришлось выбрать другой маршрут и отправить на первое самостоятельное занятие Степана Аксюткина. Для молодого преподавателя это будет хорошая педагогическая практика.

Степан прекрасно знал объект, так как писал по нему дипломную работу, и у него был с собой экземпляр его диплома. Я сообщил Степану о принятом решении и отослал его готовиться к маршруту.

После завтрака, когда студенты уже собирались у автобуса, ко мне подошла студента дневного отделения.

— Анатолий Михайлович, у меня плохая новость. Мне нужно срочно уехать домой в Нижневартовск.

— А как же зачет?

— Учебу мне, возможно, придется бросить.

— Что случилось? Еще вчера вечером у костра ты хотала так, будто тебя щекотали сразу несколько парней. Я даже собрался выйти и сделать тебе замечание.

— Вы говорили, что студенты обязаны сообщать начальнику практики обо всех проблемах или происшествиях. Так вот, сегодня утром я узнала, что беременна!

— Поздравляю.

— Да, но для меня это полная неожиданность.

— Как это, разве месяц назад у тебя не было интимной близости с мужем или с этим, как его, с грейпфрутом.

— Анатолий Михайлович, вы же еще не старый, не грейпфрут, а бойфренд, — догадалась студентка, — но у меня нет ни мужа, ни любовника, — смутилась она.

— Ты что же, намекаешь на факт непорочного зачатия? Ну, тогда поздравь своих родителей и сообщи им, чтобы они приготовились ко второму пришествию Христа.

— Вы меня не так поняли.

— Неужели есть другие варианты? — опешил я.

— Стыдно рассказывать, но первый раз в жизни в общении на дне рождения меня так напоили, что я отключилась, а когда проснулась, то почему-то оказалась в кровати совершенно голая. Я еще тогда заподозрила нехорошее.

— Может, это подружки тебя раздели?

— Рядом лежали мужские трусы, — всхлинула студентка, возможно уже и не девица.

— Да, ангел свои трусы не оставил бы, — посочувствовал я, — а какого размера были трусы, не заметила?

— И сегодня утром, девчонки сказали, что по всем признакам, я беременна, — студентка зарыдала и уткнулась лицом в мое плечо, будто я ее любовник.

Меня даже кольнуло в сердце от жалости и подумалось: «И любовь не познала, и проблему на всю жизнь получила».

— Ну, успокойся — есть способы...

— Нет, только я одна во всем виновата, а ребенок должен жить! Вы себе не представляете, какой дома будет грандиозный скандал, а мне родителям даже правду не рассказать, — студентка опять зарыдала.

— Не реви, на нас смотрят ребята.

В этот момент из дома на крыльцо вышли студенты-геологи и, заметив меня в обнимку с девицей, понимающе переглянулись.

— А кто отец ребенка, ты не догадываешься?

— Быть может, это кто-то из мужчин, присутствующих на этой практике.

— Тогда можно узнать методом исключения: меня ты подозреваешь?

— Что вы. Конечно, нет.

— Видишь, подозреваемых стало меньше на одного человека.

Студентка снова хотела кинуться с рыданиями мне на плечо, но я отстранился.

— Сейчас поедem в Питкяранту, в больнице тебя осмотрит гинеколог, там и решим, как быть.

Студенты-геологи собрались в маршрут на Импилахтинский залив осваивать биоиндикационный метод с преподавателем по гидробиологии Натальей Поляковой. У крыльца их ждал местный пес Чип, который всегда сопровождал

студентов во всех пеших маршрутах. С помощью конуса ребята отбирали в заливе пробы планктона, а с помощью сита — бентос из прибрежного ила. Изучая водные сообщества: моллюсков; олигохет, личинок поденок, водяных осликов, клещей и бокоплавов, студенты оценивали качественное состояние водной среды по вычисленной степени сапробности.

А студенты-биологи под моим руководством проходили эколого-геологическую практику и изучали влияние тяжелых металлов, содержащихся в горных породах и отходах горнорудного производства, на микроорганизмы и растения. И сегодня Степан вместо меня должен провести с ними исследование золошлаковых отвалов.

— Я готов, — объявил Степан, — поехали.

Все погрузились в автобус и через полчаса прибыли на место.

Объект нашего исследования — золошлаковые отвалы, располагались в городе Питкяранта на месте старых плавильных печей и образовались в середине девятнадцатого века при выплавке цветных металлов — меди, цинка, свинца, олова и серебра. Отвалы занимают площадь около четырех гектаров недалеко от железнодорожного вокзала на прибрежной террасе Ладожского озера и представляют собой рыхлые почво-грунты чрезвычайно опасной категории загрязнения.

Я сообщил ребятам, что сегодня практику будет проводить молодой преподаватель Степан Аксюткин, и остался на полчаса проконтролировать его вводную лекцию.

Степан говорил хорошо и грамотно поставил перед студентами задачи по оценке эколого-геохимической опасности золошлаковых отвалов:

— Для этого необходимо провести геохимическое опробование шлаков, почв, донных отложений у побережья Ладожского озера, а также отобрать на химический анализ мох, грибы, листья берез и бересту. Радиометристы на каждой точке должны измерить уровень гамма-активности, а геодезисты с джиписэсками определить координаты этих точек. И еще, мы сегодня пробуем три скважины в теле отвала, для того чтобы установить его мощность и оценить распространение на глубину тяжелых металлов и мышьяка.

Ребята разошлись по своим участкам, а мы со студенткой поехали на автобусе в больницу.

Я почему-то был уверен, что в регистратуре будет длинная очередь, и мне суждено проторчать там пару часов, но у окошка не было ни одного человека. Но это не значило, что меня быстро обслужат. Медсестра в регистратуре беспрерывно отвечала на какие-то звонки или звонила сама, вставала и долго копалась в картотеке. Прошло добрых полчаса, пока она обратила на меня свое внимание, с трудом оторвавшись от чтения каких-то бумаг, более важных, чем здоровье человека.

Я объяснил медсестре, что я геолог, здесь в командировке, в лесу меня укусил клещ, и мне надо сделать вакцинацию гаммаглобулина. В подтверждение своих слов я продемонстрировал мертвых клещей, расфасованных в бумажные пакетики.

— Вам по месту работы должны были сделать прививку от энцефалита, — безапелляционно заявила медсестра.

«Спокойствие, только спокойствие», — остановил меня внутренний голос.

— Девушка, я пришел не за вашим советом, а для того, чтобы мне оказали медицинскую услугу, а кто чего и кому должен, я знаю сам. В вашем районе иксодовые клещи являются переносчиками не только энцефалита, но и боррелиоза, или болезни Лайма, от которой нет прививок.

— Тогда вам надо не в больницу, а на станцию скорой помощи.

Студентку быстро записали к врачу-гинекологу, а я отправился в отделение скорой помощи.

Я рассказал дежурному фельдшеру, что меня в тайге укусили сразу четыре клеща, и мне нужна вакцинация гаммаглобулина.

— Процедура платная.

— И сколько будет стоить вакцинация?

— Это зависит от того, какой у вас вес.

— Сто килограммов.

— Две тысячи сто рублей.

— Сикока, сикока? — от волнения у меня вдруг появился японский акцент.

— Что вы так удивляетесь?

— Просто, все мои командировочные две тысячи рублей.

— Может быть, организация оплатит вам затраты на вакцинацию? У вас должен быть полис обязательного медицинского страхования.

— Когда больной попросил врача вытащить у него из головы гвоздь, тот ответил: «С вашим полисом обязательного медицинского страхования мы этот гвоздь можем только загнать».

— Учтите, гаммаглобулина у нас осталось на одну вакцинацию, — сообщила фельдшер, — так что предупредите своих студентов, что бы в лесу были осторожнее.

После лошадиной дозы гаммаглобулина было не есть, и я ходил вокруг автобуса в ожидании студентки. Она выскочила из дверей поликлиники и вприпрыжку побежала через дорогу, весело напевая:

— Акелла промахнулся, Акелла промахнулся!

Стало ясно, что рухнули надежды христианского мира о втором пришествии мессии.

— Сколько стоила прививка? — поинтересовалась наша повариха Анна Федоровна.

— Все командировочные в задницу в прямом смысле этого слова. Для меня это стоило две тысячи сто рублей, а вам выйдет дешевле.

— У меня таких денег нет, — вздохнула Анна Федоровна, — так что мне пришлось бы умереть.

После практики я закрутился с делами и сразу не посетил больницу имени Боткина, чтобы сдать кровь и клещей на анализ. А осенью в меня впился еще один клещ и, наконец, пришлось посетить больницу. В коридоре перед кабинетом, в котором брали кровь на анализ, к моему удивлению, сидело в ожидании приема несколько человек. Среди них батюшка в рясе как раз заканчивал проповедь, пытаясь обратить укушенных в святую веру. На него тоже напал клещ прямо в храме, и он усматривал в этом происки Дьявола. Но батюшке в жизни явно не везло, и под левым глазом у него красовался большой синяк.

«Неверующий был правшой», — дедуктивным методом определил я.

Оказалось что анализ крови на энцефалит бесплатный, а на боррелиоз надо было платить.

Когда сестра брала у меня кровь, я поинтересовался, почему осенью так много укушенных?

— В этом году осенняя вспышка клещевой активности, — объяснила медсестра, — в меня даже дома впились два клеща.

— Как это дома? — опешил я.

— Мать гуляла с собачкой в парке, и та принесла на шерсти, а после прогулки запрыгнула мне на колени.

После сдачи крови я отправился к четвертому корпусу с целью посетить восемнадцатое инфекционное отделение, в котором лежал двенадцать лет назад, передать в пятнадцатую палату сборник пьес «Укушенные», в котором описывалось мое пребывание в этой больнице.

В вестибюле был сделан евроремонт и стоял охранник. Я разъяснил ему, что иду к заведующему восемнадцатым отделением, и он на удивление легко меня пропустил. Поднявшись на лифте на восьмой этаж, я заглянул в открытые двери отделения. По коридору, отбивая четкий военный шаг, шел молодой мужчина в белом халате.

— Добрый день, простите, вы работаете на этом отделении? — спросил я.

— Да, я заведующий, а вы новый пациент?

— Пока еще нет, только кровь сдал на анализ после укуса клеща. Но двенадцать лет назад я проходил здесь лечение по поводу клещевого боррелиоза. Ну и написал пьесу «Укушенные». Вот, один экземпляр вам, а один передайте, пожалуйста, больным из пятнадцатой палаты, я там лежал.

— Там есть одно свободное место, — гостеприимно предложил врач, — хоть сейчас занимайте.

— Нет, спасибо, надеюсь, не придется.

И действительно, в тот раз все обошлось.

ЛЕСНЫЕ ХАРИ

Накануне защиты дипломных работ ко мне подошла студентка пятого курса. Всегда веселая и жизнерадостная девушка находилась в состоянии, близком к истерике. За многие годы руководства университетскими дипломными работами я часто встречался с подобной формой студенческого

«мандраж» непосредственно перед защитой. И главное здесь помочь студенту поверить в свои силы, а для начала немного развеселить.

— Что так печальны очи твои, о юная дева, с лицом, подобным отрезку Луны, — подражая старику Хоттабычу, спросил я.

Но изысканная учтивость восточного слога студентку не развлекала. Она протянула мне сброшюрованную дипломную работу «Оценка загрязнения почв тяжелыми металлами в Питкярантском горнорудном районе» и, всхлипнув, заявила:

— Не буду завтра защищать диплом, не хочу позорить вас как научного руководителя. Ничего не помню и не знаю.

— Ну, это ты брось! Прекрасная дипломная работа, грамотный доклад, мы с тобой неделю его репетировали. Ты, наконец-то, избавилась от этих сорных выражений: «а», «ну», «вот», «типа». В чем дело?

— Меня просто трясет от страха.

— Это зря. Тебе еще рожать предстоит и, может, не один раз, вот это серьезно, а в защите дипломной работы ничего страшного нет, поверь мне. Члены ГАКа (государственной аттестационной комиссии) нормальные люди, никто из них не желает тебя завалить. Только надо собраться и держаться достойно. И еще, не вздумай вести себя как на предзащите, чуть слезу не пустила.

— Да, этот ко мне пристал и еще вопросы задает так ехидно, что я обиделась и чуть не заплакала.

— Не «этот», а профессор Иванюкович. Ты пять лет на кафедре отучилась и не помнишь, как зовут преподавателей? Хорошо, что Георгий Александрович не слышит. Что-то у современной молодежи плохо с памятью стало. Одна девочка приводит в дом молодого человека и говорит:

«Папа и мама, знакомьтесь, это... это... это... этот будет у нас жить!»

Дипломница хихикнула и немного успокоилась.

— И запомни на всю жизнь, когда ты обращаешься к человеку по имени-отчеству, это ему всегда приятно, и он начинает тебя уважать.

— Спасибо, Анатолий Михайлович, мне все понятно.

Наконец, дипломница успокоилась до рабочего уровня. Теперь следовало быть серьезным и дать ценные указания.

— Учти, вопросы тебе будут задавать не с целью подловить и «вынести» с защиты, а наоборот, поддержать тебя, чтобы ты смогла блестяще ответить и поразить государственную комиссию глубиной своих знаний и мудростью суждений. Ты что же, боишься вопросов преподавателей?

— О нет, я боюсь не их вопросов, а своих ответов.

— Запомни, по существу работы ты знаешь больше всех, так как сама ее сделала. Поэтому не бойся. И еще, все члены ГАКа мужчины, и им будет приятно видеть красивую и жизнерадостную дипломантку с отлично выполненной работой. Поэтому веди себя как самая красивая и обаятельная «мисс экологическая геология». И улыбайся, ибо улыбка любую женщину делает красивой, а красивую вдвойне. Но, конечно, улыбайся в меру, а то еще заподозрят, что у тебя «не все дома».

— Хорошо, я постараюсь, — дипломантка уже совсем успокоилась.

— В докладе необходимо продемонстрировать, что ты специалист, способный изучать экологически опасные геологические объекты, отбирать и обрабатывать фактический материал и давать эколого-геологическую оценку состояния компонентов природной среды. И все это есть в твоём дипломе и в докладе, который мы подготовили. В основной части работы ты разбираешься прекрасно и, уверен, ответишь на любой вопрос. Теперь обрати внимание на общие главы, вопросы могут быть и по ним.

— Если я занимаюсь оценкой загрязнения почв тяжёлыми металлами от рудных отвалов месторождения, то для чего описывать животный мир района? Всем и так ясно, что этот материал я списала исключительно из литературных источников.

— «Списала!» Не вздумай ляпнуть такое слово на защите диплома. Не «спасала», а проработала фондовый и литературный материал, обобщила и написала. Поняла?

— Да, я написала этот раздел с использованием фондовых материалов.

— В геологии написание физико-географического очерка — классическая традиция. Если ты согласишься любой геологический отчет, то увидишь, что там обязательно есть и краткое описание животного мира.

— Только не совсем понятно, зачем это нужно.

— Ну, например, ты или кто-то другой соберется в геологическую экспедицию для поисков месторождений полезных ископаемых. Для составления проекта экспедиционных работ просматриваются старые геологические отчеты. Для того, чтобы планировать количество пеших маршрутов, надо приблизительно знать количество дождливых и ясных дней. Если предполагаются лодочные маршруты, то необходимы сведения о скорости и характере течения рек. Надо также иметь представление о том, какие в районе работ водятся животные, опасные для людей, и какие редкие животные, чтобы их охранять. Понятно?

— Да.

— Поэтому в план твоей дипломной работы и включен краткий физико-географический очерк района. Может быть, на первый взгляд, он не очень важен, но ты должна показать, что умеешь писать такие главы.

— И какие вопросы мне могут задать на защите?

— Любые, которые касаются твоей работы.

— Не будут же меня спрашивать про животный мир?

— Вполне могут спросить, какие природоохранные меры нужно принимать после окончания разработки месторождения, в том числе и для сохранения животного мира.

— На этот вопрос я смогу ответить.

— Ты должна уметь ответить на любой вопрос и знать каждое слово, написанное в твоей дипломной работе. Давай предположим, что я председатель государственной аттестационной комиссии Михаил Аркадьевич Холмянский. Вот, я беру твою дипломную работу, наугад открываю и как раз попадаю на физико-географический очерк. Читаю: «В составе фауны региона распространены нескольких видов-интродуцентов — канадские бобры, американские норки, енотовидные собаки, лесные хари...». Постой, что это за «лесные хари»? Я о таких животных не слышал, и никогда в лесу не видел.

— Эту главу я написала по литературным источникам, а раз там написано, то значит, в районе эти лесные хари водятся, — решительно заявила студентка.

— Хорошо, держись уверенно. Не забывай про улыбку. Нет, такая глуповато-восторженная улыбка, будто ты выиграла миллион, здесь не пойдет. И эта наивно-обаятельная

тоже. Видела картину Леонардо да Винчи «Монна Лиза»? Улыбайся, как Джоконда, — немного загадочно, будто действительно знаешь, как выглядят лесные хари. Вот, так уже лучше, можешь, если захочешь. А теперь отвечай, откуда взялись в районе лесные хари.

— «Интродуцентные виды», значит, внедренные в местную экосистему из других районов России или с другого континента — например, канадские бобры. Вероятно, эти хари совсем недавно и внедрены, раз вы их никогда не встречали, — дипломница смело посмотрела мне прямо в глаза.

— Я проработал в этом районе всю свою геологическую жизнь, исходил его вдоль и поперек и ни разу даже мельком не видел, ни одной лесной хари.

— Их нельзя увидеть, они очень быстро бегают, — нашла дипломница.

— Хорошо, если мне не посчастливилось их увидеть, то расскажите о них подробнее.

— Ну, они бывают разные, — дипломница кокетливо закатила глаза к потолку, — но очень быстро бегают.

— То, что они быстро бегают, вы уже говорили. А какие еще у них есть достоинства, кроме быстрого бега?

— Они... — дипломница на секунду задумалась и уверенно ответила, — они очень пугливы.

— О, для диких животных, да еще интродуцентов, это важное качество для выживания в новых экосистемах. Ну, а любопытно было бы узнать мне и членам ГАКа, какие они из себя, эти лесные хари? — я снова вернулся к роли председателя.

— Они бывают разные — большие и маленькие.

— Понятно, маленькие хари, они какие?

— Это детеныши больших.

— А большие?

— Что большие?

— Ну, как выглядят большие лесные хари?

— Обыкновенно, у них есть глаза, зубы, уши.

— Это у всех животных есть. Что для них характерно? Какие особенности отличают их от других животных?

— Они очень быстро бегают.

— Это вы уже упоминали два раза. Но если это их отличительная особенность, то скажите, пожалуйста, для чего они так быстро бегают по лесу.

— Спасаются от хищников.

— Каких?

— Ну, разных, волков, лисиц, рысей.

— А сами хари чем питаются?

— Сами они тоже хищники, раз так быстро бегают. И ловят более мелких животных.

— Уже ближе к истине. А теперь вспомните правильное название этих животных.

— Анатолий Михайлович, ну что вы меня мучаете вопросами? Разумеется, я не видела ни одной лесной хари. Это же из литературных источников. Скажите, что это за животные?

— Это лесные хори из отряда кунных. Хорьки, слышала про таких животных?

— Всего-то ошиблась в одной букве.

— А как здорово получилось.

— Вы только нашим ребятам о моей ошибке не проговоритесь, а то засмеют и будут еще называть меня лесной харей.

— Ладно, обещаю, что когда буду рассказывать эту историю, не назову твоего имени.

— Одна девочка из нашей группы, когда поступала на факультет, на собеседовании перепутала тайгу и тундру.

— Как это?

— Профессор ее спросил, что такое тундра. Она перелопачивалась, спутала слова и стала рассказывать про тайгу:

«Там растут огромные деревья».

«А вы ничего не путаете?» — перебил ее профессор.

«Нет, я же была в тундре, и деревья там просто огромные».

Тогда профессор ей и говорит: «Девушка, вас ввели в заблуждение, это была тайга».

Так вот, бедную девочку все пять лет учебы в университете студенты называли между собой Тундра.

— Да, студенты народ на язык злой. Одну девушку на факультете прозвали Кокчетавская глыба, по названию ее курсовой работы. А по каким источникам ты писала о животном мире района?

— Этот материал я заимствовала из дипломной работы Степана Аксюткина, у которого вы были научным руководителем.

— Ну-ка, посмотрим, — я включил компьютер и нашел файл с дипломной работой Степана, — так и есть, вот откуда торчат уши лесных харь. Специально так написал, да еще причислил к интродуцентным видам студентов-экогеологов.

Так мне аукнулась моя байка про студента электротехнического института, который в своей курсовой работе написал: «А сердечник для трансформатора возьмем деревянный, все равно курсовик до этой страницы ни один препод не дочитает!»

Сага о лесных харях очень понравилась студентам биологам-экологам, у которых я вел в Импилахти эколого-геологическую практику. Они так воодушевились этим животным, что подробно расписали экологию лесных харь в главе студенческого отчета «Животные-интродуценты в лесах Южной Карелии». Пока я в камералке шестой раз проверял черновик их отчета, они хихикали и перемигивались, уверенные, что я не дочитаю до этой главы и скажу им, что все хорошо.

— Хорошо написано, — похвалил я биологов, и они радостно заулыбались, думая, что подловили меня на моей же хохме, — только почему-то отсутствует описание такого чрезвычайно важного для экосистемы района интродуцента как *Litofagus Virigus*.

Студенты смутились от мудреного латинского названия.

— Литос — камень, фагус — пожиратель, виригус — зеленый, — провела анализ латинского названия самая умная студентка-биологиня. — И что это за животное, пожиратель камней?

— Да, камнеедка обыкновенная.

— И какие же у них особенности? Какие они из себя? — заинтересовались студенты.

— Они бегают в два раза быстрее, чем лесные хари, и увидеть их совершенно невозможно, поэтому никто никогда их и не видел.

Студенты поняли, что их опять «купили»

— Дайте нам полчаса, и в нашем отчете *Litofagus Virigus* достойно пополнит биоразнообразие местной экосистемы, — заявили биологи.

ПИКАНТНАЯ ОШИБКА

Моя жена Наташа тоже работала в университете. Когда лекции у меня начинались утром, то мы вместе ехали на работу. В метро, на одной из остановок в вагон зашли три девицы и встали напротив нас. В одной из них я узнал мою студентку-курсовичку. Она весело болтала со своими подружками, смеялась и, пробегая взглядом, совершенно не замечала меня. Мне даже стало обидно, что студентка не обращает на меня внимания и не здоровается. Через некоторое время у нее в мозгу вдруг что-то сработало, она прервала смех, резко обернулась, посмотрела на меня и смущенно пробормотала:

— Ой, Анатолий Михайлович, здравствуйте. Извините, я вас одетым сразу и не узнала.

Я тоже смутился от двусмысленной фразы и как-то неловко ответил:

— Привет.

После минуты неловкого молчания Наталья тихо спросила меня:

— Интересно, а раздетым она тебя узнает сразу?

— Тоже не сразу, — отшутился я.

В аудитории на самой дальней парте у окна сидела всего одна студентка — длинноволосая симпатичная блондинка. Она любовалась на себя в зеркало, и в ушах у нее торчали наушники от плеера. Даже у дверей была слышна какая-то попсовая музыкальная какофония. Четко долбил ударник, и девица ритмично дергалось под его звуки, как будто ей в голову забивали гвозди.

Увидев меня, девица отложила зеркальце, вытащила из ушей оба наушника и поздоровалась.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — я положил на преподавательский стол конспект лекций. — Высшая степень проявления уважения к преподавателю со стороны современного студента, это когда он вынимает из ушей оба наушника, — изрек я с видом солидного гуру. — А где остальные? Что, все теперь ходят на учебу к четвертой паре, как в Университете дизайнера?

Дело в том, что сын подружки нашей семьи Виталик Правдиков учился в этом институте и уверял мать чуть

ли не каждый день, что ему нужно идти учиться только к четвертой паре. Как далеко шагнула лень! Когда я учился в Университете, то утром говорил родителям, что мне ко второй паре.

— Сейчас ребята подойдут, у нас лекция была в главном здании, — просто ответила девица.

Я сел за стол, пробежал глазами конспект и вдруг вспомнил, что мне надо вместе с этой студенткой проводить производственную практику и ехать отбирать пробы почв около иловой площадки северной станции аэрации городских канализационных стоков.

Вот уж никогда не думал, что когда-нибудь буду заниматься проблемами осадков канализационных стоков. В девяностые годы по заказу «Водоканала» там проводил геохимические исследования почв мой старший брат Геннадий и усиленно приглашал меня принять в них участие. Какие-никакие, но все же деньги в те трудные для науки годы. Но я отказался, так как писал заявку на грант на изучение петрологии острова Гогланд в РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований, и очень рассчитывал его выиграть. Но судьба распорядилась по-другому, и, став доцентом кафедры экологической геологии, я неожиданно вернулся к этой теме. Одна из студенток на производственной практике не смогла собрать материал на курсовую работу, и надо было помочь ей сделать какое-то исследование на базе кафедры. Но экологическая геология наука совершенно новая, а студентов много, и материалов на курсовые работы мало. Вот я и вспомнил про геохимические работы брата, используя его старый отчет по геохимической съемке почв вокруг полигона.

В условиях общесплавной канализации, когда коммунальные стоки соединяются со стоками промышленных предприятий, в осадки поступают тонны химических веществ первого и второго классов опасности, таких как медь, свинец, хром, кадмий, цинк, ртуть и др. Накапливаясь в осадках очистных сооружений, они могут загрязнять грунтовые воды и почвы, прилегающих к полигонам территорий, представляя серьезную опасность для населения. Полигоны — это прямоугольные емкости глубиной до десяти метров, обвалованные глиняными барьерами для защиты

от загрязнения грунтовых вод и окружающих почв. Однако загрязнение компонентов природной среды — поверхностных и грунтовых вод, почв все равно может происходить либо при ливневых наводнениях в картах, либо при ветровой эрозии в периоды засухи.

Суть курсовой работы состояла в том, чтобы определить, не загрязняют ли окружающие почвы или сточных вод, хранящиеся в обвалованных глиной котлованах.

И тут мне почему-то показалось, что именно с этой блондинкой я должен ехать отбирать пробы в район иловой площадки. И договоренность об этой поездке у нас уже была.

— Ладно, — сказал я, обращаясь к студентке, — пока никого нет, давай договоримся, где мы с тобой в субботу встретимся.

Студентка с легким удивлением на меня посмотрела, положила на парту зеркальце и немного кокетливо ответила:

— Давайте.

«Чего это она кокетничает, будто я ее на дискотеку приглашаю», — мелькнула было мысль, но я суровым голосом доцента спросил:

— Ты где живешь?

Студентка назвала незнакомую мне улицу.

«Вроде она жила в общежитии в Петергофе, — вспомнил я, — но, наверное, сняла комнату в городе, а то у наших студентов на дорогу до университета и обратно уходило больше четырех часов в день».

— Какая там ближайшая станция метро?

— Пионерская.

— Ну, не очень удачно, но ладно, я подскочу туда к одиннадцати часам на машине.

— А какая у вас машина? — снова кокетничая, спросила студентка.

— «Ока».

— Ну, не очень шикарно, — разочарованно промямлила она, — ребята называют ее «капсула смерти».

— «Ока» — это высокоскоростной отечественный автомобиль невиданной проходимости, — строго сказал я.

На практике в Импилахти студенты постоянно издевались над моей машиной, которую я ласково называл «кикимора», а они «пепелац», как летательный аппарат из кино-

фильма «Кин-дза-дза». Однажды ночью они даже пытались пристроить на крыше автомобиля деревянный винт и чуть капот не поцарапали.

— И какую же скорость она может развивать?

Как раз накануне я возил двух поляков в Выборг, и на скоростном шоссе мне удалось разогнать «Оку» до ста тридцати километров в час и удерживать эту скорость около десяти минут. Правда тут же один за другим снаружи раздались четыре хлопка, и когда я остановился и осмотрел машину, то оказалось, что встречным ветром у нее оторвало сразу четыре самодельных резиновых брызговика.

— «Ока» может достигать скорости двести километров в час, — соврал я, немного обижаясь за свой автомобиль.

— Ну, наверное, не вся, — нахально усмехнулась девица, — а отдельными частями.

— В конце концов, нам не в автогонках участвовать, и для наших целей она как раз отлично подойдет, — заверил я, — проходимость будь здоров! Не всякий трактор проедет там, где прошла «Ока». Заберу тебя, и мы поедем.

— Куда? — удивилась студентка.

— Как это куда? — она стала меня уже доставать своими ужимками и этим дурацким зеркальцем. Я ради нее в свой законный выходной еду отбирать пробы вокруг дерьмохранилища, а она тут дурочку непонятливую из себя корчит.

— На помойку! — твердо сказал я, так как говорить: «полигон иловых площадок сточных канализационных вод» было длинно, а «дерьмохранилище» неудобно.

— Какую? — встрепенулась студентка.

«Ну, ты меня уже достала своей догадливостью», — с раздражением подумал я, а вслух сказал:

— На которой дерьмо городское хранится, забыла, что ли?

— Нет, Анатолий Михайлович, это вы с Рыбиной на помойку поезжайте, а я занимаюсь кладбищами.

И тут я вспомнил, что эта студента действительно изучала процессы разрушения мраморных памятников в акрополе Александро-Невской лавры, и я спутал ее со своей курсовичкой.

— Ну, спасибо, что сразу не отказала, — поблагодарил я.

В дверь толпой вошли студенты, и я приступил к лекции.

Вернувшись домой, я рассказал Наталье, как спутал свою курсовичку с другой девицей и еще приглашал ее на «Оке» съездить на помойку, и как она, между прочим, не сразу отказалась.

— Как же можно путать студенток, ты же с ними на практике в Импилахти целый месяц был.

— Там они почти все время ходили раздетые.

— Я смотрю, ты своих студенток одетыми тоже не сразу узнаёшь.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Баня по-карельски	4
Ришар	26
Безвалютный обмен	31
Рыбаки и нудисты	36
На турбазе	43
Русские специи	61
Чеверме	67
Пердетта	74
Телекинез и точка бифуркации	78
Практика по экологической геологии	100
Клещи	110
Лесные хари	125
Пикантная ошибка	137

Анатолий Беляев
Геологические практики
Рассказы

Оригинал-макет *М.В. Смирнов*

Настоящее издание публикуется в авторской редакции

Подписано в печать .06.2011. Формат 84×108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,6
Тираж 500 экз. Заказ №2162

Издательство «Нестор-История»
197110, СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел.: (812)235-15-86
e-mail: nestor_history@list.ru

ООО «Сидосе»
197110, Санкт-Петербург, Песочная наб., 40, офис 7

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095, СПб., ул. Розенштейна, д. 21. Тел.: (812)622-01-23